

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОЦИАЛЬНО-
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Силаев Игорь Витальевич

**СМЫСЛООБРАЗОВАНИЕ ЕДИНИЦ С ЛОГИЧЕСКИ
НЕСОВМЕСТИМЫМИ КОМПОНЕНТАМИ
В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ
(на материале русской поэзии первой половины XX века)**

Специальность 5.9.5. Русский язык. Языки народов России

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

**Научный руководитель:
доктор филологических наук,
доцент К.И. Декатова**

Волгоград – 2025 г.

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА I. Теоретические основы исследования единиц с логически несовместимыми компонентами.....	13
1.1. Единицы с логически несовместимыми компонентами как разновидность фигур абсурда.....	13
1.2. Единицы с логически несовместимыми компонентами как объект лингвистического исследования.....	26
1.3. Типология единиц с логически несовместимыми компонентами	40
Выводы по первой главе.....	52
ГЛАВА II. Смысловая структура единиц с логически несовместимыми компонентами	55
2.1. Смыслообразование как процесс формирования плана содержания единиц с логически несовместимыми компонентами.....	55
2.2. Когнитивно-семиологический подход к исследованию смыслообразования единиц с логически несовместимыми компонентами....	67
Выводы по второй главе.....	82
Глава III. Смыслообразование единиц с логически несовместимыми компонентами в произведениях русских поэтов первой половины XX века.....	85
3.1. Смыслообразование фигур алогизма в произведениях русских поэтов первой половины XX века.....	85
3.1.1. Смыслообразование оксюморона в лирике русских поэтов первой половины XX века.....	86
3.1.2. Смыслообразование катахрезы в русских поэтических текстах первой половины XX века.....	101
3.2. Смыслообразование фигур неправдоподобия в русской лирике первой половины XX века.....	109
3.2.1. Смыслообразование гипербол в русских поэтических текстах первой половины XX века.....	110

3.2.2 Смыслообразование литот в стихотворениях русских поэтов первой половины XX века.....	141
Выводы по третьей главе	162
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	166
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	170
СЛОВАРИ И СПРАВОЧНИКИ.....	200
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ЯЗЫКОВОГО МАТЕРИАЛА	203

ВВЕДЕНИЕ

В современном языкознании исследованию фигур абсурда посвящено немало работ [Вольф, 2014, 2017; Москвин, 2024; Пекарская, 2014; Полторацкий, 1990; Федорова, 2020; Яшина, 2009 и др.]. В процессе изучения структурно-семантического, когнитивного, функционального своеобразия разных фигур абсурда была выделена группа стилистических приемов, особенности смыслообразования которых обусловлены наличием в их составе слов, выражающих несовместимые понятия и содержащих в семантике противоречивые смысловые элементы. Данная группа, названная единицами с логически несовместимыми компонентами [Алефиренко, 1993; Декатова, 2001], включает такие изобразительно-выразительные средства, как фигуры алогизма (оксюморон, катахреза) и неправдоподобия (гипербола, литота).

В отечественной лингвистике проводилось разностороннее изучение семантики единиц с логически несовместимыми компонентами (далее – ЕЛНК), а именно: описывалась специфика значения отдельных групп ЕЛНК, рассматривались семантические признаки, которые отличают ЕЛНК от других стилистических приемов [Крысин, 1988; Харченко, 2019; Тихомиров, 2006; Бочина, 2002, 2003, 2005; Козинец, 2015; Якунина, 2007 и др.], анализировались семантические механизмы разрешения противоречий в значении ЕЛНК [Атаева, 1975; Кургенян, 2006, 2007; Павлович, 1979, 1981; Шестакова, 2009; Бочина, 2003; Якутина, 2007; Барсукова, 2013; Кашина, 2013; Пекарская, 2014 и др.]. Исследование значения ЕЛНК проводилось на материале разговорной речи, публицистических, художественных прозаических и поэтических текстов [Бобровская, 2009; Садовников, 2014; Степанова, 2020; Супряга, 2023; Тихомиров, 2006; Харченко 2019; Шилихина, 2020; Яшина 2010 и др.]. Пристальное внимание к формированию семантики в последнем типе текстов обусловлено частотой использования и

разнообразием ЕЛНК в поэтических произведениях. ЕЛНК вызывают большой интерес у исследователей поэзии, поскольку обладают противоречивой природой, позволяют точно и ярко охарактеризовать поэтический образ, комбинируя несовместимые понятия, помогают вскрыть диалектическое противоречие, разнообразие и многогранность объектов поэтической номинации.

Несмотря на разностороннее изучение в современном языкознании структурно-семантического своеобразия ЕЛНК в поэтическом тексте, механизмы их смыслообразования все еще нуждаются в рассмотрении. Анализ данных механизмов предполагает использование когнитивно-семиологического подхода, позволяющего осмыслить взаимосвязь когнитивных процессов, в результате которых происходит переосмысление компонентов ЕЛНК, с одной стороны, и семиологических свойств знаков, определяющих процессы категоризации и концептуализации, с другой. Необходимость комплексного изучения когнитивно-семиологических процессов смыслообразования ЕЛНК в поэтическом тексте обусловила **актуальность** данной работы.

Объектом диссертационного исследования стали единицы с логически несовместимыми компонентами в поэтическом тексте; **предметом** — смыслообразование единиц с логически несовместимыми компонентами в русской поэзии первой половины XX века.

Цель настоящей работы заключается в анализе механизмов смыслообразования ЕЛНК в поэтическом тексте, а также в изучении их когнитивно-семиологической природы.

Для достижения поставленной цели потребовалось решение следующих **исследовательских задач**:

1) выявить отличительные структурно-семантические признаки такой разновидности фигур абсурда, как ЕЛНК;

2) рассмотреть типологию ЕЛНК, основанную на противопоставлении образованных по принципу алогизма и неправдоподобия стилистических фигур;

3) описать особенности основных элементов смысловой структуры ЕЛНК;

4) разработать схему анализа смыслообразования ЕЛНК в поэтическом тексте с применением когнитивно-семиологического подхода;

5) проанализировать виды категориальных и семантических противоречий, обостряющихся в процессе смыслообразования употребляемых в поэтическом тексте ЕЛНК;

6) исследовать своеобразие смыслообразования построенных по принципу алогизма ЕЛНК в текстах русской поэзии первой половины XX века;

7) охарактеризовать особенности смыслообразования построенных по принципу неправдоподобия ЕЛНК в текстах русской поэзии первой половины XX века.

Материалом диссертационного исследования послужила авторская картотека, содержащая более 1500 примеров употребления единиц с логически несовместимыми компонентами в русской поэзии первой половины XX века.

Источниками материала для исследования послужили тексты стихотворений таких русских поэтов первой половины XX века, как А.А. Ахматова, А.А. Блок, В.Я. Брюсов, И.А. Бунин, Н.С. Гумилёв, С.А. Есенин, О.Э. Мандельштам, В.В. Маяковский, Б.Л. Пастернак, И. Северянин, Ф.К. Сологуб, М.И. Цветаева.

Теоретико-методологическую базу исследования составили:

1) труды, освещающие проблемы стилистики и риторики (М.М. Бахтин, В.В. Виноградов, И.Р. Гальперин, М.Л. Гаспаров, Г.А. Копнина, В.П. Москвин, А.П. Сковородников, Ю.М. Скребнев, Т.Г. Хазагеров и др.), а также работы, посвященные анализу фигур алогизма и фигур

неправдоподобия (Л. А. Введенская, О. А. Вольф, Б. Т. Ганеев, С. Б. Козинец, Л. П. Крысин, Н. В. Павлович, И. В. Пекарская, С. А. Садовников, С. А. Тихомиров, О. Л. Якутина и др.); 2) исследования в области семантики (Н. Ф. Алефиренко, Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, В. В. Виноградов, Е. Г. Дмитриева, В. А. Звегинцев, М. В. Никитин, Л. А. Новиков, М. Я. Поляков, О. Н. Селиверстова, В. Н. Телия, Д. Н. Шмелев, Л. В. Щерба и др.) и семиологии (Н. Ф. Алефиренко, А. Ж. Греймас, К. И. Декатова, Ю. С. Степанов, А. А. Уфимцева и др.); 3) работы, отражающие результаты исследования в области когнитивной лингвистики (Н. Ф. Алефиренко, А. П. Бабушкин, А. Н. Баранов, Н. Н. Болдырев, С. Г. Воркачев, В. И. Карасик, Е. С. Кубрякова, Дж. Лакофф, Р. Лангакер, Г. В. Токарев и др.); 4) труды, посвященные анализу языка поэтического текста (В. В. Виноградов, М. Л. Гаспаров, О. И. Ильин, Т. А. Корнеева, И. И. Ковтунова, Н. А. Максимова, Н. В. Павлович, О. А. Селеменова, С. В. Супряга, Ю. Н. Тынянов, В. М. Хаимова и др.).

Для реализации поставленных в работе задач были использованы следующие **методы исследования**:

1) описательный метод – для исследования организации смысловой структуры ЕЛНК с использованием таких приемов, как наблюдение, сопоставление, интерпретация, обобщение;

2) метод компонентного анализа – для выявления иерархии сем семемы ЕЛНК, а также для исследования семантических изменений слов, входящих в состав ЕЛНК;

3) метод контекстуального анализа – для характеристики смысловой взаимосвязи ЕЛНК с контекстом, в котором они были обнаружены;

4) методика когнитивно-семиологического моделирования смыслообразования языковых единиц, разработанная К. И. Декатовой, – для анализа смысловых противоречий, образующихся в процессе смыслового структурирования ЕЛНК.

Научная новизна исследования определяется тем, что в нем впервые:

- 1) проанализирована такая разновидность фигур абсурда, как группа единиц с логически несовместимыми компонентами, объединяющая фигуры алогизма и неправдоподобия;
- 2) описана смысловая структура ЕЛНК, рассмотрены особенности ее денотативного и сигнификативного макрокомпонентов;
- 3) с использованием когнитивно-семиологического подхода выявлены и охарактеризованы разновидности категориальных и семантических противоречий, обостряющихся в процессе смыслообразования ЕЛНК;
- 4) осуществлено комплексное описание когнитивно-семиологических процессов смыслообразования ряда ЕЛНК в русской поэзии первой половины XX века, таких как оксюморон, катахреза, гипербола, литота.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что проведенный анализ механизмов формирования смысловой структуры ЕЛНК в поэтическом тексте может послужить основой для дальнейшего изучения смыслообразования фигур абсурда в художественном тексте. Использование когнитивно-семиологического подхода к изучению смыслообразования ЕЛНК в текстах русской поэзии первой половины XX века предоставляет возможность анализировать механизмы формирования и преодоления категориальных и семантических противоречий в процессе образования смысловой структуры фигур алогизма и неправдоподобия. Результаты исследования способствуют развитию теории семантики в целом и расширению знаний о структурно-семантических особенностях фигур абсурда в частности.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его материала в практике преподавания вузовских дисциплин современный русский язык, стилистика, теоретическая семантика, теория текста, филологический анализ текста и в школе на уроках русского языка

при изучении таких разделов, как лексикология, стилистика. Результаты когнитивно-семиологического анализа смыслообразования ЕЛНК в поэтических текстах могут быть использованы на занятиях по русской литературе в процессе изучения русской поэзии первой половины XX века.

Положения, выносимые на защиту:

1. Единицы с логически несовместимыми компонентами относятся к интерпретируемым фигурам абсурда, которые обладают рядом отличительных структурно-семантических признаков: 1) состоят из слов-компонентов, вербализирующих логически несовместимые понятия; 2) содержат в смысловой структуре семы, вступающие в противоречие, которое разрешается в результате переосмысления слов-компонентов. К единицам с логически несовместимыми компонентами относятся сложноорганизованные фигуры абсурда, построенные одновременно по нескольким принципам: оксюморон и катахреза – по принципам контраста, алогизма и семантической конвергенции; гипербола и литота – по принципам контраста, неправдоподобия, сходства и градации.

2. Смыслообразование единиц с логически несовместимыми компонентами представляет собой формирование структуры речевого смысла, содержащего денотативный и сигнификативный макрокомпоненты. Денотативный макрокомпонент ЕЛНК – денотат актуального значения, который является типизированным образом объекта номинации и неразрывно связан с первичными денотатами слов, входящих в состав стилистической фигуры. Сигнификативный макрокомпонент ЕЛНК – совокупность сем, отражающих сущностные признаки определенного класса предметов, отличающаяся наличием несовместимых и взаимоисключающих смысловых элементов. В процессе смыслообразования ЕЛНК формируется когнитивно-семиологический парадокс, проявляющийся в обострении категориальных и семантических противоречий смысловых элементов.

3. Сложное, порой противоречивое мироощущение русских поэтов первой половины XX века нередко воплощалось в содержащих

противоречивые смыслы образных средствах языка, среди которых значительную часть составляют такие ЕЛНК, как фигуры алогизма и фигуры неправдоподобия. В поэтических текстах анализируемого периода использовались разные структурно-семантические типы оксюморона (однословные и многословные, разночастные и равночастные, денотативные и коннотативные) и катахрезы (метафорического и метонимического происхождения, катахрезы-парадоксы, именные, глагольные, адъективные). Смыслообразование фигур алогизма сопровождается обострением глобальных и субкатегориальных противоречий, а также сложных семантических противоречий. Разрешение данных противоречий происходит в результате перекатегоризации и семантического преобразования слов-компонентов оксюморона и катахрезы.

4. В произведениях поэтов первой половины XX века содержатся разные типы фигур неправдоподобия, однако только тропеические и абсолютные гиперболы и литоты можно отнести к ЕЛНК. Смыслообразование данных стилистических фигур сопровождается возникновением глобальных и реже субкатегориальных противоречий, которые, как правило, разрешаются глобальной перекатегоризацией и соотношением одного из слов-компонентов с количественными категориями. Такими когнитивными изменениями в смысловой структуре слов, участвующих в формировании гипербол и литот, обусловлена особенность преодоления семантических противоречий, обостряющихся в ходе смыслообразования фигур неправдоподобия, относящихся к ЕЛНК: в значении слов, подвергающихся глобальной перекатегоризации, имплицитируются семы, вербализирующие признаки конкретного предмета, явления, и эксплицитируются семы, вербализирующие количественные признаки.

Оценка достоверности результатов исследования показала: использованы рациональные методы и приемы исследования, объем анализируемого материала соответствует требованиям, положения

подкреплены примерами с последующим анализом, полученные теоретические и практические выводы поддержаны значительной теоретико-методологической базой, а также представлены в научных статьях.

Апробация и внедрение результатов исследования. Содержание исследования отражено в 6 публикациях (общий объем 3,28 п. л.), в том числе 4 статьи – в изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации. Основные положения и выводы диссертации докладывались на аспирантских семинарах Волгоградского государственного социально-педагогического университета (Волгоград, 2022–2025). Результаты исследования были представлены на следующих научных конференциях различного уровня: Казанский международный лингвистический саммит (Казань, 2023); Международная научно-практическая конференция «Сталинградская гвоздика» (Волгоград, 2022–2025); Международная научно-практическая конференция «Русский язык в поликультурной образовательной среде» (Волгоград, Душанбе, Термез, Туркменабад, 2024); VIII Международная научно-практическая конференция «Границы знаний: междисциплинарный подход в науке» (Саратов, 2025); XXVI и XXVII региональных конференциях молодых ученых и исследователей Волгоградской области (Волгоград, 2023– 2024).

Структура диссертации. Диссертационное исследование (общий объем 205 с.) состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы (233 наименования), списка словарей и справочников (20 наименований), списка источников языкового материала (21 наименование). В тексте содержатся 1 таблица и 4 рисунка.

В первой главе проанализированы теоретические основы исследования ЕЛНК, выявлены и описаны типы единиц с логически несовместимыми компонентами, рассмотрены принципы дифференциации ЕЛНК. Во второй главе диссертационного исследования раскрываются когнитивные и семантические особенности смыслообразования ЕЛНК, описывается формирование смысловой структуры, состоящей из таких

макрокомпонентов, как денотативный и сигнификативный компоненты, доказывається целесообразность использования когнитивно-семиологического подхода к исследованию смыслообразования ЕЛНК в поэтическом тексте. В третьей главе диссертации рассматриваются своеобразие смыслообразования фигур алогизма (оксюморона, катахрезы) и фигур неправдоподобия (гиперболы, литоты) в русской поэзии первой половины XX века.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЕДИНИЦ С ЛОГИЧЕСКИ НЕСОВМЕСТИМЫМИ КОМПОНЕНТАМИ

1.1. Единицы с логически несовместимыми компонентами как разновидность фигур абсурда

С античных времен и до наших дней изобразительно-выразительные средства языка привлекали внимание учёных, поскольку их использование в речи является одним из эффективных способов привлечь и удержать внимание слушателей или читателей. Однако, несмотря на длительную историю осмысления сущности разных изобразительно-выразительных средств языка, в современной лингвистике вопрос о классификации тропов и стилистических фигур остается дискуссионным. Отсутствие общей классификации объясняется тем, что «система тропов и фигур слишком сложна, чтобы описать её с помощью одного-двух формальных противопоставлений» [Москвин, 2006, с. 26]. В древних риториках и поэтиках выразительные средства были разделены на тропы и фигуры. К тропам относили употребленные необычным образом отдельные слова, а фигурами называли сочетания слов. Фигуры делились на две группы: фигуры мысли (уточняющие позицию оратора, уточняющие смысл предмета или отношение к предмету и уточняющие контакт со слушателями) и фигуры слова (фигуры прибавления, фигуры убавления и фигуры перестановки, размещения), к которым и добавлялись фигуры переосмысления, или тропы [Гаспаров, 1991, с. 41-43]. Данная классификация, созданная на структурной основе, с течением времени дополнялась, списки фигур уточнялись, разрабатывались новые классификации средств художественной выразительности. В современном отечественном и зарубежном языкознании изобразительно-выразительные средства подразделяются на таких основаниях, как различия между нормальными и девиантными чертами стилистических приемов (Д. Лич), прагматически мотивированное

отклонение от нормы в ее широком, философско-онтологическом осмыслении (А. П. Сковородников, Г. А. Копнина), уровневая принадлежность тропов и стилистических приемов (И.Р. Гальперин, Ю.М. Скребнев), функциональные особенности выразительных средств (Л. К. Граудина, Г. И. Кочеткова), соотнесение тропов и фигур с качествами речи – правильность / неправильность, однозначность / двусмысленность, разнообразие/ однообразие и др. (В.П. Москвин) и др. В 80-х – начале 90-х гг. время, которое, как отмечает И.В. Пекарская, называют «риторическим ренессансом», в лингвистических исследованиях начали искать единые принципы построения стилистических фигур [Пекарская, 2017, с. 84]. Были выявлены и описаны такие образующие изобразительно-выразительные средства принципы, как принцип взаимодействия различных типов лексических значений [Гальперин, 1958], принцип сопоставления, позволяющий разделить изобразительно-выразительные средства на четыре группы «в зависимости от того, какие отношения между соединяемыми в них образами лежат в их основе: сходство, смежность, контраст или тождество» [Хазагеров, Лобанов, 2008, с. 222], принцип контаминации, в частности, синтаксической контаминации [Пекарская 1995, 2000; Сковородников, Копнина, 2011], принцип симметрии и структурной хаотичности [Береговская, 2007], принцип противопоставления «экономных» и «избыточных» структур [Сковородников, 1981], принцип отклонения от нормы (морфологической, синтаксической, семантической, логической, коммуникативной нормы и под.) [Борев 1988; Сковородников, Копнина, 2011], принцип синтагматической расчлененности или ослабления синтагматических связей [Акимова, 1990], принцип алогизма [Сковородников, Копнина, 2011; Москвин, 2024], принцип неправдоподобия [Москвин, 2024] и др. Последние два принципа являются основой построения фигур абсурда. В связи с существующим в философских, культурологических и лингвистических исследованиях разночтением термина «абсурд» и нередкого использования его как синонима термина

«алогизм», уточним, что в нашем исследовании вслед за В.П. Москвиным речевым абсурдом называется «смысловое соотношение звеньев речевой цепи, вступающее в конфликт либо с принципом правдоподобия, либо с требованиями логики» [Москвин, 2024, с. 95]. Такое понимание абсурда позволяет рассматривать фигуры алогизма как разновидность фигур абсурда, пополнив список последних фигурами неправдоподобия. Так как феномен абсурда сложен и многогранен, номенклатурное описание фигур абсурда в научно-исследовательских работах отличается разнообразием и большим диапазоном оснований для классификации. В настоящее время к данным фигурам относят оксюморон [Сковородников, 2004; Пекарская, 2014; Ермакович 2014; Москвин, 2024; Вольф, 2017; Садовников, 2014 и др.], гиперболу, литоту [Москвин, 2024; Пекарская, 2014], симулятив, семантический хиазм, семантическую парехезу, семантическую антитезу, антитезный абсурд, абсурдное олицетворение [Пекарская, 2014] амфиболию, астеиз, антифразис [Сковородников, 2004; Пекарская, 2000; Грищева, 2010], зевгму, катахрезу, [Пекарская 2000; Вольф, 2017; Садовников, 2014; Москвин, 2024 и др.], метафорический алогизм [Заяц, 2006], фрактату, диафору, плоку, перкурсию, [Сковородников, 2004; Грищева, 2010], амфигурию, груду слов, гистеропротерон, квазиантитезу, семантический силлепсис, апофазию, паралепсис, палисиаду (нарочитый плеоназм) [Москвин, 2024], подмену понятия, плеоназм, тавтологию [Садовников, 2014] и др. Во многих исследованиях фигур абсурда отмечается, что список данных стилистических средств является открытым и нуждается в дальнейшем осмыслении.

Все вышеперечисленные фигуры относятся к конструкциям, семантика которых вступает в противоречие с традиционной картиной мира. Отличительной чертой ряда фигур является объединение семантически не сочетаемых языковых единиц. Например, сравним фрагменты произведений, содержащие такие фигуры алогизма, как гистеропротерон и оксюморон:

ночь бежала ручейком
говорили птички
что погода ни о ком
что они отмычки
но навстречу шло дитя
шевелилось праздно
это было год спустя
это было безобразно
[Введенский, 1998, Т.1, с.414].

Основанием алогизма гистеропротерона в произведении А. Введенского «Суд ушел» является такая вербализация мысли, которая не соответствует обыденным представлениям о последовательности событий в реальной действительности: как подсказывает опыт читателя этих строк, навстречу идти можно в одной временной плоскости, а не год спустя. Как пишет М.С. Ломако, в данном отрывке нарушена временная логика, так как поэт, используя глаголы в форме прошедшего времени и слово *навстречу*, создает абсурдную ситуацию связи двух разновременных сцен. Это приводит к тому, что «время в стихотворении полностью меняет свою структуру – «разрушается» [Ломако, 2020, с. 198]. Следует подчеркнуть, что объединение языковых единиц, используемых для построения данной фигуры алогизма, не порождает семантического противоречия, как это происходит в процессе формирования оксюморона в нижеследующем фрагменте произведения Ф. К. Сологуба «Там, за стеною, холодный туман от реки»:

Сладкий, безумный и жгучий,
*Пламенный, **радостный стыд**,*
Мститель нетленно-могучий
Горьких обид.
[Сологуб, 2012, Т.2, с.320].

Алогизм оксюморона *радостный стыд* основан на сочетании слов с противоречивыми значениями. Слово *радостный* является номинацией признаков чувства удовлетворения, содержит в значении смысловые элементы, характеризующие это чувство как сильное положительное переживание [БАС, 1961, Т. 12, с.76-78]. Слово *стыд* содержит семантические компоненты, характеризующие его как «сильное отрицательное эмоциональное переживание, причиной которого, как правило, является сам субъект и которое обычно сопровождается ситуацией нежелательной публичности, открытости, вовлеченности других людей» [Дмитриева, 2022, с.108].

Фигуры алогизма формируются и в результате сочетания слов, которые не являются противоречивыми в узусе, но становятся семантически несовместимыми в контексте поэтического произведения:

*Змей взглянул, и огненные звенья
Потянулись, медленно бледнея,
Но горели яркие каменья
На груди властительного Змея.*

*Как он дивно светел, дивно страшен!
Но Павлин и строг и непонятен,
Золотистый хвост его украшен
Тысячею многоцветных пятен.*
[Гумилев, 1998, Т.1, с.75].

В данном фрагменте стихотворения Н. С. Гумилева «Рассвет» алогизм оксюморона *дивно светел, дивно страшен* основан на приписывании одному объекту номинации противоречивых признаков: образ дракона в представлении поэта одновременно является восхитительным, излучающим свет, привлекающим и пугающим, грозным, опасным. Достичь такого выразительного эффекта позволяет использование становящихся в контексте

антонимами слова *светел* и *страшен*, что делает их семантически противоречивыми.

Фигуры, которые содержат языковые единицы, вербализирующие противоречивые или несовместимые понятия, Н.Ф. Алефиренко и К.И. Декатова называют речевыми единицами с логически несовместимыми компонентами (далее – ЕЛНК) [Алефиренко, 1993, с. 117-121; Декатова, 2001, с. 125-134]. Именно этот термин используется в нашем исследовании со следующим значением: **ЕЛНК** – *это выразительные средства языка, в состав которых входят компоненты, вербализирующие несовместимые понятия, содержащие в своей семантике противоречивые смысловые элементы.*

ЕЛНК вызывают большой интерес у исследователей, так как они обладают особой поэтической энергией, позволяя точно и ярко охарактеризовать объекты номинации, комбинируя несовместимые понятия, помогают вскрыть их диалектическое противоречие, разнообразие и многогранность. Несмотря на разностороннее изучение в современном языкознании данных единиц, их структурно-семантическое своеобразие, механизмы их формирования все еще нуждаются в осмыслении, что позволит рассматривать ЕЛНК как группу стилистических фигур, обладающих рядом отличительных признаков.

Важным отличительным признаком ЕЛНК является их структурно-семантическое своеобразие. В структуру данных единиц входят слова-компоненты, выражающие логически несовместимые понятия и обладающие значениями, вступающими в противоречие. Этот признак отличает ЕЛНК, с одной стороны, от изобразительных средств (тропов и фигур), не относящихся к фигурам абсурда, с другой стороны, от тех фигур абсурда, которые не содержат в своем составе противоречивые языковые единицы.

Например, сравним содержащиеся в отрывке произведения В.В. Маяковского «Кемп «Нит гедайге» метафору и оксюморон:

Нами

через пропасть

прямо к коммунизму

перекинут мост,

длиною –

во сто лет.

Что ж,

с мостища с этого

глядим с презрением вниз мы?

Кверху нос задрали?

загордились?

Нет?

[Маяковский, 1957, Т. 3, с.87].

И метафора *нами через пропасть прямо к коммунизму перекинут мост*, и оксюморон *мост длиной – во сто лет* являются алогичными единицами, так как нарушают онтологические связи и описывают нереальные явления: перебросить мост к абстрактному представлению о будущем строе – коммунизму – невозможно, так же как и невозможно найти в реальности мост, который должно переходить сто лет. Однако в отличие от оксюморона метафора формируется без использования слов с несовместимыми понятиями. Оксюморон же построен на несовместимости слов, вербализирующих представления о разных мерах величины: протяженность моста указана поэтом не в метрах, а в количестве лет: объекту номинации приписываются противоречивые взаимоисключающие признаки. Если проанализировать семный состав выделенных лексем, то обнаруживается следующее противопоставление сем: ‘метры, километры’ и ‘годы’. Иными словами, в основе значения рассматриваемой стилистической фигуры – ‘огромное расстояние, которое можно преодолеть спустя длительное время’ – находится противоречие несовместимых сем.

Обостренное противоречие в семантике ЕЛНК позволяет отнести эти фигуры к выразительным средствам, алогичность которых реализуется на понятийном уровне. Такой вид алогизма С.А. Садовников противопоставлял алогичности суждений – несогласованности, двусмысленности, противоречию между несколькими высказываниями или между главными компонентами суждения, а также распространяющими их членами [Садовников, 2014, с.65,78]. Например, в стихотворении В.В. Маяковского «Потрясающие факты» в описании исторического события содержится тавтология:

Небывалей не было у истории в аннале

факта:

вчера,

сквозь иней,

звения в «Интернационале»,

Смольный

ринулся

к рабочим в Берлине.

[Маяковский, 1956, Т. 2, с.25].

В данном отрывке выразительное средство *небывалей не было*, основанное на морфемном повторе, воспринимается как отклонение от нормы, так как содержит семантическую избыточность, в данном сочетании слов отсутствует противоречие, формирующееся на объединении несовместимых понятий. В этой связи к ЕЛНК в нашем исследовании относятся только те фигуры, отличительным признаком которых является заложенное в основе их смысловой структуры противоречие. Данное явление находится в фокусе внимания представителей разных научных сфер: сущность противоречия рассматривают философы, культурологи, логики, социологи, историки, литературоведы и лингвисты. Последние изучают проявления противоречия в языке, анализируя его функции и механизмы

вербальной объективации. Рассуждения о противоречии как языковом явлении содержатся в трудах Ф. де Соссюра, Э. Бенвениста, В.А. Звегинцева, Н.Д. Арутюновой, Ю.С. Степанова, В.В. Виноградова, Ю.Д. Апресяна, А.М. Пешковского, Р. Якобсона, Л.А. Новикова, Н.Ф. Алефиренко, Б.Т. Ганеева, Н.Н. Кирилловой, А.В. Кунина, К.И. Декатовой и др. [Соссюр, 1999; Бенвенист, 1974; Звегинцев, 1967; Арутюнова, 1980; Виноградов, 1971; Апресян, 1995; Пешковский, 1956; Якобсон, 1998; Алефиренко, 2000; Ганеев, 2004; Кириллова, 1986; Кунин, 1986; Декатова, 2009].

Несмотря на разностороннее изучение противоречия как лингвистического явления, до сих пор среди современных ученых вопрос о его статусе вызывает споры и неоднозначные трактовки. Существует множество определений противоречия, однако проблема подробной классификации противоречия в современном отечественном языкознании остается не решенной. Это связано в первую очередь со сложностью данного феномена, а также с неоднозначным пониманием фигур и тропов, основанных на противоречии.

Большой вклад в исследование природы противоречия в языке и речи внес Б.Т. Ганеев, который рассматривал противоречие как аномальную разновидность языка, аллофронию – «фактически синоним термина противоречия при окказиональном употреблении слов, <...> имплицитное ментальное высказывание, стоящее за выраженной языковой единицей» [Ганеев, 2004, с. 124-125]. Анализируя проявления аллофронии, ученый противопоставляет речевые явления, основанные на противоречии и разноречии: разноречие «отличается от противоречия тем, что если при противоречии противопоставляемые явления взаимно отрицают друг друга, <...> то при разноречии отрицается только часть элементов противопоставленной пары» [Ганеев, 2004, с. 125]. Разноречие видится исследователю как неполное противоречие, которое характерно для метафоры. Такие же единицы, как оксюморон, парадокс, гипербола, литота,

по мнению Б.Т. Ганеева, основаны на противоречии, которое эксплицируется несколькими языковыми единицами.

Важно отметить, что противоречия, заложенные в семантике ЕЛНК, не делают их бессмысленными. ЕЛНК относятся к той разновидности абсурда, который В.П. Москвин назвал интерпретируемым абсурдом. Ученый противопоставляет данный вид абсурдных единиц абсурду, не поддающемуся интерпретации, рассматривая его как недочет, ошибку или прием эпатажной техники [Москвин, 2024, с. 98]. Например, именно такую технику использовал Г. Сапгир в строках стихотворения «Блохомор»:

В канаве выросли блины,

Поядовитей белены —

Блохомор!

[Сапгир, 1993, с. 41].

В отличие от неинтерпретируемого абсурда ЕЛНК имеют в своей основе главный элемент — противоречие, которое является отклонением от логической нормы в угоду творческому замыслу и является интерпретируемым.

Логическое противоречие всегда отражается в семантике ЕЛНК, то есть в значении компонентов стилистических фигур содержатся взаимоисключающие семы. Например, в известном отрывке произведения В. В. Маяковского «Облако в штанах» ЕЛНК включает в себя семы 'красота' и 'страдание', принадлежащие разным словам:

И чувствую —

«я»

для меня мало.

Кто-то из меня вырывается упрямо.

Allo!

Кто говорит?

Мама?

Мама!

*Ваш сын **прекрасно болен!***

Мама!

У него пожар сердца.

[Маяковский, 1955, Т.1, с. 180].

Важно подчеркнуть, что данное семантическое противоречие нельзя считать логической ошибкой. В этой связи, как представляется, онтологическая природа противоречия достаточно точно раскрывается в следующем определении: противоречие – это «взаимодействие противоположных, взаимоисключающих сторон и тенденций предметов и явлений, которые вместе с тем находятся во внутреннем единстве и взаимопроникновении, выступая источником самодвижения и развития познания» [Олешков, 2006, с. 38]. Опираясь на это определение, противоречие можно рассматривать как резкую речевую асинхронию в суждении о предмете, которая при этом не разрушает смысловую структуру языковых единиц, а становится базой для порождения новых смыслов. Именно такой тип противоречия – разрешимое противоречие – свойственен ЕЛНК. Например, в произведении В.В. Маяковского «Второй вывоз» резкую речевую асинхронию в суждении о предмете создает гипербола:

Рабочие, не место фразам!

Чем за буржуем врозь гоняться,

*вези, взвалив **на тачку** разом,*

*всю воровскую **Лигу** наций.*

[Маяковский, 1957, Т.3, с.60].

В структуре гиперболы есть логически несовместимые компоненты (*взвалив*) ***на тачку** разом <...> Лигу наций*, поскольку в значении этих компонентов содержатся смысловые единицы, объединение которых нарушает логический закон противоречия. Так, в семантике слова *тачка*

присутствуют семы и семные комплексы ‘небольшое транспортное средство’, ‘тележка’, ‘транспорт для грузов’, ‘одноколёсная’, указывающие на малые размеры транспортировочного средства, предназначенного для определенных грузов. В значении сочетаний слов *Лига наций* выделяется архисема ‘мировая организация’, подчеркивающая масштаб данного содружества. Однако противоречие, образованное в результате сочетания языковых единиц с несовместимыми смысловыми элементами, не делает гиперболу бессмыслицей, а порождает новые смыслы, с помощью которых подчеркивается пренебрежительное отношение автора к упомянутой мировой организации, умаление ее достоинства, значения и размера.

Порождение новых смыслов, позволяющих преодолеть противоречие в процессе смыслообразования ЕЛНК, происходит в результате переосмысления компонентов, содержащих противоречивые смыслы. Разрешение противоречия происходит постепенно, что связано с многоэтапным формированием значения ЕЛНК. Так, анализируя процесс смыслообразования оксюморона, Н. В. Павлович выделила следующие процессы синтеза значений компонентов стилистической фигуры: 1) актуализация смысловых элементов, «которые находятся в отношении противоречия», 2) «альтернация (реализация отдельных значений сочетающихся лексем)» и нейтрализация противоречия [Павлович, 1979, с. 240]. Рассуждая о формировании значений оксюморонных выражений, И. Р. Гальперин отмечал: «Не следует, однако, забывать, что семантическая несовместимость, которая является результатом познавательной деятельности человеческого мозга, отражая законы объективной действительности, нелегко сдает свои позиции. Появляется двойная реализация значения, контекстуального и предметно-логического (словарного), при которой одно из них подавляет другое. Представляется, что процесс этот протекает мгновенно и не завершается. Сознание удерживает и то и другое значение, причем в зависимости от целого ряда условий — накопленного опыта, аналитических свойств ума перцептора, характера

текста, темпа речи (или быстроты схватывания содержания письменного текста) – эти два значения по-разному взаимодействуют» [Гальперин, 1978, с. 66]. Исследуя формирование значений фразеологизированных единиц, К.И. Декатова рассматривает два этапа. По мнению ученого, на начальном этапе происходит образование новой единицы в речевом пространстве, затем следует этап ее конвенционализации, в результате чего фразеологизм становится частью языковой системы, обрстая системными связями. На первом этапе происходит смыслообразование. На втором этапе план содержания новой единицы речи трансформируется в общеизвестное значение языковой единицы, поэтому данный процесс ученый называет формированием значения [Декатова, 2009, с.16]. Формирование значения фразеологизированных ЕЛНК проходит вышеописанные два этапа. Например, такие процессы протекали в ходе возникновения фразеологизированного оксюморона *прекрасно болен* в вышеупомянутом отрывке из поэмы В. В. Маяковского «Облако в штанах». Появление единицы *прекрасно болен* в рамках поэтического текста является начальным этапом формирования ЕЛНК. В приведенном отрывке анализируемая нами единица все еще является индивидуально-авторским новообразованием, содержанием которого является ‘неразделенная любовь’. Следующим этапом формирования значения ЕЛНК становится использование данной единицы в других контекстах, общее признание нового языкового знака в общей системе. Можно заключить, что на первой этапе формирования значения ЕЛНК появляется смысл, а на втором этапе формируется значение, в процессе образования которого происходит переосмысление противоречия и дальнейшее его разрешение.

Таким образом, ЕЛНК – это группа фигур абсурда, обладающих следующими отличительными структурно-семантическими признаками:

- 1) в состав ЕЛНК входят слова-компоненты, вербализирующие логически несовместимые понятия;

2) в смысловой структуре ЕЛНК содержатся смысловые элементы значений слов-компонентов данных стилистических фигур, вступающие в противоречие;

3) семантическое противоречие в смысловой структуре ЕЛНК разрешается в результате переосмысления слов-компонентов, что позволяет отнести данные стилистические фигуры к интерпретируемым фигурам абсурда.

Данными признаками обладают такие фигуры абсурда, как оксюморон, риторическая катахреза, гипербола, литота, которые были избраны нами для исследования механизмов смыслообразования ЕЛНК.

1.2. Единицы с логически несовместимыми компонентами как объект лингвистического исследования

История изучения стилистических фигур, которые относятся к ЕЛНК, уходит корнями в Античную эпоху. Первое упоминание об оксюморе встречается у Мавра Сервия Гонората в комментариях к «Энеиде» (IV в.). Сервий писал в ответ на цитату Вергилия следующее: «...“пленники могли быть пленены” сказано с горечью: ведь если ты это удалишь, будет оксюморон (*capti potuere capi cum felle dictum est: nam si hoc removeas, erit oxumorum*)» [Вергилий, 2001, с. 46]. Однако в комментариях Сервия еще не содержится подробного анализа оксюморона как выразительного средства языка.

В Средние века оксюморон стал одним из используемых приемов в прозе и поэзии. В произведениях Данте и Шекспира оксюморон представлен как средство создания глубинных эмоциональных контрастов. Но проблематика и природа оксюморона как лингвистического или литературоведческого явления не была исследована в полной мере.

В начале XIX века оксюморон не изучался как самостоятельное поэтическое явление, а рассматривался без конкретной дефиниции в статье о

метафоре, написанной Н. Остолоповым в 1821 году и вошедшей в «Словарь древней и новой поэзии». Однако именно в данной словарной статье была выявлена одна из важнейших особенностей оксюморона: «неправильное соединение идей в одном целом, что в силу своей несообразности не имеет права на существование в художественном произведении» [Остолопов, 1821, с.247].

В XX веке В.В. Виноградов в статье «О поэзии Анны Ахматовой. (Стилистические наброски)», написанной в 1925 г., исследовал оксюморон как явление стилистики, но при этом оксюморон по-прежнему был представлен как разновидность эпитета [Виноградов, 1976, с. 375]. Как отмечает Э.Г. Шестакова, в опубликованной «Литературной энциклопедии» в словарной статье М. Петровского оксюморон называется стилистической фигурой, основанной на сочетании противоречивых понятий [Шестакова, 2009, с. 2]. В монографии «Оксюморон как категория поэтики (на материале русской поэзии XIX – первой трети XX веков)» Э.Г. Шестакова подробно анализирует дефиниции термина «оксюморон» в энциклопедических и литературоведческих словарях, а также некоторых словарях лингвистических терминов и приходит к выводу, что в словарных статьях описывается формально-логическое своеобразие данных стилистических фигур, «намечается в самых общих чертах тенденция определения природы оксюморона как категории поэтики», указывается «на образование качественно нового семантического содержания в оксюморе как итоге взаимодействия компонентов» [Шестакова, 2009, с. 11-24].

В лингвистических научно-исследовательских трудах оксюморон стал объектом пристального изучения с середины XX века. Рассматривались проблемы выявления отличительных признаков данных стилистических фигур, их структурных особенностей, лингвопрагматических свойств [Шестакова, 2009; Атаева, 1975; Кургенян, 2006, 2007; Гальперин, 1978]. Особое место в перечне исследуемых вопросов занимает проблема логико-семантических отношений, устанавливающихся между компонентами

оксюморона. Л.А. Введенская одной из первых посвятила этой проблеме работу «Стилистические фигуры, основанные на антонимах», вышедшей в 1966 году. В данной статье оксюморон был представлен как один из оригинальных приемов сочетания слов, выражающих логически несовместимые значения [Введенская, 1966, с.128]. В отечественной лингвистике существует множество определений, в которых оксюморон рассматривают как стилистическую фигуру, выражающую полярное противопоставление понятий [Карасик, 2022], фигуру, основанную на сочетании противоположных по смыслу или несочетающихся понятий [Козинец, 2014], представляющую собой сочетание противоположных по значению лексических единиц [Кургенян, 2006], полярных по своему значению слов [Бочина, 2005], несовместимых противоречивых, противоположных слов и понятий [Шестакова, 2009] и др. Во всех вышеописанных определениях называются два важнейших признака оксюморона: данная стилистическая фигура основана на сочетании слов, в значении которых содержатся противоречивые смысловые элементы, семантическое противоречие обусловлено сочетанием логически несовместимых понятий.

Наличие открытого противоречия в семантике оксюморона отличает его от такой фигуры контраста, как антитеза. Вопрос о структурно-семантических отличиях оксюморона и антитезы затрагивали многие исследователи фигур контраста [Бочина, 2003, 2005; Москвин, 2000; Плотникова, 2014 и др.]. Т.Г. Бочина отмечала, что антитеза и оксюморон являются «своеобразными полюсами обобщенно-типизированных способов выражения контраста», которые можно противопоставить по следующим характеристикам: 1) в антитезе напряжение формируется взаимодействием двух и более оппозиций, а оксюморон строится на контрасте, который достигается сочетанием взаимоисключающих сторон; 2) антитеза и оксюморон демонстрируют разные формы существования противоположностей: первая фигура – это отражение борьбы

противоположностей, вторая фиксирует единство противоположностей [Бочина, 2003; с. 35-36]. Подчеркивая отличия антитезы и оксюморона, В.П. Москвин указывает на то, что антитеза противопоставляет разные объекты, а оксюморон приписывает противоположные признаки одному объекту [Москвин, 2024, с. 101]. Этим объясняется тот факт, что в значении антитезы обнаруживается противопоставление смысловых элементов, в значении оксюморона – семантическое противоречие. Например, сравним в нижеследующих отрывках произведений А. А. Ахматовой семантику антитезы (1) и оксюморона (2):

1) *Не будем пить из одного стакана*
Ни воду мы, ни сладкое вино,
Не поцелуемся мы утром рано,
А ввечеру не поглядим в окно.
Ты дышишь солнцем, я дышу луною,
Но живы мы любовью одною.
[Ахматова, 1998, Т. 1, с.141].

2) *Дай мне выпить такой отравы,*
Чтобы сделалась я немой,
И мою бесславную славу
Осиявным забвением смой.
[Ахматова, 1998, Т. 1, с.195].

В антитезе ***Ты дышишь солнцем, я дышу луною*** противопоставляется состояние, мировосприятие лирической героини (***дышу луною***) и ее возлюбленного (***дышишь солнцем***), однако семантические элементы, участвующие в образовании антитезы слов *солнце* и *луна* не вступают в противоречие, так как являются семантическим отражением признаков разных объектов. Иная семантическая ситуация формируется в процессе

смыслообразования оксюморона *бесславную славу*: одному объекту – славе – приписываются одновременно противоречивые признаки: известность, признание заслуг, таланта и забвение, отсутствие признания заслуг, таланта.

По причине отсутствия у антитезы явного смыслового противоречия ее не относят к фигурам абсурда. Исключением является антитезный абсурд (И.В. Пекарская), или квазиантитеза (В.П. Москвин), представляющая собой противопоставление крайне разнородных, не имеющих ничего общего объектов [Москвин, 2024; с. 105]. Но и в этих разновидностях антитезы отсутствует открытое семантическое противоречие, основанное на сочетании несовместимых понятий, что позволяет вывести антитезу за рамки ЕЛНК.

В отечественной лингвистике анализ особенностей оксюморона нередко сопровождается сопоставлением данной стилистической фигуры с катахрезой (катакресой) [Якутина, 2007; Меновщикова, 2012; Дубинина, 2020 и др.]. Исследователи данных фигур обнаружили близость основного способа их реализации – нарушения узуальной сочетаемости слов [Исаченко, 2012; с. 159]. Однако выявленные отличия позволили ученым рассматривать оксюморон как фигуру паралогическую, а катахрезу – как парантологическую [Рогалева, 2015; с. 136], описать семантические, прагматические и морфологические различия сопоставляемых стилистических выразительных средств [Барсукова, 2013; с. 17].

Изучив историю возникновения и развития понятия «катахреза», О.Л. Якунина отмечает, что упоминавшаяся еще в античных риториках эта стилистическая фигура выпала из поля зрения языковедов в течение нескольких столетий. По мнению ученого, объектом глубокого изучения катахреза стала только в исследованиях современных лингвистов, которые трактуют этот термин по-разному: катахрезой называют и неправильное или ошибочное употребление слов, и противоречивое сочетание в какой-либо фразе слов в переносном значении, и неправильное употребление метафоры. [Якутина, 2007; с. 3-5]. Данную стилистическую фигуру иногда рассматривают как разновидность разных тропов и фигур – метафоры,

метонимии, оксюморона [Каторова, 2023; Желтухина, 2003; Гаспаров, 1987 и др.]. Однако во многих трудах, посвященных анализу механизмов построения катахрезы, эту стилистическую фигуру называют самостоятельным стилистическим выразительным средством, обладающим рядом отличительных признаков. Так, С. С. Барсукова употребляет термин «катахреза» со значением ‘соединение лексических единиц с несоответствующими этимологическими значениями’ [Барсукова, 2013; с. 17]. В.П. Москвин в определении катахрезы подчеркивает, что эта фигура строится на нарочитом противоречии между внутренней формой выражения и его контекстом [Москвин, 2024; с. 102]. О. Л. Якутина в диссертационном исследовании дает наиболее полное определение катахрезы, называя ее сочетанием «противоречивых, но не контрастных по природе слов в переносном значении, которые представляют своеобразное смысловое единство и создают образ» [Якутина, 2007; с. 5]. В этом определении названы отличительные и объединяющие катахрезу и оксюморон признаки: в отличие от оксюморона в катахрезы сочетаются слова, вербализирующие понятия, не являющиеся контрастными, хотя эти понятия все-таки являются логически несовместимые. Например, в произведении В. В. Маяковского «Мы не верим!» содержится катахреза:

*Тенью истемня весенний день,
выклеен правительственный бюллетень.*

Нет!

Не надо!

*Разве **молнии** велишь
 не литься?*

Нет!

не оковать язык грозы!

[Маяковский, 1957, Т. 5, с. 17].

В катахрезе (*разве*) **молнии** (*велишь*) **не литься** объединяются слова, которые нельзя назвать контрастными, но вербализируемые этими словами понятия являются логически несовместимыми: молния может сверкать, блистать, но она не обладает свойствами жидкости и не может литься. Абсурдность катахрезы, формирующаяся в результате связывания логически несовместимых слов, позволяют отнести ее к ЕЛНК.

К стилистическим фигурам абсурда относят и фигуры неправдоподобного преувеличения и преуменьшения [Москвин, 2024, с. 111].

Исследования приема гиперболы в лингвистической науке отражены в работах российских и зарубежных ученых [Потебня, 1990; Курахтанова, 1978; Крысин, 1988; Поликарпова, 1990; Афанасьева, 2000; Скребнев, 2003; Шувалов, 2006; Гужова, 2013; Власова 2021, 2023; Rubio-Fernandez, Wearing, Carston, 2015; Burgers, 2010; Lavalette, 2018 и др.]. История изучения гиперболы имеет глубокие корни. В античные времена одним из первых исследователей гиперболы как стилистической фигуры стал Цицерон. В трактате об ораторском искусстве (55 г. до н.э.) гипербола именуется метафорой, поскольку метафора является весьма широким понятием, объединяющим множество стилистических приемов [Цицерон, 1972, с. 68]. Иными словами, в античные времена гипербола не выделялась как отдельное стилистическое средство. В современной лингвистике ведутся дискуссии о лингвистическом статусе гиперболы. В работах, посвященных анализу изобразительно-выразительных средств языка, гипербола рассматривается как поэтическая фигура [Тихомиров, 2006; Веселовский, 2001 и др.], стилистическая фигура [Гальперин, 1958; Власова, 2023, Сатыбалдиева, 2006 и др.], разновидность таких тропов, как метафора или метонимия [Москвин, 2004; Хазагеров, 2011; Проколопова, Ермакова, 2022 и др.], художественным приемом [Каторова, Шеянова, 2022], риторическим приемом [Борисенко, 2014], стилистическим приемом [Курахтанова, 1978; Поликарпова, 1990; Печеникина, 2021; Ярунова, Шугаева, 2022 и др.]. Как пишет Ю.И. Борисенко, некоторые исследователи прибегают к родовым

наименованиям «выразительное средство», «прием выразительности» и под. «очевидно, с целью избежать понятий «троп», «фигура», «прием» [Борисенко, 2009, с. 56].

Сложностью семантики, структурной и функциональной неоднородностью гипербола можно объяснить существующее разнообразие определений данного стилистического приема. Так, Е.А. Крысин дает следующее определение гиперболе: «Это прием выразительности, применяемый говорящим с целью, во-первых, обратить внимание слушающего на данную ситуацию или ее свойства и, во-вторых, создать у слушающего преувеличенное представление об этой ситуации или о ее свойствах» [Крысин, 1988, с. 97]. В «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой гипербола рассматривается как «фигура речи, состоящая в заведомом преувеличении, усиливающем выразительность, придающем высказываемому эмфатический характер» [Ахманова, 1969, с. 99]. Г.Г. Хазагеров трактует гиперболу как «троп, основанный на заведомом преувеличении» [Хазагеров, 2011, с. 258]. С.А. Тихомиров рассматривает гиперболу как «стилистический прием явного и намеренного преувеличения, имеющего целью усиление выразительности, модифицирующий градусемеру (термин С.М. Колесниковой) – семеру меры и степени – и реализующий категорию градуальности» [Тихомиров, 2006, с. 3]. Е.В. Власова вслед за И.С. Курахтановой называет гиперболой стилистический прием, в основе которого лежит нарочитое «преувеличение большой или преуменьшение малой меры актуального для говорящего признака, явления, действия или предмета, служащий для интенсификации меры признака и для передачи индивидуального, эстетического и эмоционального восприятия» [Власова, 2023, с. 3374].

Рассматривая гиперболу как источник пополнения фразеологического арсенала русского языка, К.И. Декатова отмечает, что «в основе формирования гиперболы <...> преувеличение степени проявленности тех или иных свойств номинируемой сущности» [Декатова, 2001, с.134]. Нередко

в определении и характеристике гиперболы подчеркивается абсурдность этой стилистической фигуры. Например, Г.Г. Хазагеров пишет, что в первоначальном понимании гиперболы «важным был момент перехода за некую грань возможного, по Деметрию, “всякая гипербола указывает на то, чего не бывает в действительности”» [Хазагеров, 2011, с. 258]. М.А. Горте, характеризуя гиперболическое преувеличение признаков предмета, уточняет, что отличительный признак гиперболы как выразительного средства заключается в том, что вещи придается такая мера или такая величина, которой она в действительности не обладает [Горте, 2007, с. 58]. Подобную мысль высказывает Т.В. Матвеева: по мнению ученого, явление действительности предстает за счет гиперболы «грандиозным, исключительным, нередко невероятным» [Матвеева, 2010, с. 70]. Отклонение от нормы правдоподобия видит в гиперболе Ю.И. Борисенко [Борисенко, 2014, с. 96]. Анализируя отличительные черты гиперболы, В.П. Москвин отмечает, что данная фигура речи состоит в преувеличении «настолько неправдоподобном, что буквальное истолкование исключается» [Москвин, 2024; с. 111]. Эти черты гиперболы позволяют рассматривать ее как фигуру абсурда. Абсурдность стилистического приема образуется в результате сочетания слов, вербализирующих понятия с несовместимыми количественными характеристиками. Например, в произведении В.В. Маяковского «Стих резкий о рулетке и железке» образ нэпмана создается с помощью гиперболы:

*По-моему,
и от «Казино»,
как и от всего прочего,
должна быть польза для сознательного рабочего.
Сделать
в двери
дырку-глазок,
чтоб рабочий играющих посмотрел разок.*

*При виде **шестиэтажного нэповского затылка***

руки начинают чесаться пылко.

Зрелище оное –

очень агитационное.

[Маяковский, 1957, Т. 4 , с. 45].

В образовании гиперболы *шестиэтажного нэповского затылка* участвуют слова *шестиэтажный* и *затылок*, которые вербализируют понятия о доме в шесть этажей и выдающейся назад задней части черепа, головы человека (затылке). В данных понятиях есть признаки, соотносящиеся с представлениями о величине этих объектов. В рамках смысловой структуры гиперболы эти признаки и представления вступают в противоречие. Такая особенность плана содержания гиперболы позволяет рассматривать этот стилистический прием как ЕЛНК.

Одной из дискуссионных проблем в современном языкознании является вопрос о соотношении фигуры преувеличения (гиперболы) и фигуры преуменьшения (литоты). Ю.И. Борисенко в словарной статье «Гипербола» в словаре-справочнике «Эффективное речевое общение (базовые компетенции)» пишет, что термин «гипербола» имеет широкое и узкое значение. В широком значении гиперболой является приём, «состоящий в приписывании какому-л. предмету размеров, свойств, состояний, действий не только значительно больших (назовём это гиперболической максимизацией), но и значительно меньших (назовём это гиперболической минимизацией)» [Борисенко, 2014, с. 96]. Как полагает исследователь, при таком осмыслении понятие «гипербола» оказывается родовым по отношению к понятиям «мейозис» и «литота» в одном из её пониманий. [Борисенко, 2009, с. 96]. Широкое понимание гиперболы отражено в трудах Б.В. Томашевского, Л.П. Крысина. Б.В. Томашевский полагал, что гиперболическое «преувеличение может быть как в ту, так и в другую сторону. Когда какой-нибудь небольшой предмет определяют как *еле*

заметный глазом – это тоже гипербола» [Томашевский, 1983, с. 236]. Л.П. Крысин утверждает, что «преуменьшение предмета – это не что иное, как преувеличенное представление малых размеров предмета» [Крысин, 1988, с. 98]. Эту точку зрения разделяет Т.А. Гужова, рассматривающая «преуменьшение как семантический вариант гиперболы» [Гужова, 2013, с. 7].

В узком значении гипербола, как полагает Ю.И. Борисенко, является приемом, «основанном на приписывании объекту свойств, качеств в большей мере, чем он ими обладает в действительности» [Борисенко, 2014, с. 96]. Ученый пишет, что в узком значении понятие «гипербола» противопоставлена понятиям «мейозису» и «литоте» [Борисенко, 2014, с. 96].

Понятие литоты как риторического приема появляется в трактате Цицерона об ораторском искусстве (55 г. до н.э.). В понимании древнеримского философа литота обозначала «простоту жизни» [Цицерон, 1972, с. 83]. Однако термин «литота» в этот период еще отсутствовал и вошел в лингвистическую терминосистему позже.

В эпоху развития средневековой науки представление о литоте было переосмыслено. Как отмечает О.Н. Павленкова, первое упоминание литоты появляется в период правления Тюдоров [Павленкова, 2012, с.141]. Автор риторики «Ad Herennium» Ф. Джонстон считал, что литота – это средство проявления скромности говорящего [Джонстон, 2005, с.165]. Иное представление о литоте формируется в эпоху Возрождения: преуменьшение стало использоваться для выражения намека или иронии [Павленкова, 2012, с.141]. Именно такое понимание литоты содержится в работе Э. МакКатчена «Отрицание обратного: использование Т. Мором литот в "Утопии"», указавшего на выражение иронии и сарказма с помощью стилистического приема [МакКатчен, 1977, с. 213].

В отечественном языкознании литота как выразительное средство языка подробно определяется по-разному. В отечественной стилистике литотой называют любое преуменьшение, нарочитое смягчение тех или иных свойств, явлений, признаков, относя данный стилистический прием к тропам

и к стилистическим приемам. О.Ю. Лысова в статье «Природа литоты в семантике фразеологизма» пишет, что в тех случаях, когда литота является тропом, ей «...сопутствует ирония, ибо говорящий понимает, что она неточно отражает действительность» [Лысова, 2015, с. 171]. Ученый также отмечает, что сочетание литоты и других тропов позволяет усилить ее эмоциональность и экспрессивность. К примеру, литота может соседствовать с метафорой, метонимией, синекдохой [Лысова, 2015, с. 172].

Помимо отнесенности литоты к тропам, являющимся противоположной разновидностью гиперболы [Крысин, 1988, с. 49; Гужова, 2013, с. 7 и др.], «обратной гиперболой» [Москвин, 2024, с. 111; Голуб, 2001, с. 143], «антоним гиперболы» [Проконова, 2022, с. 24], «частный случай мейозиса» [Клюшина, 2022; с. 3189], литота описывается и как самостоятельный стилистический прием. Е.Э. Разлогова, понимая литоту как логическое смягчение высказывания, обобщает понимание термина, представленное в работах разных авторов, отмечая, что литота является фигурой, отражающей занижение оценки, смягчение, отрицание, в том числе двойное, а также значение, противоположное значению гиперболы [Разлогова, 2005, с. 33].

С.В. Десятская указывает на то, что литота, мейозис и гипербола, как и фигуры противопоставления, являются вербальными показателями категории интенсивности [Десятская, 2018, с. 20].

Рассматривают литоту и как «синтаксический стилистический прием» [Монахова, 2019, с. 20]. В этом случае речь идет о литоте, основанной на употреблении конструкций с отрицанием. Исследуя двойное отрицание в простом предложении на материале английского языка, М.В. Евсина приводит следующее определение литоты, связанное с двойным отрицанием: «Литота есть преуменьшенное утверждение, выраженное с помощью двойного отрицания, образованного сочетанием отрицательной частицы и лексического средства выражения отрицания – эксплицитного (отрицательные аффиксы) или имплицитного» [Евсина, 2006, с. 7].

Т.С. Дроняева, Н.И. Клушина высказывают мнение, что литота является «отрицанием противоположного» [Дроняева, Клушина, 2001, с. 102]. В.И. Шувалов, напротив, считает некорректным понимать литоту как «двойное отрицание». В преуменьшении, по словам ученого, присутствует сема недостаточности, усиливающая экспрессивность выражения [Шувалов, 2006, с. 72].

Анализируя определения литоты в разных научных и учебных источниках, В.К. Харченко упоминает и о понимании данного тропа как «нарочитого смягчения выражения путём замены слова или выражения, содержащего утверждение какого-то признака, выражением, отрицающим противоположный признак», что сближает, по мнению ученого, литоту с эвфемизмами [Харченко, 2019, с. 274]. О том, что определенная часть литот может выступать средством создания эвфемизмов, говорит в диссертационном исследовании М.И. Зверева. Ученый при этом уточняет, что речь идет о литотах, направленных «на «умаление» через отрицание чего-то негативного» [Зверева, 2023, с. 55]. М.И. Зверева рассматривает проблему отождествления понятий «литота» и «мейозис» в «Литературном энциклопедическом словаре» под редакцией В.М. Кожевникова, П.А. Николаева, «Поэтическом словаре» А. П. Квятковского, «Словаре-справочнике лингвистических терминов» Д. Э. Розенталя и М.А. Теленковой, «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой и др. [Зверева, 2023, с. 55].

Нередко в работах, посвященных исследованию структурно-семантических особенностей литоты, упоминается об отклонении от логической нормы. Как и гипербола, литота, по мнению Ю.И. Борисенко, нарушает норму правдоподобия [Борисенко, 2014, с. 96]. В.П. Москвин пишет, что литота – это фигура «неправдоподобного преуменьшения» [Москвин, 2024, с. 111]. В нашем исследовании литота рассматривается как фигура абсурда, близкая по механизмам смыслообразования к гиперболе, нацеленная на нарочитое преуменьшение количественного признака объекта

номинации. Как и у гиперболы, смысловая структура литоты образуется в результате сочетания слов, соотносящихся понятиями, содержащими несовместимые количественные характеристики. Например, в поэтическом тексте В.В. Маяковского «Стих резкий о рулетке и железке» для описания внешности крупье казино используется литота:

Человечки эти называются «крупьями».

Чуть войдешь,

один из «крупей»

прилепливается, как репей:

«Господин товарищ –

свободное место», –

и проводит вас чрез человечесьё тесто.

Глазки у «крупьи» – две звездочки-точки.

«Сколько, – говорит, – прикажете объявить в баночке?..»

[Маяковский, 1957, Т. 4, с. 44].

Литота *глазки – две звездочки-точки* формируется вследствие сочетания слов *глазки* и *звездочки-точки*, которые вербализируют понятия с несовместимыми количественными характеристиками: даже самые маленькие глаза человека не могут быть такого же размера, как точки.

Объединение в структуре литоты слов с противоречивыми смысловыми элементами позволяет отнести литоту к ЕЛНК.

Таким образом, в результате исследования таких стилистических фигур, как оксюморон, катахреза, гипербола и литота, были выявлены отличительные их признаки, важнейшим из которых является сочетание слов, вербализирующих понятия с логически несовместимыми признаками. Это позволяет объединить данные фигуры в группу ЕЛНК. Несмотря на длинную историю разностороннего описания фигур абсурда, систематизация знаний о такой группе фигур, как ЕЛНК, в современной научно-исследовательской литературе отсутствует. Как представляется, первым

шагом решения этой проблемы является номенклатурный анализ ЕЛНК и типология данных речевых единиц с учетом разработанных в современном языкознании принципов классификации стилистических фигур.

1.3. Типология единиц с логически несовместимыми компонентами

Вопрос о типологии ЕЛНК является сложным, поскольку в настоящее время в отечественной филологии оксюморон, катахрезу, гиперболу и литоту в разных справочниках и научно-исследовательских работах относят к различным группам изобразительно-выразительных средств. Так, оксюморон и катахрезу называют и тропом (О.Н. Емельянова, Г.Г. Хазагеров) [СЭСР, 2011, с.559; Хазагеров, 2011, с.263], и стилистической фигурой (А.П. Сковородников) [ЭРО, 2011, с.359;]. Нет однозначного понимания, к какой группе изобразительно-выразительных средств следует относить гиперболу и литоту: данные стилистические приемы рассматривают и как тропы (Г.Г. Хазагеров, Б.В. Томашевский Е.А. Баженова и др.) [Хазагеров, 2011, с. 258; СЭСР, 2011, с.444; Томашевский, 1983, с. 237], и как стилистические фигуры (Э.М. Береговская К.И. Декатова, Г.Г. Курегян, Ю.В. Массальская, В.П. Москвин, А.П. Сковородников и др.) [Береговская, 2007; Декатова, 2001; Курегян, 2007; Массальская, 2012; Москвин, 2024; Сковородников, 2014].

Разнообразие определения лингвистического статуса ЕЛНК связано, на наш взгляд, с использованием термина «стилистическая фигура» в разных значениях. А.П. Сковородников и Г.А. Копнина подчеркивают, что в современной лингвистике отсутствует общепринятая точка зрения на терминологическое обозначение стилистических фигур [Сковородников, 2014, с. 647]. Ряд исследователей противопоставляют данные фигуры тропам. Так, Н.А. Боженкова определяет стилистическую фигуру как «целостное, не сводимое механически к сумме составляющих,

образносмысловое произведение, оформленное определенным образом структурно-синтагматически, морфологически и функционально, выражающее некую пропозицию, прагматику, модальную характеристику и демоистрирующее таким образом важнейшие черты выразительной коммуникативной единицы» [Боженкова, 1998, с. 6-7]. Ученый подчеркивает, что тропы и стилистические фигуры противопоставляются по наличию у первых и отсутствию у вторых механизма переименования объекта на основе переноса. Поэтому, по мнению лингвиста, тропы являются семасиологически двуплановыми образованиями, а «любое фигурное построение не предполагает двухсемности». Стилистические фигуры – это экспрессивные конструкции, служащие средствами передачи эмоций и оценочных характеристик, а также для «оформления семантики выражения, стилистической и синтагматической организации текста» [Боженкова, 1998, с. 7]. Такое узкое понимание стилистических фигур ограничивает круг относящихся к ним стилистических приемов. Однако в стилистических исследованиях нередко указывают на существование не только узкого, но и широкого понимания стилистических фигур. Ю.М. Скребнев, используя термин «стилистические фигуры» как синоним терминов «риторические фигуры», «фигуры речи», определяет их в широком смысле как любые языковые средства, включая тропы, придающие речи образность и выразительность, а в узком смысле как синтагматически образуемые средства выразительности [Скребнев, 2014, с. 590-591].

А.П. Сковородников и Г.А. Копнина называют стилистической фигурой синтагматически типизируемый (относительно формализованный) стилистический приём. Ученые понимают под формализованным характером фигуры наличие синтагматической модели [Сковородников, 2014, с. 646]. Хотя в той же словарной статье уточняется, что существует и другое понимание стилистических фигур: «любые обороты речи, отступающие от некой (ближе неопределяемой) нормы разговорной "естественности"» [Гаспаров, 1987, с. 466]. Такое определение стилистических фигур, по

мнению А.П. Сковородникова и Г.А. Копниной, позволяет включить в их состав и тропы [Сковородников, 2014, с. 647].

Т.Г. Хазагеров и И.Б. Лобанов, различая тропы как однословные единицы и выражения, а фигуры как явления на уровне группы слов, отмечают, что в лингвистике существует большое количество сторонников иной точки зрения: в некоторых исследованиях «фигурами называют все специальные средства усиления изобразительности, а тропы рассматриваются как разновидность фигур (то есть как тропеические фигуры)» [Хазагеров, 2008, с.217, 221].

Широкое понимание стилистических фигур содержится и в работе Д.Н. Александрова, который относит к данным стилистическим явлениям «весь спектр стилистических приемов, служащих для создания образности художественного произведения, включая все виды тропов и риторических приемов» [Александров, 2000, с.104].

Подчеркивая прагматическую роль стилистических фигур, А.П. Сковородников и Г.А. Копнина пишут, что «стилистические фигуры можно определить как прагматический формализованный стилистический прием, являющийся средством повышения образности текста» [Сковородников, Копнина, 1996, с.453].

Не ставя перед собой цели вступать в дискуссию о разграничении между тропами и стилистическими фигурами, подчеркнем, что в нашем исследовании термин «стилистическая фигура» используется в широком понимании для наименования всех избранных для анализа единиц с логически несовместимыми компонентами.

Одна из главных проблем, которая связана с исследованием ЕЛНК, – поиск их границ и определение их статуса. Вопрос о принадлежности ЕЛНК к риторическим или стилистическим фигурам требует особого внимания. К риторическим фигурам относятся фигуры, целью которых является усиление выразительности речи, к стилистическим – фигуры с усилением экспрессивности, в основе которых заложен принцип контраста с точки

зрения семантики и функциональности. Поскольку ЕЛНК имеют такие признаки, как противоречие, контраст, их можно отнести к стилистическим фигурам.

В риторике и стилистике со времен античности существовал один из проблемных вопросов лингвистики: вопрос о типологии стилистических фигур. Первые попытки создания типологии фигур были предприняты Квинтилианом в V веке до нашей эры в описанной им теории фигур [Квинтилиан, 1834, с. 78]. Однако подробной системной классификации тропов и фигур в античные времена представлено не было. Риторы и софисты того времени предложили некий перечень изобразительно-выразительных средств, попытки типологизировать которые в науке предпринимаются и в наши дни.

В современной лингвистике выделяются различные принципы типологизации стилистических фигур, подразделяя данные принципы прежде всего на общие и частные. Общие принципы положены в основу классификаций выразительных средств, в которых противопоставляются разные стилистические фигуры. Так, В.П. Москвин считает возможным классифицировать изобразительно-выразительные средства языка «по их отношению к таким параметрам оценки, или в античной традиции, качествам речи, как правильность/ неправильность, однозначность/ двусмысленность, разнообразие/ однообразие и др.» [Москвин, 2019, с. 584]. Т. Г. Хазагеров и И.Б. Лобанов выделяют один общий принцип классификации тропов – сравнение, в основе которого могут находиться разные типы отношений между соединяемыми в них образами: сходство, смежность, контраст или тождество [Хазагеров, 2008, с.222].

Ю.М. Скребнев делит стилистические фигуры на фигуры замещения и совмещения, однако, как отмечает И.В. Пекарская, такая классификация разграничивает усилители изобразительности («парадигматические фигуры») и усилители выразительности («синтагматические фигуры»), но она

недостаточно корректна в плане выбора оснований классификации [Пекарская, 2017, с.89].

И.В. Пекарская, проводя тщательный анализ существующих в стилистических и риторических исследованиях типологии стилистических фигур, приходит к выводу, что большое количество классификаций не разрешает, а обостряет проблему поиска общего типологического принципа. Ученый предлагает разделить все общие принципы на синтагматические и парадигматические. К синтагматическим общим принципам относятся принципы «симметрии / асимметрии», «экономии / избыточности», общим парадигматическим принципом назван принцип «сравнения» [Пекарская, 2017, с.92].

Принцип симметрии и асимметрии означаемого и означающего был рассмотрен Э.М. Береговской. Фигуры, построенные по принципу симметрии, обладают полным соответствием плана содержания плану выражения, в то время как принцип асимметрии подразумевает внутреннее противоречие между формой и содержанием. Согласно данному принципу, к симметричным стилистическим фигурам относятся метатеза, инверсия, параллелизм, к асимметричным – контаминация, парехеза [Береговская, 2007, с. 26].

Принцип экономии и избыточности был выявлен и описан А.П. Сковородниковым. В основе принципа экономии находится такой признак, как лаконичность содержания текста. При этом функцию одной языковой единицы может выполнять другая. К фигурам, соответствующим принципу экономии, А.П. Сковородников относит эллипсис и умолчание. Принцип избыточности, по замечанию ученого, в основе своей имеет излишество какой-либо информации. Данному принципу соответствуют плеоназм, тавтология, избыточность [Сковородников, 1981, с. 58].

ЕЛНК (гипербола, литота, оксюморон, катахреза) в типологии И.В. Пекарской относятся к парадигматическим орнаментальным средствам, классифицируемым по принципу сравнения. Данный принцип, как полагают

И.В. Пекарская и В.Е. Лютенко, является «единственным принципом общего парадигматического характера» [Пекарская, 2020, с. 102]. Одним из первых, упоминающих о сравнении как принципе, на основе которого строятся стилистические фигуры, был А.И. Горшков [Горшков, 1996]. Как принцип рассматривает сравнение в работе «Риторика: Теория и практика речевой коммуникации» Е.Н. Зарецкая [Зарецкая, 2002]. И.В. Пекарская, рассуждая о лингвистическом статусе сравнения, пишет, что сравнение – понятие многоаспектное. С одной стороны, оно является <...> принципом организации любого тропа и целого ряда фигур: два предмета сравниваются по ряду оснований, и один называется именем другого, то есть происходит перенос названия. С другой стороны, традиционно, со времён античных риторик, выделяется троп-сравнение, сопоставляющий два явления с тем, чтобы пояснить одно из них с помощью другого и усилить прагматическое (воздействующее) значение первого» [Пекарская, 2015, с. 31].

В классификации И.В. Пекарской в группу стилистических фигур, образованных по принципу сравнения, входят изобразительно-выразительные средства, которые классифицируются по нескольким частным принципам построения фигур: сходства, связи (смежности), тождества. Последний принцип имеет разновидности: принцип контраста, алогизма, градации и семантической контаминации [Пекарская, 2017, с.92]. Следует отметить, что ученый выделяет стилистические фигуры, которые формируются по нескольким принципам. Такие изобразительно-выразительные средства называются ученым маргинальными [Пекарская, 2017, с.92]. ЕЛНК относятся к маргинальным стилистическим фигурам, построенным по принципам алогизма и семантической контаминации (оксюморон, катахреза), сходства и градации (гипербола, литота).

Говоря о принципе алогизма, следует отметить, что в филологических исследованиях термин «алогизм» используют в разных значениях. В узком понимании алогизмом называется стилистический прием, основанный на нарушении логических связей с целью раскрыть внутреннюю

противоречивость объекта или явления [Сковородников, 2004, с.39]. В широком понимании алогизм рассматривается как принцип построения стилистических фигур, состоящий в «намеренном и прагматически мотивированном отклонении от логических норм, под которыми понимаются основные законы формальной логики и вытекающие из них частные правила, например, правила деления понятий» [Сковородников, 2004, с.42]. Широкое понимание алогизма позволяет рассматривать его как принцип построения оксюморона и катахрезы. Данные фигуры отличаются тем, что они содержат в своей структуре языковые единицы, объединение которых приводит к нарушению логических законов. Например, в произведении В.В. Маяковского «Прощение на имя... Прошу вас, товарищ химик, заполните сами!» для описания чувств лирического героя используется оксюморон:

*За мной не скоро потянете
об упокой его душу таланте.*

Меня

из-за угла

НОЖОМ МОЖНО.

Дантесам в мой не целить лоб.

Четырежды состарюсь – четырежды

омоложенный,

до гроба добратся чтоб.

[Маяковский, 1957, Т.4, с. 180].

В данном отрывке стихотворения оксюморон *четырежды состарюсь – четырежды омоложенный* представлен сочетанием спрягаемой формы глагола *состариться* с причастием *омоложенный*, что приводит к явному нарушению логики. Анализ семантического состава входящих в структуру оксюморона лексических единиц: ***состариться*** – ‘стать стариком’; ***омоложенный*** – ‘ставший молодым’ – показывает, что одному объекту

одновременно приписываются противоположные свойства и признаки. Таким образом, можно заключить, что семантика анализируемого оксюморона нарушает закон противоречия (непротиворечия).

Важно отметить, что при образовании стилистических фигур, основанных на принципе алогизма, происходит нарочитое нарушение логических законов. По мнению В.П. Москвина, следует различать случайный алогизм и нарочитое несоблюдение законов логики. Первое явление является ошибкой и относится к не поддающемуся интерпретации абсурду, второе – выразительным средством языка, которое поддается интерпретации [Москвин, 2024, с. 98].

И.В. Пекарская, рассматривая принципы построения оксюморона и катахрезы, подчеркивает, что эти стилистические фигуры построены не только по принципу алогизма, но и по принципу семантической контаминации. Данный принцип представляет собой «взаимодействие смыслов, которое может реализовываться разными способами: синкретизмом, аппликацией (наложением) и амальгамацией ("соскальзыванием" с одной смысловой конструкции на другую)» [Пекарская, 2021, с. 250]. О.С. Ахманова отождествляет семантическую контаминацию с семантическим переразложением и перенесением, подразумевая «семантическое видоизменение слов вследствие их соприкосновения друг с другом; перераспределение семантических функций между членами словосочетания, сообщение одному из элементов словосочетания нового значения в результате взаимодействия языковых единиц, соприкасающихся в ассоциативном или синтагматическом ряду» [Ахманова, 1969, с. 319]. Построение оксюморона и катахрезы по принципу семантической контаминации позволяет стилистическим фигурам, несмотря на нарушение логических законов, быть интерпретируемыми.

Как отмечает А.П. Сковородников, для разграничения стилистических фигур, образованных по принципу алогизма, и других фигур, основанных на иных фигурирующих принципах, важно четко определять понятие

«логические законы». При размытых границах этого понятия к фигурам алогизма можно отнести многие изобразительно-выразительные средства, как, например, это делает Ю.Б. Бореев, относящий к алогизмам антифразис, аллегорию, олицетворение, эвфемизм, а также гиперболу, литоту [Бореев Ю.Б., 1988, с. 250–253; Сковородников, 2004, с.45]. С точки зрения А.П. Сковородникова, такое расширение круга паралогических стилистических фигур представляется неправомерным [Сковородников, 2004, с.45].

Однако нельзя отрицать, что гиперболы и литоты содержат «доходящее до абсурда несоответствие ее содержания действительному или возможному положению дел», что, по мнению В.П. Москвина, является отличительным признаком стилистических фигур, построенных по принципу неправдоподобия [Москвин, 2024, с.108]. Ученый уточняет, что «случайное неправдоподобие, начиная с Античности, считается недостатком речи», а в логике – фактической ошибкой. Если же неправдоподобное описание или утверждение используется с определенным стилистическим заданием, то оно может рассматриваться как стилистический прием [Москвин, 2024, с.108, 110]. Таким образом, гиперболу и литоту можно рассматривать как стилистические фигуры, построенные не на принципе алогизма, а на принципе неправдоподобия. Например, в произведении В.В. Маяковского «Наш паровоз, стрелой лети...» для номинации бухгалтерского отчета используется гипербола:

Несут гроссбух,

приличный том,

весом

почти

в двухэтажный дом.

Потом притащили,

как — неведомо,

в два километра! —

степь, а не ведомость!

Кипы

обиты в железные планки:

это расписки,

анкеты, бланки...

[Маяковский, 1958, Т.7, с. 253].

Преувеличение веса грессбуха до тяжести двухэтажного дома в гиперболическом наименовании основано не на нарушении базовых логических законов (законам тождества, непротиворечия, исключения третьего, достаточного основания), а скорее на абсурдном несоответствии реальному весу бумажного отчета.

Образность гипербол и литот основана на сопоставлении нескольких объектов или явлений, поэтому данные стилистические фигуры можно отнести к приемам, построенным по принципу сходства. Но в отличие от метафоры, сравнения, также построенных на основе соотнесения похожих объектов или явлений, в основе гиперболы и литоты лежит механизм контрастного сопоставления меры, выраженной гиперболической или литотной номинацией, и меры реального объекта. Не случайно, давая определение гиперболе и литоте, многие исследователи называют этот сущностный признак. Так, Т.Г. Хазагеров и И.Б. Лобанов называют гиперболу приемом, «в котором в результате переименования объекту приписывается свойство в преувеличенном количестве» [Хазагеров, 2008, с.230]. И. С. Курахтанова, анализируя языковую природу гиперболы, характеризует ее как стилистическую фигуру «намеренного, образного, нереального преувеличения большой (или преуменьшения малой) меры актуального для говорящего признака предмета, явления или действия» [Курахтанова, 1978, с.11]. Такая особенность гиперболы и литоты позволила некоторым исследователям называть данные стилистические фигуры

фигурами количества [Скребнев, 1975; Гриценко, 2016; Декатова, 2023; Дорогова, 2011 и др.].

В этой связи гиперболу и литоту можно отнести к стилистическим фигурам, которые построены по принципу градации. Например, в стихотворении В.В. Маяковского «Маленькая цена с пушистым хвостом» абсурдное представление о величине очков выражается с помощью гиперболы **очки тарелки**:

*Крысы канцелярские
перышками ласкают,
и, зубами клацая,
пишет*
калькуляция.
Вперили
очков тарелки
*в сонмы цифр,
больших
и мелких.*
Расставляют
*цифры в ряд,
строки*
цифрами пицрят.

[Маяковский, 1958, Т.8, с.68-69].

Сопоставление линз очков с тарелками основано не только на сходстве формы очков и тарелок, но и на противопоставлении их величины. Иными словами, данная гипербола построена не только по принципу сходства, но и по принципу градации.

Контрастное противопоставление признаков в содержании гипербол, литот и оксюморона, катахрезы стало причиной отнесения данных стилистических фигур к фигурам, формируемым по принципу контраста [Пекарская, 2021, Т.Г. Бочина, 2005; Э.Г. Шестакова, 2009; В. А. Сазонова, 2011 и др.].

Данный принцип подробно рассматривается в трудах И.В. Пекарской, О.Н. Егорченко, Т.Г. Бочиной, Е.В. Монаховой и др. [Пекарская, 2021; Бочина, 2005; Егорченко, 2006; Монахова, 2015 и др.], и определяется как «парадигматический принцип организации орнаментальных элокутивов контрастного характера, и реализуется через два специализированных способа – способ противоположности и способ противоречия» [Егорченко, 2006, с. 19]. О.Н. Егорченко выделяет «комплексы тропов и фигур контраста с фиксацией способов реализации данного принципа – способ противоположности (контрарности) и способ противоречия (контрадикторности)» [Егорченко, 2006, с. 14]. ЕЛНК являются фигурами, образованными вторым способом, что отличает их от антитезы, образованной первым способом.

Таким образом, ЕЛНК являются стилистическими фигурами, которые можно отнести к сложноорганизованным, построенным по нескольким принципам стилистическим приемам. Этим обусловлена сложность типологизации данных стилистических фигур. Формирование типологии ЕЛНК требует понимания того, что рассматриваемые стилистические фигуры могут быть отнесены к разным группам фигур одновременно. Учитывая эту особенность ЕЛНК, можно разделить их на следующие группы (см. таблицу 1):

ЕЛНК – фигуры абсурда , построенные по принципам		
<i>контраста</i>	<i>алогизма, семантической контаминации</i>	<i>оксюморон, катахреза</i>
	<i>неправдоподобия, сходства, градации</i>	<i>гипербола, литота</i>

Таблица 1. Типология ЕЛНК по принципу их образования

ЕЛНК являются стилистическими фигурами абсурда, которые могут быть одновременно построены по нескольким принципам: формирование оксюморона и катахрезы основано на принципах контраста, алогизма и семантической конвергенции, а образование гиперболы и литоты – на принципах контраста, неправдоподобия, сходства и градации. Принципы организации ЕЛНК определяют особенности структурирования семантики данных стилистических фигур: разными принципами построения ЕЛНК обуславливается своеобразие смыслообразования каждой анализируемой стилистической фигуры.

ВЫВОДЫ ПО ПЕРВОЙ ГЛАВЕ

К фигурам абсурда, основанным на конфликте единиц речевой цепи с требованиями логики и принципом правдоподобия, относятся фигуры алогизма и неправдоподобия. В связи с тем, что феномен фигур абсурда сложен и многогранен, в современной лингвистике существует большое количество классификаций, созданных на разных основаниях. В ряду фигур абсурда находятся единицы, отличительной чертой которых является объединение семантически не сочетаемых слов – единицы с логически несовместимыми компонентами (ЕЛНК). В нашем исследовании ЕЛНК понимаются как выразительные средства языка, в состав которых входят компоненты, вербализирующие несовместимые понятия, содержащие в своей семантике противоречивые смысловые элементы. Противоречие, заложенное в основе смысловой структуры ЕЛНК, – отличительный признак данных фигур. Присутствующее в смысловой структуре ЕЛНК противоречие, создающее сложности в понимании их значения, в процессе смыслообразования нивелируется в результате переосмысления слов-компонентов, что позволяет отнести данные стилистические фигуры к интерпретируемым фигурам абсурда и противопоставить ЕЛНК алогизму как логической ошибке, не поддающемуся интерпретации абсурду.

К фигурам абсурда, составляющим группу ЕЛНК, относятся такие фигуры, как оксюморон, катахреза, гипербола и литота. Оксюморон содержит открытое противоречие в семантике, что отличает его от такой фигуры контраста, как антитеза: оксюморон приписывает противоположные признаки одному объекту и демонстрирует единство противоположностей, антитеза – разным объектам, демонстрируя борьбу противоположностей. В отличие от оксюморона в катахрезе сочетаются слова, вербализующие понятия, не являющиеся контрастными, хотя эти понятия все-таки являются логически несовместимыми, что позволяет отнести катахрезу к ЕЛНК. Одной из дискуссионных проблем в современном языкознании является вопрос о соотношении таких фигур, как гипербола и литота. Это связано с существованием широкого и узкого понимания термина «гипербола»: в широком понимании гиперболой называют стилистический прием, состоящий в приписывании объекту неправдоподобно больших и маленьких количественных характеристик, что позволяет рассматривать литоту как разновидность гиперболы; в узком понимании к гиперболам относят только приемы, состоящие в преувеличении признаков объекта номинации, противопоставляя гиперболу литоте как самостоятельному приему, состоящему в преуменьшении признаков номинируемого объекта. Сторонники широкого и узкого понимания гиперболы не отрицают наличия противоречия смысловых элементов, вербализирующих количественные характеристики, в семантике многих гипербол и литот, что является признаком ЕЛНК.

Проблема типологии ЕЛНК осложнена тем, что в современной филологии оксюморон, катахрезу, гиперболу и литоту относят к различным группам изобразительно-выразительных средств. Среди ученых нет единого мнения о том, следует ли считать явления, входящие в группу ЕЛНК, фигурами риторики или стилистическими приемами, тропами или стилистическими фигурами. Так как ЕЛНК являются фигурами, нацеленными не столько на усиление выразительности речи, сколько на

усиление экспрессивности, в основе которой лежит принцип контраста с точки зрения семантики и функциональности, их можно рассматривать как стилистические фигуры. Для анализа смыслообразования ЕЛНК целесообразно использовать термин «стилистическая фигура» в широком значении, подразумевая весь спектр изобразительно-выразительных средств (тропов и фигур), участвующих в создании образности, выразительности, экспрессивности художественного текста.

В современной лингвистике выделяются различные принципы типологизации стилистических фигур: общие принципы, к которым относят принципы «симметрии / асимметрии», «экономии / избыточности», принцип «сравнения», и частные принципы – принципы построения фигур по сходству, связи (смежности), тождеству. ЕЛНК относятся к парадигматическим орнаментальным средствам, классифицируемым по общему принципу сравнения. Так как ЕЛНК строятся по нескольким частным принципам, они относятся к маргинальным (термин И.В. Пекарской) стилистическим фигурам. Учитывая эту особенность ЕЛНК, можно разделить их на следующие группы: 1) ЕЛНК, построенные по принципам алогизма и семантической контаминации (оксюморон, катахреза), 2) ЕЛНК, построенные по принципам неправдоподобия, сходства и градации (гипербола, литота). Данными принципами обуславливается своеобразие смыслообразования каждой анализируемой стилистической фигуры.

ГЛАВА II. СМЫСЛОВАЯ СТРУКТУРА ЕДИНИЦ С ЛОГИЧЕСКИ НЕСОВМЕСТИМЫМИ КОМПОНЕНТАМИ

2.1. Смыслообразование как процесс формирования плана содержания единиц с логически несовместимыми компонентами

Особенности семантики ЕЛНК исследовались в рамках анализа структурно-семантических характеристик стилистических фигур, построенных на принципах неправдоподобия и алогизма. Так, в ходе описания средств гиперболизации анализировались смыслы и идеи, выражаемые гиперболой [Крысин, 1988; Афанасьева, 2000 и др.], исследовались способы передачи литотного значения [Харченко, 2019; Павленкова, 2015; Десятская, 2018; Тихомиров, 2006 и др.], рассматривались семантические группы свободносинтаксических и фразеологизированных литот, гипербол [Курахтанова, 1978; Гужова, 2013; Поликарпова, 1990; Прокопова, Ермакова 2022 и др.], оксюморонов и катахрезы [Атаева, 1975; Кургенян, 2006, 2007; Бочина, 2002, 2003, 2005; Халиков, 1983; Козинец, 2015; Декатова, 2001, Якунина, 2007; Барсукова, 2013; Меновщикова, 2012; Дубинина, 2020; Рогалева, 2015 и др.]. Оказывался в центре внимания лингвистов вопрос о наличии противоречия и противопоставленности значений как основного признака семантики ЕЛНК, а также исследовались способы разрешения противоречий в значении ЕЛНК путем переосмысления компонентов [Атаева, 1975; Кургенян, 2006, 2007; Павлович, 1979, 1981; Шестакова, 2009; Бочина, 2003; Якутина, 2007; Барсукова, 2013; Кашина, 2013; Пекарская, 2014; Вольф, 2017, 2018; Степанова, 2009 и др.].

Таким образом, исследовались частные вопросы формирования значения отдельных групп ЕЛНК, анализировались средства и способы выражения их значений, описывались семантические признаки, отличающие ЕЛНК от других стилистических фигур, рассматривались семантические механизмы разрешения противоречий в значении ЕЛНК. Несмотря на

разностороннее изучение плана содержания ЕЛНК, особенности их смыслообразования до сих пор нуждаются в дополнительном рассмотрении. Исследование макрокомпонентного состава смысловой структуры ЕЛНК, динамики смысловых элементов в процессе смыслообразования остается актуальной задачей в современной лингвистике.

В связи с существующим в отечественной лингвистике разночтением в определении сущности семантических категорий «значение» и «смысл» считаем необходимым разъяснить, в каком значении используется термин «смысл» в нашем исследовании.

Современной науке известны отличные друг от друга традиции понимания термина «смысл». Рядом исследователей смысл рассматривается либо как неделимое [Звегинцев, 1973], либо как состоящее из минимальных элементов образование [Бондарко, 1978; Алефиренко, 2005а]. Как отмечает В.В. Чиняева, анализ дефиниций термина «смысл» в различных отечественных и зарубежных словарях позволяет сказать, что нередко данный термин используется как синоним термина «значение» [Чиняева, 2015, с.75]. Однако со второй половины XX в. в научно-исследовательской литературе начинает активно обсуждаться вопрос о нетождественности понятий «значение» и «смысл» и их соотношении. Вслед за Г. Фреге, достаточно четко разграничившим понятия «значение» и «смысл» [Фреге, 2000, с.230-247], концепцию, в которой смысл языковой единицы предстает как оппозиция значения, поддержали А.А. Потебня, М.М. Бахтин, М.В. Никитин, Л.А. Новиков, Н.Ф. Алефиренко и др. [Потебня, 1999; Бахтин, 1979; Никитин, 2007; Новиков, 1982; Алефиренко, 2005 а].

А.А. Потебня рассматривал план содержания языковой единицы как сложноорганизованную структуру, включающую «ближайшее значение» – языковую форму слова – и «дальнейшее значение» – проявляющееся в речевом смысле внеязыковое содержание [Потебня, 1999, с.104].

В представлении М.М. Бахтина оппозиция «значение – смысл» имеет дополнительные признаки. М.М. Бахтин пишет, что высказывание как

единица речевого общения в отличие от языковых единиц имеет «не значение, а смысл» [Бахтин, 1979, с.305]. Кроме того, исследователь отмечал, что смысл в отличие от значения всегда является диалогичным. Смысл фразы, по словам ученого, состоит не только из значений слов, составляющих ее, подобно тому, как смысл текста не может быть сведен к сумме частей, образующих текст [Бахтин, 2000, с. 368-369].

М.В. Никитин, анализируя историю формирования оппозиции понятий «значение» и «смысл», пишет, что вслед за психологами многие лингвисты рассматривают значение как постоянную, неизменную часть содержания знака, способную обеспечить успешную коммуникацию, поскольку она известна всем носителям языка. Этой части противопоставляется индивидуальная, личностная, меняющаяся в речи разных людей, в разных текстах, которую и называют смыслом [Никитин, 2007, с. 65].

Размышляя о соотношении понятий «значение» и «смысл», Н.Ф. Алефиренко приходит к заключению, что «языковой знак, с одной стороны, обладает значением, являющимся инвариантным, узואльным и обязательным аспектом его плана содержания, а с другой стороны, употребляясь в конкретном речевом акте, языковой знак приобретает вполне конкретный, нередко уникальный смысл» [Алефиренко, 2005, с.83].

А. В. Бондарко видит в значении и смысле не различные образования, а «разные стороны, аспекты, формы существования мыслительных (мыслительно-языковых и мыслительно-речевых) единиц», способные к взаимодействию и взаимному переходу [Бондарко, 1978, с.39].

В.П. Литвинов в своих исследованиях рассматривает значение как «принадлежащее языку средство для выражения внеязыкового смысла» [Литвинов, 1986, с.23]. Под смыслом исследователь понимает «любую информацию, получаемую в процессе отражения объективной действительности в сознании человека. Смысл принадлежит практике» [Там же].

Э.Д. Сулейменова в исследовании, посвященном проблеме смысла, отмечает, что противопоставление смысла и значения во многих случаях осуществляется как противопоставление языка и речи. В противоположность таким представлениям, автор утверждает, что категория смысла и категория значения не существуют раздельно. «Значение и смысл формируются и функционируют только в единстве, будучи взаимосвязаны не только генетически, но и функционально» [Сулейменова, 1989, с.144].

Учитывая все вышеизложенные представления о семантических категориях, составляющих суть содержания языковой единицы, мы в исследовании противопоставляем термины «значение» и «смысл» как наименования содержания языкового знака и его речевого воплощения. В связи с этим для наименования плана содержания ЕЛНК, генетической средой и пространством функционирования которых является речь, используется термин «смысл». Значение ЕЛНК может формироваться только в случае их перехода в разряд языковых единиц в результате фразеологизации. Например, гипербола *планов громадье* – ‘очень много планов’ из поэмы «Хорошо!» (1927) В. В. Маяковского: «Я *планов наших люблю громадье, /Размаха шаги саженьи*» (В.В. Маяковский, «Хорошо!», с. 313) фразеологизировалась и функционирует в языке с фразеологическим значением: *планов громадье* – ‘шутливо или иронически о больших планах, далеко идущих замыслах, идеях, а также о проектах, реализация которых весьма проблематична’ [ЭСКСВ, 2005, с.584-585]. Данная устойчивая единица в отличие от ЕЛНК употребляется носителями языка и в других контекстах. Например, в нижеследующих отрывках из художественного и публицистического текстов употребляется фразеологизировавшаяся гипербола В.В. Маяковского:

На самом деле никто ни на кого влияние оказывать не собирался, не строил козней гнусных, коварных планов громадье, интриг не плел, нет, просто рослый девятиклассник шел коридором школьным с ведром, наполненным водой из крана [Солоух, 2002, с. 61].

*Если честно, поначалу все выглядело вдохновляюще, но вскоре стало понятно, что колебания начинают напоминать наши реформы 68-го: **планов громадье**, но все больше на эмоциях* [«Комсомольская правда» от 19 сентября 2014 г.].

Несмотря на разносторонний анализ процесса образования плана содержания гипербол, литот, катахрез и оксюморонов в современной лингвистике, механизмы смыслообразования данных ЕЛНК нуждаются в изучении. Вслед за К.И. Декатовой под смыслообразованием мы понимаем «процесс формирования смысловой структуры номинативной единицы» [Декатова, 2009, с. 19]. В нашем исследовании **смысловой структурой** ЕЛНК называется структура речевого смысла, содержащего денотативный и сигнификативный компоненты (Рис. 1).

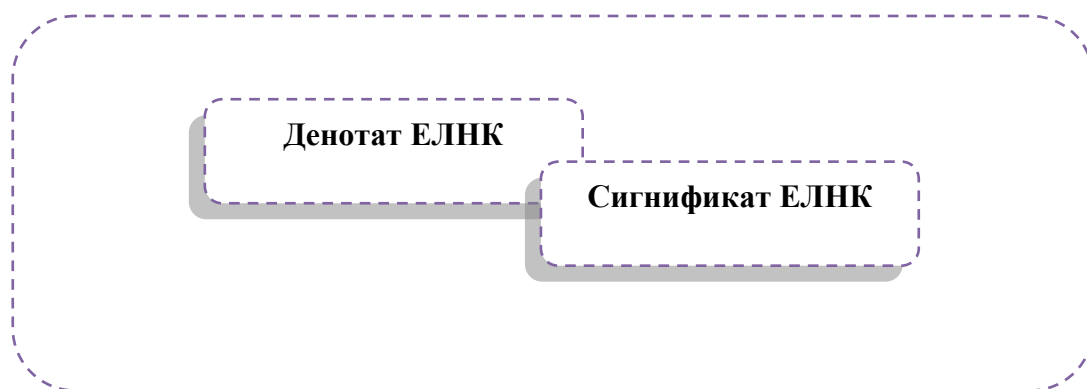

Рис. 1. Смысловая структура ЕЛНК

Например, в одном из лозунгов к «Окнам РОСТА» В.В. Маяковского содержится гиперболическое описание достижений крестьян в новом году:

*Поля
отдавших
войны непогодам
крестьян
приветствуем: «С новым годом!»
Верим,
этого года небо*

будет сиять

над горами хлеба!

[Маяковский, 1957, Т.3, с.64]

Смысловой структурой гиперболы *горы хлеба* является 1) денотат – типизированный объект – *образ собранной пшеницы* – и сигнификат – ‘очень много хлеба, пшеницы’ (Рис. 2):

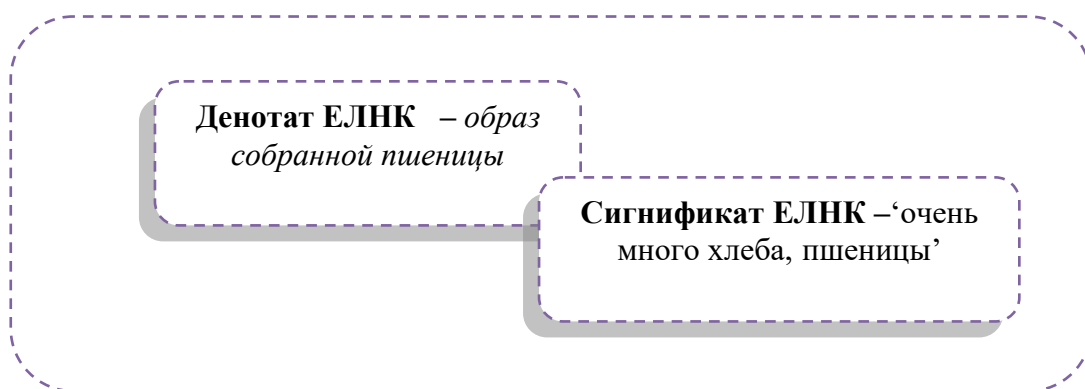

Рис. 2. Смысловая структура гиперболы *горы хлеба*

Анализируя сущность денотата, Н.Ф. Алефиренко отмечает, что в современной семантике денотат рассматривается по-разному: исследователи либо отождествляют денотат с референтом (А.Черч, Ю.Н. Караулов), либо относят его к доязыковой, невербальной части плана содержания знака (Ю.М. Скребнев), либо включают денотат в семантическую структуру знака (М.М. Копыленко, З.Д. Попова, А.А Уфимцева) [Алефиренко, 2005, с.156-159]. Считая взгляды сторонников последней группы ученых наиболее близкими к истине, в нашей работе мы определяем денотат ЕЛНК как «результат типизированного представления предмета, явления, действия в значении» языкового знака [Алефиренко, 2005, с.157].

Поскольку ЕЛНК являются единицами, в состав которых входят слова с переносным значением, денотативный компонент их смысловой структуры имеет сложные связи с денотатами первичных значений слов-элементов стилистических фигур. Вслед за К.И. Декатовой и М.А. Курдыбайло

типизированный образ объекта номинации ЕЛНК в нашей работе называется актуальным денотатом [Декатова, Курдыбайло, 2014, с.23].

Таким образом, можно сказать, что денотат ЕЛНК имеет сложное строение: денотативный макрокомпонент представляет собой денотат актуального значения (актуального денотата), который является типизированным образом объекта номинации и неразрывно связан с первичными денотатами слов, входящих в состав тропа или стилистической фигуры. Денотативный макрокомпонент ЕЛНК можно представить в виде следующей схемы (Рис. 3):

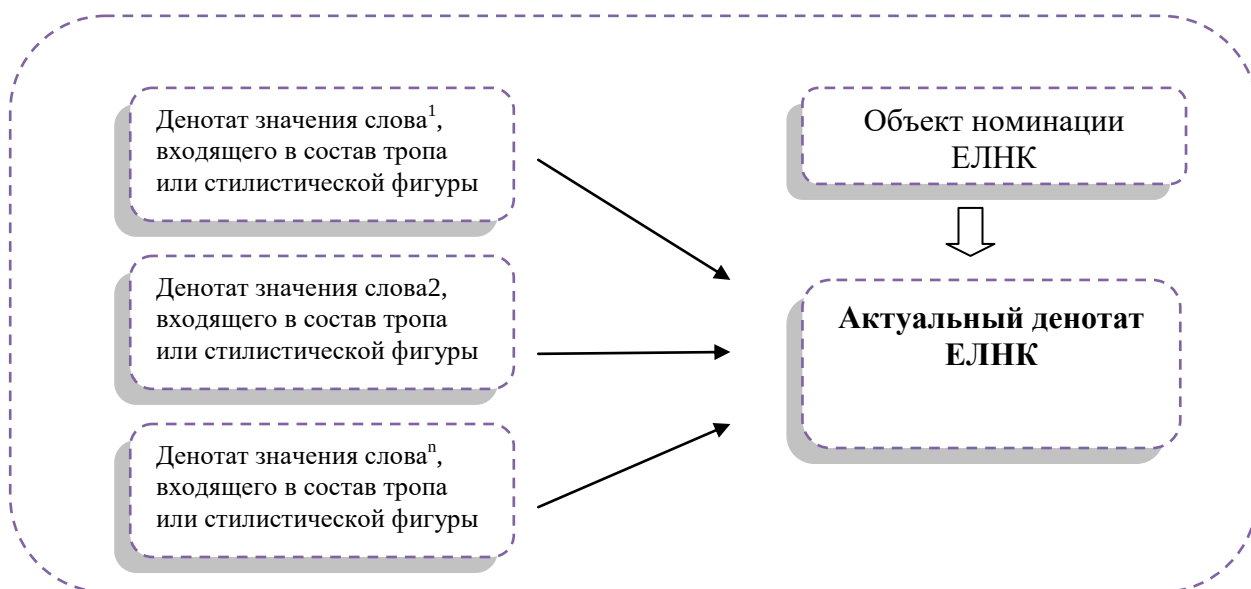

Рис. 3. Денотативный макрокомпонент ЕЛНК

Например, денотативный макрокомпонент гиперболы *горы хлеба* схематически можно представить следующим образом (Рис. 4):

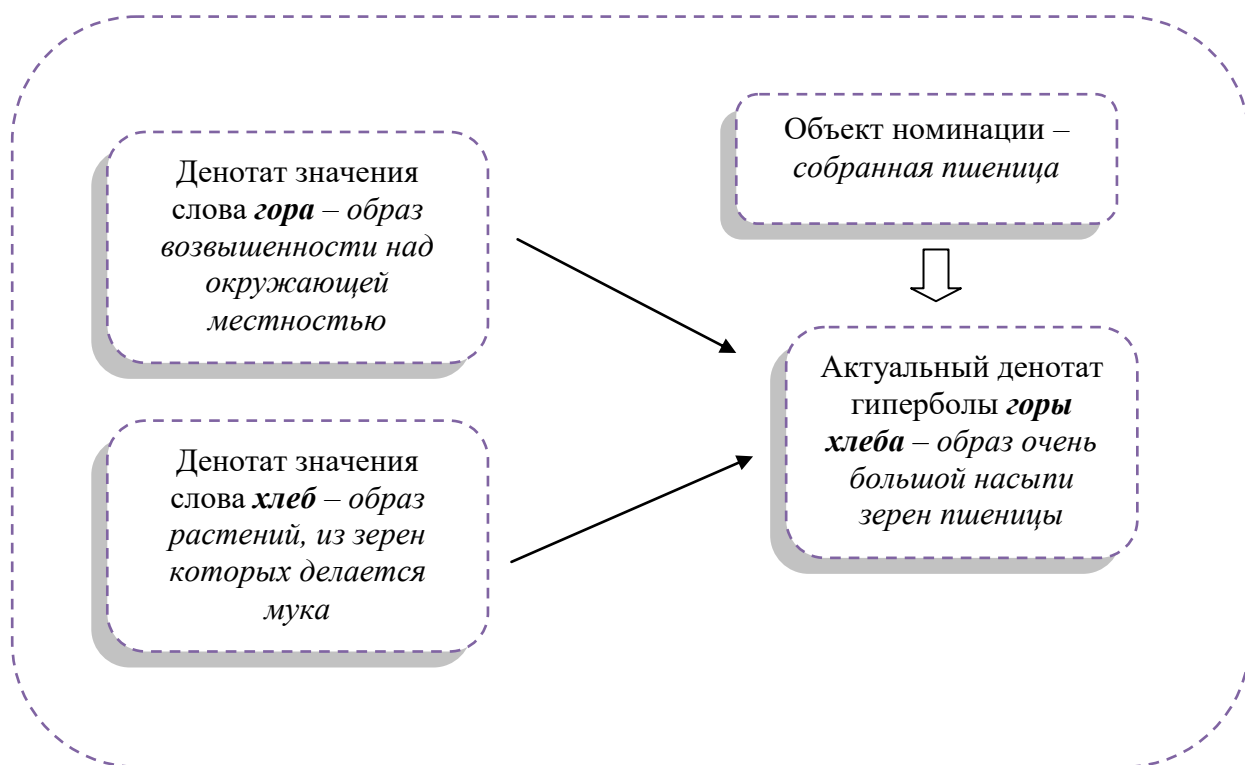

Рис. № 4. Денотативный макрокомпонент гиперболы *горы хлеба*

Денотативным макрокомпонентом анализируемой гиперболы является сложное образование, которое представляет собой актуальный денотат – образ *собранный крестьянами пшеницы*, – формирующийся в результате отражения объекта номинации – *насыпи зерен пшеницы*, – а также взаимодействия денотатов значений слов *гора* – *образом возвышенности над окружающей местностью*, *хлеб* – *образом растений, из зерен которых делается мука*.

Денотаты ЕЛНК различаются по степени сложности: денотативный макрокомпонент гипербол, литот, катахрез, оксюморонов может обозначать предметы, явления или целые ситуации. Например, в стихотворении В.В. Маяковского «Не для нас поповские праздники» содержится гиперболическая номинация предмета:

*Для буржуев
новый повод
осушить с полдюжины насухо.*

Куличи

– в человеческий рост –

устанавливают столы Титов.

Это Титы придумали пост:

подогревание аппетитов.

[Маяковский, 1957, Т.5, с.35].

Актуальным денотатом гиперболы ***куличи – в человеческий рост*** является образ чрезмерно высоких куличей, который формируется на основе образа предмета номинации – пасхального хлеба – денотата сочетания слов ***рост человека*** – образа стоящего человека.

В поэтическом произведении В.В. Маяковского «Сволочи» ЕЛНК используется для описания такого явления, как пожар, выступающего метафорой суровой мести богатым за голод и страдания простого люда:

Будет день!

Пожар всесветный,

чистящий и чадный.

Выворачивая богачей палаты,

будьте так же,

так же беспощадны

в этот час расплаты!

[Маяковский, 1957, Т.4, с.18].

Актуальный денотат гиперболы ***пожар всесветный*** представляет собой сложный образ, который формируется на базе представлений об исторических процессах, а также денотатов слова ***пожар*** – образе неконтролируемого горения – и неологизма ***всесветный***, образованного путем сложения слов *все* и *свет*, используемого в значении ‘мир’.

Гиперболизированная интенсивность действия – тушения пожара, – о котором пишет В.В. Маяковский в стихотворении «Авиачастушки», является признаком описываемой ситуации:

*Над лесами жар и зной,
жрет пожар их желтизной.
А пилот над этим адом
льет водицу водопадом.*

[Маяковский, 1957, Т.5, с.84].

Гипербола *льет водицу водопадом* номинирует действие, образ которого является частью денотативной ситуации – *тушение пилотом пожара в лесу очень большим количеством воды*. В формировании сложного актуального денотата гиперболы участвуют денотаты слов *водица* и сочетания слов *лить водопадом*.

Поскольку денотативные смысловые элементы являются частью сигнификативного макрокомпонента значения языкового знака [Алефиренко, 1999; Декатова, 2001], в смысловой структуре ЕЛНК денотат неразрывно связан с сигнификатом.

Несмотря на многолетние дискуссии об определении термина «сигнификат», он остается одним из самых сложных в современной семантике. Это связано с тем, что в языкознании нередко значение знака интерпретируется через понятие. При таком подходе лексическое значение слова определяют как «содержание слова, отображающее в сознании и закрепляющее в нём представление о предмете, свойстве, процессе, явлении и т.д.» [Гак, 1990, с. 57]. В то время как понятие определяют как мысль, отражающую «в обобщённой форме предметы и явления действительности посредством фиксации их свойств и отношений; последние (свойства и отношения) выступают в понятии как общие и специфические признаки, соотнесённые с классами предметов и явлений» [Степанов, 1996, с. 257]. Данное определение коррелирует с определением понятия в логике, так как в

логике понятия могут выражаться при помощи дескриптивных терминов. Каждое понятие имеет две ключевые характеристики – экстенциональную (совокупность всех предметов, обладающих определенным отличительным признаком) и интенциональную (совокупность отличительных признаков, на основании которых, предметы выделяются в классы) [Маркин, 2007, с.25].

Анализируя соотношение терминов «денотат» и «сигнификат» в современном языкознании, К.И. Декатова отмечает, что «вопрос о соотношении понятий «денотат» и «сигнификат» имеет несколько ответов: 1) в концепциях, отождествляющих денотат с референтом, сигнификат противопоставляется материальному денотативному макрокомпоненту как абстрактная, идеальная, нематериальная часть значения; 2) в исследованиях, приравнивающих денотат к речевому смыслу, «номинанту слова в актуализированной речи», сигнификатом называется узуальное значение, или «номинант слова в системе языка» [ЯБС, 1998, с. 444]; 3) в работах, посвященных когнитивно-семантическому анализу языкового значения, сигнификат рассматривается как «вербализированное понятие», сформированное из смысловых элементов «вербализированного представления» – денотата [Алефиренко, 1999, с. 38; Декатова, 2023, с. 38-39]. Вслед за исследователями, разделяющими третье понимание сущности сигнификата, в нашей работе сигнификатом смысловой структуры ЕЛНК мы называем «оязыковленное понятие», т.е. имеющее семное воплощение совокупность важных, сущностных признаков определенного класса предметов» [Декатова, 2023, с. 39]. Например, в нижеследующем отрывке произведения «Негритоска Петрова» В.В. Маяковский использует литоту, описывая результат неразумных решений героини, приведших к тому, что ей удалось сшить лишь *на одну ноздрю платочек*:

Баба села.

Масса дела.

Баба мыслит,

травки тише,

как ей
скрыть от срама
тело...
Наконец
у бабы вышел
из клочка
с полсотней точек
на одну ноздрю платочек.

[Маяковский, 1957, Т.8, с.106-107].

В смысловую структуру литоты входят денотат – *типизированное представление о маленьком носовом платке* – и сигнификат, представляющий собой вербализированное понятие о носовом платке, – совокупность сем и семных комплексов ‘ткань’, ‘кусок (ткани)’, ‘для очистки носа’. Важно отметить, что в сигнификат данной литоты входят и коннотативные семы ‘маленький’, ‘очень (маленький)’.

Как показывает анализ смыслообразования вышеописанной ЕЛНК, сигнификативный компонент не является совокупностью сем слов, участвующих в образовании литоты. Смысловые элементы ‘часть носа’, ‘наружное отверстие в носу’, составляющие значение слова *ноздря*, становятся потенциальными смыслами, становящимися частью образной составляющей содержания литоты. Это связано с тем, что смысловая структура ЕЛНК является результатом переосмысления единиц, являющихся строительным материалом тропов и стилистических фигур.

Проанализировать причины, проследить траектории перемещения смысловых элементов вследствие формирования смысловой структуры ЕЛНК возможно, используя когнитивно-семиологический подход.

2.2. Когнитивно-семиологический подход к исследованию смыслообразования единиц с логически несовместимыми компонентами

Для целостного понимания особенностей смыслообразования ЕЛНК необходимо проведение исследования с использованием методов и подходов когнитивной лингвистики и такого направления семантики, как семиология.

Современная когнитивная лингвистика, сформировавшаяся под влиянием когнитологии и традиции отечественного языкознания, психологии, стала основой когнитивно-дискурсивной парадигмы [Кубрякова, 2004]. Н.А. Беседина отмечает, что «при акценте на когнитивную составляющую речь идет о содержании и значении языковых явлений; при акценте на дискурсивную – о способе подачи и распределения информации по «поверхности» рассматриваемых единиц (от слов до дискурса)» [Беседина, 2010, с. 33].

В когнитивной лингвистике подчеркивается, что язык – это один из ключевых элементов формирования мысли и ее выражения, хранения и организации знания в человеческом сознании, обмена знаниями [Кубрякова, 2009, с.13]. Признание того факта, что язык имеет когнитивную основу, позволило обозначить проблемы, связанные с анализом связей между производством речи и мировидением человека.

Отталкиваясь от идей классиков когнитивного направления в языкознании, Т.Г. Скребцова описала несколько базовых принципов когнитивной лингвистики: избрание холистического подхода к интерпретации языковой способности и процессов восприятия и порождения текста человеком, принцип изучения языковой способности как проявления общих когнитивных механизмов, что помогает изучать познавательные процессы человека через язык; антропоцентрический принцип, принцип органической связи языкового знания с психической организацией человека; принцип субъективизации исследований, означающий, что адекватный

анализ значения языкового знака невозможен без привлечения экстралингвистической информации, принцип функционализма: исследования языка в действии; принцип сосредоточенности на изучении языковых значений, являющихся связующим звеном между языком и когницией [Скребцова, 2018, с. 34-37]. Возможность придерживаться последнего принципа позволяет исследователям рассматривать процесс формирования речи и использования знака как сложное взаимодействие языковой структуры и ментальной репрезентации, а языковой знак рассматривать как одно из средств проникновения в тайну речемыслительных процессов [Комарова, 2012, с. 460-461].

В круг проблем когнитивной лингвистики входят проблемы изучения процессов концептуализации и категоризации, механизмов формирования языковой картины мира, взаимосвязь языковых единиц с ментальными структурами и др. В связи с тем, что «репрезентации являются символическими единицами, когнитивная лингвистика имеет немало точек соприкосновения с семиотикой и семиологией, и часть возникающих в этой связи проблем затрагивают интересы наук и могут быть решены лишь на их стыке» [КС, 1996, с. 54-55]. Иными словами, глубокое понимание особенностей формирования содержания языковых единиц разного уровня невозможно без комплексного использования когнитивных и семиологических подходов, без учета неразрывной связи семантических и когнитивных структур знака.

Исходя из вышесказанного, мы рассматриваем смысловую структуру ЕЛНК как структуру, генетически связанную с когнитивными структурами, которые активируются в процессе смыслообразования данного типа тропов и стилистических фигур. Поэтому для понимания особенностей формирования смысловой структуры ЕЛНК важно учитывать своеобразие их когнитивной основы – концепта, который становится источником смысловых элементов речевого смысла выразительных средств.

В связи с существующим разночтением термина «концепт» уточним, что в нашем исследовании концепт рассматривается как когнитивная структура, которая связана со значением и речевым смыслом, но не приравнивается к ним. В когнитивной лингвистике концепт и значение, речевой смысл противопоставляются как невербальные и вербальные структуры [Алефиренко, 2005]. Рассуждая о введении термина «концепт», С.Г. Воркачев писал, что в лингвистической литературе появилась мысль о необходимости «выработки нового термина для адекватного обозначения содержательной стороны языкового знака, который снял бы функциональную ограниченность традиционных значения и смысла, в котором бы органически слились логико-психологические и языковедческие категории» [Воркачев, 2003, с.5].

По мнению З.Д. Поповой и И.А. Стернина, значение и концепт – это результат когнитивной деятельности, но свершающейся вследствие работы различных видов сознания: концепт является продуктом когнитивного сознания человека, а значение – языкового сознания [Попова, Стернин, 2007, с. 14]. Отметим также, что «концепт и значение в равнозначной степени относятся к явлениям когнитивной природы. Значение есть часть концепта как мыслительной единицы, закреплённая языковым знаком в коммуникативных целях» [Попова, Стернин, 2007, с. 14].

Следует отметить, что концепт относится к базовым понятиям когнитивной лингвистики, в то время как значение — понятие, характерное для семантики. По мнению Д. Ф. Рахимовой, значение является составной частью концепта, которая репрезентирует его коммуникативную часть, то есть содержание, употребляемое и интерпретируемое идентично в пределах одного сообщества [Рахимова, 2003, с.45].

Когнитивная основа значения ЕЛНК имеет сложное строение, т.к. формируется в результате активации нескольких связанных концептов, например, в произведении В.В. Маяковского «Вместо оды» используется

гипербола *раскручивая язык витиеватой лентой* когнитивной основой является взаимосвязанные концепты «Человек» (язык), «Одежда» (лента):

*А уже
циркуля письмоносеца
за новой юбкой
по улицам носятся;
раскручивая язык
витиеватой лентой,
шепчет
какой-то
охаживаемой Вере:
— Я за положительность
и против инцидентов,
которыеэ
вредят
служебной карьере.*

[Маяковский, 1958, Т.8., с.45].

Речевой смысл данной гиперболы – ‘слишком длинно, красиво, витиевато говорить’ – формируется на нестандартной ассоциативной связи знания такой части человеческого тела, как язык, и знания о предмете, сделанном из узкой полоски ткани. Парадоксальность этой связи заключается в том, что языку человека приписывается такой признак, как длинна ленты, что не соответствует существующим в памяти человека представлениям о номинируемых реалиях.

Таким образом, наложение концептов в процессе смыслообразования ЕЛНК приводит к формированию когнитивно-семиологических парадоксов, которые К.И. Декатова рассматривает как «речемыслительное явление нестандартного, ненормативного, не согласующегося с существующим опытом ассоциативного объединения, наложения концептуальных структур»

[Декатова, 2009, с. 134]. Данный парадокс является когнитивным, потому что в его образовании участвуют концепты, и семиологическим, т.к. «возникновение данного парадокса происходит в ходе номинативной деятельности при порождении высказывания и связано с определенными семиологическими процессами» [Декатова, 2009, с. 135-136].

Как отмечает К.И. Декатова, когнитивно-семиологический парадокс проявляется в противоречиях на когнитивном и семантическом уровнях. Исследователь выделяет такие противоречия, как категориальные и семантические противоречия [Декатова, 2018, с. 107- 113].

Категориальные противоречия возникают в процессе такой познавательной деятельности человека, как категоризация. О сложности данного ментального явления говорит Г.В. Токарев, который рассматривает его как «процесс познавательной деятельности человека, включающий в себя (а) образование категорий, обобщающих продукты концептуализации, (б) соотнесение со сформированными категориями новых знаний об устройстве мира, (в) структурирование знаний в виде фрейма, сценария и др., а также (г) классификацию языковых единиц, репрезентирующих данные ментальные величины» [Токарев, 2014, с. 174]. Такое понимание категоризации можно назвать широким. В лингвистических исследованиях существует и узкое понимание категоризации. Так, Е.С. Кубрякова термином «категоризация» называется когнитивный процесс подведения объекта под определенную категорию [Кубрякова, 2009, с. 42]. В нашем исследовании категоризация рассматривается в узком смысле. Языковые знаки объективируют этот процесс, делают его доступным для понимания. Как подчеркивает Н.Н. Болдырев, лексическое значение языковых единиц отражает результаты познания мира, то есть познание сущности предметов и явлений, их характеристик и категорий. Такого рода категоризацию ученый называет лексической категоризацией, которая является «языковым аналогом категоризации естественных объектов и объектов внутреннего мира человека» [Болдырев, 2006, с. 9-10]. Важно отметить, что связь языкового

знака со знанием, относящемся к определенной категории, не является незыблемой, поскольку в любом познавательном процессе «выявляются две его стороны: статическая, отражающая определенные результаты (знания), и динамическая, связанная с самими мыслительными операциями, ведущими к достижению этих знаний, а также направленными на их интерпретацию или переосмысление» [Болдырев, 2006, с. 8]. Так, использование знака в непрямой номинации является случаем нарушения его изначальной категоризации и активации знаний нескольких категорий, что, по мнению К. И. Декатовой, приводит к возникновению категориальных противоречий. Вслед за ученым мы рассматриваем категориальные противоречия как противоречия, которые обостряются в ходе объединения в смысловой структуре языковых единиц денотатов разной категориальной принадлежности [Декатова, 2009, с. 153]. Например, в процессе формирования смысловой структуры оксюморона *стареющий юноша*, содержащегося в произведении А. А. Блока «Двойник», во взаимодействие вступают смысловые элементы денотатов разных категорий: представления о молодом человеке и о человеке пожилого возраста. Это становится причиной возникновения категориальных противоречий, так как *юноше* приписываются несвойственные ему *признаки старения*:

Вдруг вижу, – из ночи туманной,

Шатаясь подходит ко мне

Стареющий юноша (странно,

Не снился ли мне он во сне?)

Выходит из ночи туманной

И прямо подходит ко мне.

[А. Блок, 1997, Т.3. с. 10].

Категориальные противоречия могут возникать в результате взаимодействия категорий разных типов. Анализируя процессы возникновения категориальных противоречий в ходе формирования знаков

косвенно-производной номинации, К.И. Декатова выделила глобальные категориальные противоречия и субкатегориальные противоречия. Первый тип противоречий формируется вследствие взаимодействия в процессе не прямой номинации глобальных противоречий. Как пишет лингвист, опираясь на труды Т.Б. Ганеева, Г.Н. Складневской [Ганеев, 2004, с. 194; Складневская, 1987, с. 61-64 и др.], «в современных научно-исследовательских работах нередко, говоря о глобальных категориях, называют следующие категории: «Человек», «Животное» (птицы, водные обитатели включительно), «Растение», «Вещь», «Абстрактное понятие» («Абстракция»)» [Декатова, 2018, с. 110]. Второй тип противоречий – субкатегориальные противоречия – образуется в результате противопоставления частных категорий (подкатегорий) глобальных категорий [Декатова, 2018, с. 110]. Например, в процессе формирования смысловой структуры гиперболического выражения *раскручивая язык витиеватой лентой*, содержащегося в вышеупомянутом произведении В.В. Маяковского «Вместо оды», в процессе смыслообразования обостряются глобальные категориальные противоречия, так как во взаимодействия вступают смысловые единицы глобальных категорий «Человек» (*язык*) и «Предмет» (*лента*). В ходе смыслообразования оксюморона *стареющий юноша*, содержащегося в произведении А. А. Блока «Двойник», обостряются субкатегориальные противоречия, потому что во взаимодействие вступают смыслы субкатегорий одной глобальной категории «Человек»: «Молодой человек» и «Человек преклонного возраста».

Категориальные противоречия преодолеваются в результате такого когнитивного процесса, как перекатегоризация. В современной когнитивной лингвистике этот процесс рассматривают как результат «соотнесения языкового знака с другой категорией за счет реализации признаков другой категории, или другого концепта» [Болдырев, 2000, с. 98]. Например, в произведении С. А. Есенина «Умный дьявол» содержится гипербола,

смыслообразование которой сопровождается активацией смыслов двух глобальных категорий «Природа» и «Вещь»:

*Кругом вставали **волны-стены**,
Спадали, вспенивались вновь,
Пред ним неслась, белее пены,
Его великая любовь.*

[Н.С. Гумилев, 1998, Т.1, с. 86]

Использование слов *волна* и *стена* для номинации одного объекта приводит к возникновению категориального противоречия: такому природному явлению, как волна, приписываются признаки стены. Преодолением категориальных противоречий в процессе формирования смысловой структуры гиперболы **волны-стены** – ‘очень высокие, плотные волны’ – является процесс перекатегоризации: слово *стены*, утрачивает смысловые элементы, связывающие его с категорией «Вещь», и приобретает новые смысловые элементы, которые позволяют ему соотноситься с категорией «Природа» и охарактеризовать величину описываемых волн.

Категориальным противоречиям противопоставляются семантические противоречия, которые представляют собой сопряжение несовместимых сем в сигнификате речевого смысла языковой единицы. Такого рода противоречия являются отличительным признаком ЕЛНК. Например, в произведении В. Брюсова «Скифы» сложность, противоречивость желаний лирического героя, явившегося в гости к предкам, описывается с помощью оксюморона:

*Я буду, как все – и особый.
Волхвы меня примут, как сына.
Я сложду им песню для пробы,
Но от них уйду я в дружину.*
[Брюсов, 1955, Т.1, с. 96].

Особенность семантики оксюморона *Я буду, как все – и особый* заключается в том, что сигнификат ЕЛНК содержит противопоставленные, несовместимые смысловые элементы ‘быть *похожим* на других’ и ‘*отличаться* от других’, что является причиной формирования соматического противоречия.

Анализ семантических противоречий в процессе формирования знаков косвенно-производной номинации позволил К.И. Декатовой разделить данные противоречия на простые и сложные. Простыми семантическими противоречиями ученый называет те, которые обостряются между довербальными и вербализованными смысловыми элементами. Если же в противоречие вступают не только довербальные и вербальные смысловые элементы, но и семы активированных слов, то, по мнению К.И. Декатовой, смысловая структура речевой единицы формируется в результате обострения и сложных семантических противоречий [Декатова, 2009, с. 168-173]. Например, в поэме «Облако в штанах» В.В. Маяковский, описывая лирического героя, исполненного не востребованной любовью, прибегает к гиперболе:

Меня сейчас узнать не могли бы:

жилистая громадина стонет,

корчится.

*Что может хотеться такой **глыбе**?*

*А **глыбе** многое хочется!*

[Маяковский, 1958, Т.1, с.176]

Используя слово *глыба* для номинации лирического героя, поэт обращает внимание не только на его величину и физическую мощь, но и на силу переполняющего душу чувства. Смыслообразование данной гиперболы сопровождается обострением противоречия между довербальными смыслами ‘человек’, ‘физически мощный’, ‘любящий’ и семами, составляющими семему слова *глыба* – ‘бесформенный большой ком, обломок, отделенный от

твёрдого тела или плотной массы земли, глины, льда и т. п.» [БАС, 1954, Т. 3, с.160]. Такого типа семантическое противоречие является простым.

Иное семантическое противоречие образуется в процессе формирования гиперболы в произведении «Венера Милосская и Вячеслав Полонский» В.В. Маяковского и оксюморона в стихотворении И. Северянина «Мисс Лиль».

В первом поэтическом тексте В.В. Маяковский с иронией описывает лирического героя, бойца за будущее, несущегося «сквозь моторно-бензинную мглу в Лувр»:

Сегодня я,
поэт,
боец за будущее,
оделся, как дурак.
В одной руке –
венки
огромный
из огромных незабудок,
в другой –
из чайных –
розовый букет.

[Маяковский, 1958, Т.8, с.111].

Речевой смысл гиперболы *венки огромный из огромных незабудки* – ‘цветы незабудки огромного размера’ противоречит довербальным смыслам, составляющим представление о небольшом размере цветков такого растения, как незабудка. Это противоречие формируется вследствие того, что гипербола содержит семантически несовместимые элементы: слово *незабудки*, образованное от слова *незабудка* – ‘травянистое растение с мелкими голубыми цветками, цветы этого растения’ [БАС, 1958, Т. 7, с.876]

– с помощью суффикса -ищ-, выражающего увеличительное значение, и слово *огромные* – ‘очень большие по величине, размеру, объему’ [БАС, 1959, Т. 8, с.647]. В процессе смыслообразования гиперболы в противоречие вступают семы ‘маленький’, ‘небольшой’ (*цветок, незабудка*) и ‘очень’, ‘большой’, ‘увеличенный’ (*огромная*, суффикс -ищ-). Одновременное противоречие сем разных элементов гиперболы и довербальных смыслов делает семантическое противоречие стилистической фигуры сложным.

В поэтическом произведении И. Северянина «Мисс Лиль» для описания сложного образа «крошечной грешницы» используются фигуры алогизма:

Разве верят скептики, что ночную бабочку

Любит сострадательно молодой орел?

Честная бесчестница! белая арабочка!

*Брызгай **грязью чистою** в славный ореол!*

[Северянин, 1995, Т.1, с. 156]

Смыслообразование оксюморона ***грязью чистою*** сопровождается обострением противоречия между довербальными смыслами, составляющими представление о бесчестии, безнравственности, низменности, и семами слова *грязь* – ‘размякшая от воды, от дождя земля, почва; слякоть; нечистота’ [БАС, 1954, Т. 3, с.457] и слова *чистый* – ‘нравственно безупречный; правдивый, честный, бескорыстный’ [БАС, 1965, Т. 17, с.1077]. Кроме этого, в смысловой структуре стилистического приема в противоречие вступают и семы компонентов оксюморона: ‘нечистота’ (*грязь*) и ‘незагрязненность’ (*чистая*). Комплекс разноуровневых противоречий, образующихся в ходе смыслового структурирования оксюморона, позволяет назвать это противоречие сложным.

И простые, и сложные противоречия, обостряющиеся в ходе смыслообразования ЕЛНК, преодолеваются за счет «семантических

преобразований, сущность которых заключается в изменении состава и структуры семемы деривационной базы за счет экспликации одних и импликации других смысловых элементов, в изменении ранговой принадлежности исходных сем» [Декатова, 2009, с. 164]. Например, в стихотворении О. Э. Мандельштама «На страшной высоте блуждающий огонь» лирический герой испытывает скорбь от осознания потери того, что любит, вместе с уходящим временем, гибелью старого мира:

Чудовищный корабль на страшной высоте

Несется, крылья расправляет –

Зеленая звезда, в прекрасной нищете

Твой брат, Петрополь, умирает.

[Мандельштам, 2020, Т.1, с. 86].

В ходе смыслообразования оксюморона **прекрасная нищета** сочетаются несовместимые смысловые элементы ‘нравящийся’, ‘привлекающий’, ‘вызывающий приятные чувства’ и под., содержащиеся в значении слова *прекрасный*, и ‘отталкивающий’, ‘вызывающий неприятные чувства’ и под., содержащиеся в периферийной зоне значения слова *нищета*. Преодоление этого семантического противоречия осуществляется вследствие переосмысления значения слова *прекрасный*, которое становится не характеристикой нищеты, а номинацией-характеристикой памятников культуры, находящихся в погруженном в крайнюю бедность и нужду городе.

Исследование роли когнитивно-семиологических парадоксов, категориальных и семантических противоречий в процессе смыслообразования ЕЛНК целесообразно с применением когнитивно-семиологического подхода. Данный подход был описан в работах Н.Ф. Алефиренко, К.И. Декатовой [Алефиренко, 2006; Декатова, 2009]. Анализируя конструктивную сущность когнитивно-семиологического подхода, Н.Ф. Алефиренко подчеркивал, что «функциональная взаимосвязь системы языка и системы мышления представляет собой отношение между

системой “означаемых” и системой “означающих”» [Алефиренко, 2006б, с.37]. По мнению ученого, такой подход помогает понять «речемыслительный механизм, реализующий взаимосвязь двух систем» [Алефиренко, 2006б, с.37-38]. Описывая особенности когнитивно-семиологического подхода к исследованию знаков косвенно-производной номинации, К.И. Декатова отмечает, что данный подход «предоставляет возможность по-новому трактовать смыслообразование языковых знаков, представляя его как сложное взаимодействие когнитивных и семантических структур» [Декатова, 2009, с. 21].

Следует подчеркнуть, что в рамках данного исследования вслед за А.-Ж. Греймасом [2004], А. А. Уфимцевой [1986], Н. Ф. Алефиренко [2006а, 2006б], К.И. Декатовой [2009], мы придерживаемся когнитивно-семиологического подхода к анализу ЕЛНК, не отождествляя понятия «семиотический» и «семиологический».

К.И. Декатова, проводя разграничения между семиологическим и семиотическим анализом языковых единиц художественного текста, пишет, что основное отличие заключается в том, что при использовании семиотического подхода художественные тексты рассматриваются как система знаков и в центре внимания оказываются «сложные отношения между формой и содержанием художественного текста, иерархия элементов означаемого и означающего текста, совмещение в тексте признаков знаков-символов, иконических знаков, метазнаков и т.д.» [Декатова, 2020, с. 278].

Исследование художественного текста с использованием семиологического подхода позволяет понять такое свойство текста, как «двойная кодировка», сочетание языковых (узуальных) и речевых (текстовых) смыслов. Важной задачей исследований художественного текста с использованием семиологического подхода является анализ «особенности взаимодействия «виртуального значения» единицы (семантической реализации знания) с когнитивной базой текста, содержанием других единиц

текста в ходе порождения «актуального значения» (семиологической реализации знания)» [Декатова, 2020, с.279].

Исследование смыслообразования ЕЛНК с использованием семиологического подхода предполагает анализ взаимодействия смысловых элементов «виртуального значения» и речевого смысла («актуального значения»), поскольку изучение динамики структуры смысла языковой единицы в тексте не может считаться полным без сопоставления структур этих ипостасей значения. Не может быть и полного понимания механизмов смыслообразования ЕЛНК без сочетания семиологических и когнитивных исследований, что оказывается возможным при избрании когнитивно-семиологического подхода. Данный подход позволяет анализировать языковую единицу в связи с мыслительной и речевой деятельностью, а значение языковой единицы – исследовать как определенную семантическую структуру, находящуюся в корреляционных отношениях с когнитивной основой и с последующей смысловой реализацией [Декатова, 2018, с.11].

Когнитивно-семиологический подход к исследованию языкового знака формировался с опорой на когнитивно-семиологическую теорию слова, созданную Н.Ф. Алефиренко. Данная теория нацелена в первую очередь на то, чтобы «показать формирование языкового знака в гармоничном взаимодействии рациональных и чувственных механизмов человеческого познания» [Алефиренко, 2007, с.143]. Ученый выделяет два уровня когнитивно-семиологической деятельности: на первом (познавательном-информационном) определяются объективные свойства, извлекается необходимая информация, на втором (глубинном, речемыслеиельном) – формируется значение, находящее выражение в материальной субстанции.

Когнитивно-семиологический подход к анализу смыслообразования ЕЛНК дает возможность рассматривать этот процесс как сложную взаимосвязь когнитивных и семантических структур. Данный подход способствует выявлению и анализу факторов семантического изменения, переосмысления слов, входящих в деривационную основу ЕЛНК, помогает

исследовать всю сложность нелинейных отношений между смысловыми структурами семемы, когнитивной базы и контекста ЕЛНК. Кроме того, используя данный подход, можно выявить когнитивные причины различных семантических противоречий, формирующихся в процессе смыслообразования ЕЛНК и выявить механизмы преодоления этих противоречий.

В нашем исследовании применение когнитивно-семиологического подхода к изучению смыслообразования ЕЛНК предполагает использование следующих исследовательских шагов:

I. Анализ обостряющихся в процессе смыслообразования ЕЛНК противоречий:

1. Выявление и характеристика категориальных противоречий, которые образуются в результате формирования когнитивной базы ЕЛНК.

2. Выявление и характеристика семантических противоречий, образованных в процессе создания смысловой структуры ЕЛНК.

II. Анализ способов преодоления обостряющихся противоречий в процессе смыслообразования ЕЛНК:

1. Описание перекатегоризации единиц деривационной базы ЕЛНК.

2. Описание преобразований в смысловой структуре ЕЛНК, приводящих к преодолению семантических противоречий.

Данная схема исследования смыслообразования ЕЛНК позволяет выявить особенности категоризации, проследить сложный процесс становления речевого смысла данных единиц, описать причины того, что содержащие противоречивые смысловые единицы знаки не остаются бессмысленными, абсурдными, парадоксальными, а оказываются способными выражать новые смыслы.

ВЫВОДЫ ПО ВТОРОЙ ГЛАВЕ

Несмотря на то, что в современной лингвистике исследовались процессы формирования значения отдельных групп ЕЛНК, анализировались средства и способы выражения их значений, описывались семантические признаки, отличающие ЕЛНК от других стилистических фигур, рассматривались семантические механизмы разрешения противоречий в значении ЕЛНК, особенности формирования их плана содержания нуждаются в дополнительном изучении. Так как генетической средой и пространством функционирования ЕЛНК является речь, планом содержания данных единиц – речевой смысл, а исследование его формирования предполагает изучение механизмов смыслообразования стилистических фигур. Смыслообразование ЕЛНК – формирование смысловой структуры, состоящей из таких макрокомпонентов, как денотативный и сигнификативный компоненты. Денотативный макрокомпонент ЕЛНК имеет сложные связи с денотатами первичных значений слов-компонентов стилистических фигур, потому что их в состав входят слова с переносным значением. Различаясь по степени сложности, денотаты ЕЛНК могут обозначать предметы, явления или целые ситуации. Сигнификативный макрокомпонент ЕЛНК связан с денотативным макрокомпонентом и не является простой совокупностью сем слов, входящих в состав стилистической фигуры, а является результатом переосмысления их значений.

Так как формирование смысловой структуры ЕЛНК – это результат когнитивно-семиологической деятельности, на первом этапе (познавательно-информационном) которой определяются объективные свойства, извлекается необходимая информация, на втором (глубинном, речемыслительном) – формируется значение, находящее выражение в материальной субстанции, для исследования смыслообразования анализируемых стилистических фигур был избран когнитивно-семиологический подход. В контексте данного

исследования семиологическим подходом называется не анализ образования единицы языка как знака, а исследование семантических особенностей знака в процессе его употребления, функционирования в тексте.

В процессе смыслообразования ЕЛНК формируется сложная когнитивная база значения стилистических фигур, представляющая собой структуру, состоящую из нескольких связанных активированных концептов. Наложение данных концептов в процессе формирования смысловой структуры ЕЛНК приводит к возникновению когнитивно-семиологических парадоксов, которые проявляются в категориальных и семантических противоречиях. Категориальные противоречия обостряются в процессе объединения в смысловой структуре ЕЛНК денотатов разной категориальной принадлежности. Смыслообразование ЕЛНК может сопровождаться обострением категориальных противоречий разных видов – глобальных категориальных противоречий и субкатегориальных противоречий. Все типы категориальных противоречий преодолеваются в результате такого когнитивного процесса, как перекатегоризация – соотнесение слов-компонентов ЕЛНК с другой категорией за счет реализации признаков другого концепта.

В процессе смыслообразования ЕЛНК с обострением категориальных противоречий связано и возникновение семантических противоречий. Семантические противоречия, то есть сопряжение несовместимых сем в сигнификате речевого смысла языковой единицы, являются отличительным признаком ЕЛНК. В ходе смыслового структурирования ЕЛНК могут обостряться простые и сложные семантические противоречия. Простые семантические противоречия возникают вследствие сопряжения в речевом смысле несовместимых довербальных смыслов (смыслов, соотносящихся с образом объекта номинации) и сем использованного для номинации слова. Сложные семантические противоречия образуются вследствие того, что в ходе смыслообразования сочетаются несовместимые довербальные и

вербализованные смыслы и взаимоисключающие семы слов-компонентов ЕЛНК.

Для анализа смыслообразования ЕЛНК в поэтическом тексте с использованием когнитивно-семиологического подхода была разработана следующая схема исследовательских шагов: на первом этапе проводится анализ обостряющихся в процессе смыслообразования ЕЛНК противоречий, то есть выявляются и характеризуются категориальные противоречия, которые образуются в результате формирования когнитивной базы ЕЛНК, а также выявляются и характеризуются семантические противоречия, которые образуются в результате формирования смысловой структуры ЕЛНК; на втором этапе осуществляется анализ способов преодоления обостряющихся противоречий в процессе смыслообразования ЕЛНК, то есть описываются особенности перекатегоризации единиц деривационной базы ЕЛНК и рассматриваются преобразования в смысловой структуре ЕЛНК, приводящие к преодолению семантических противоречий. Такая схема анализа смыслообразования ЕЛНК позволяет выявить особенности категоризации и становления речевого смысла данных стилистических фигур, выявить когнитивные причины различных семантических противоречий, формирующихся в процессе смыслообразования ЕЛНК, а также определить механизмы преодоления этих противоречий, исследовать всю сложность нелинейных отношений между смысловыми структурами семемы, когнитивной базы и контекста ЕЛНК.

Глава III. СМЫСЛООБРАЗОВАНИЕ ЕДИНИЦ С ЛОГИЧЕСКИ НЕСОВМЕСТИМЫМИ КОМПОНЕНТАМИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ РУССКИХ ПОЭТОВ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Социально-политические, экономические, культурные изменения в России на рубеже XIX и XX веков, приводившие к ощущению ломки привычных миров, повлияли на формирование нового мировоззрения, нашедшего отражение в русской поэзии начала XX века. Характеризуя литературу этого периода, Н.В. Барковская рассматривает ее как «неклассический тип художественности, ощутивший мир как Хаос» [Барковская, 2010, с.17]. Этим отчасти объясняется стремление русских поэтов первой половины XX века найти новые языковые формы для выражения своих мыслей и чувств. Сложное, порой противоречивое мироощущение художников слова, их неоднозначное восприятие погрузившейся в кризис и хаос реальности, нередко воплощалось в содержащих противоречивые смыслы образных средствах языка, среди которых значительную часть составляют ЕЛНК. В этой связи произведения русской поэзии первой половины XX века являются богатым источником материала для исследования механизмов смыслообразования разных типов ЕЛНК.

3.1. Смыслообразование фигур алогизма в произведениях русских поэтов первой половины XX века

По семантическим особенностям фигуры алогизма, как и многие стилистические фигуры и тропы, можно разделить на стертые (трафаретные, терминологические) и образные (оригинальные, поэтические) [Москвин, 2017; Яшина, 2010; Козинец, 2015 и др.]. Стертые фигуры алогизма – это

стилистические фигуры, внутренняя форма которых либо утрачена, либо не воспринимается носителями языка. Как правило, стертые фигуры алогизма сохраняются и функционируют в языке как устойчивые единицы (*горячий снег, живой труп, сухое вино*). Подобные языковые единицы крайне редко используются в поэтической речи. Однако сама поэтическая речь нередко становится источником как стертых, так и не утративших свою оригинальность фигур алогизма. Последние стилистические фигуры отличаются тем, что сохраняют образность, двуплановость и внутреннюю форму.

3.1.1. Смыслообразование оксюморона в лирике русских поэтов первой половины XX века

Фигуры алогизма, к которым относятся оксюморон и катахреза, в поэтическом тексте основаны на синтагматических нарушениях, что приводит к трансформации смыслов языковых единиц, используемых для создания стилистических фигур.

Оксюморону присуща явная и акцентированная противоречивость, благодаря которой несколько значений образуют единый семантический узел. В этом заключается одно из отличий оксюморона не только от катахрезы (в ней нет явного соединения противоречивых единиц), но и от антитезы (в ней противоположные друг другу явления не сливаются в одно целое) [Шестакова, 2009, с. 38]. Кроме того, денотативная сфера, определяющая появление оксюморона, имеет неоднозначный характер и находится за пределами реальности [Курегян, 2007, с.8].

Основная роль оксюморона в художественном произведении – посредством выявления противоречия в обозначаемом приблизить в экспрессивном смысле читающего к описываемому объекту. В современной лингвистике описаны разные типологии оксюморонов: семантические разновидности рассматриваются в работах Н.В. Павлович,

Ю.В. Массальской, Л.А. Новикова, С.Б. Козинца и др. [Козинец, 2015; Массальская, 2012; Павлович, 1974; Новиков, 1966], структурные и грамматические виды оксюморонов анализируются в трудах Ю.В. Массальской, Н.В. Павлович, С.Б. Козинца, А.А. Кардановой, Е.А. Яшиной и др. [Козинец, 2015; Массальская, 2012; Павлович, 1974; Новиков, 1966; Кардалова, 2009; Яшина, 2010].

Как показал анализ, в поэтических текстах русской литературы первой половины XX века используются разные по структуре и семантике оксюмороны. На основе описанных в отечественном языкознании типологий оксюморона в ходе исследования нами были выявлены следующие типы поэтических оксюморонов:

I. С.Б. Козинец, характеризуя оксюмороны по смысловому соотношению компонентов, противопоставляет *явные* и *неявные* оксюмороны. Явными оксюморонами ученый называет те, «в которых сочетаются антонимичные слова (существительное при трансформации в прилагательное становится антонимом к определению) *живой мертвец* (*живой – мёртвый*), *громкая тишина* (*громкий – тихий*), *гениальная бездарность* (*гениальный – бездарный*) <...> » [Козинец, 2014, с.6].

К неявным (размытым, косвенным) оксюморонам относятся те, которые содержат слова, противопоставленные не значениями, а пресуппозицией, позволяющей понять, что оксюморонное выражение не соответствует нашему представлению о положении вещей [Козинец, 2014, с.6]. Примером явного оксюморона может послужить ЕЛНК в стихотворении А.А. Ахматовой «Тяжела ты, любовная память»:

*Дай мне выпить такой отравы,
Чтобы сделалась я немой,
И мою бесславную славу
Осиянным забвением смой.*
[Ахматова, 1990, Т.1, с.75].

В образовании оксюморона *бесславная слава* участвуют однокоренные слова, которые имеют антонимичное значение (*бесславная* – *бесслави́е* / *слава*). В ходе смыслообразования ЕЛНК обостряются противоречия между смыслами субкатегорий «известность» и «неизвестность», принадлежащих к одной глобальной категории «человек». Семантическое противоречие заключается в том, что в составе оксюморона вступают во взаимодействие компоненты противоположных смыслов: ‘безызвестность’ (*бесславный*) и ‘известность’ (*слава*). Для преодоления противоречий происходит процесс перекатегоризации и семантического переосмысления слова *бесславный*, которое утрачивает противоречащие слову *слава* смыслы и привносит в семантическую структуру оксюморона смысловые элементы ‘преданный забвению’, ‘кого не помнят’.

Неявным оксюмороном можно назвать ЕЛНК, используемую в произведении Н. Гумилева «Рассказ девушки»:

*Я отдыхала у ворот
Под тенью милой, старой ели,
А надо мною **пламенели**
Снега неведомых высот.*
[Гумилев, 1998, Т.1, с. 79].

Компоненты оксюморона *пламенели снега* не являются антонимичными словами: слово *пламенеть*, образованное от слова *пламя*, имеющее значение ‘огонь, поднимающийся над горящим предметом’ [БАС, 1959, Т. 9, с. 1302], нельзя рассматривать как антоним слова *снег*, функционирующего в языке со значением ‘атмосферные осадки, выпадающие в виде белых звездообразных кристаллов или в виде хлопьев, представляющих собою скопление таких кристаллов’ [БАС, 1962, Т. 13, с. 1471].

Несмотря на это, сочетание слов *пламенели снега* воспринимается как противоречивое, потому что оно номинирует такое явление, которое не соответствует нашему миропониманию: холодный снег не может быть горячим, как пламя. В ходе смыслообразования оксюморона обостряется категориальное противоречие: объекту низкой температуры приписывается способность быть объектом высокой температуры. На семантическом уровне это противоречие появляется в противопоставлении сем ‘холодный’ (*снег*) и ‘горячий’ (*пламя*). Противоречия преодолеваются в результате перекатегоризации и переосмысления слова *пламенели*, которое становится номинацией красного цвета и блеска на солнце снежных вершин.

II. По структурно-грамматическим особенностям оксюмороны подразделяются на однословные и состоящие из двух и более слов.

К однословным оксюморонам относятся стилистические фигуры, состоящие из одной лексемы, в значении которых проявляются логически несовместимые семы. Например, в произведении Н.С. Гумилева «В пустыне» для характеристики античного героя используются однословный оксюморон *полубог*, формирующийся из языковых элементов *бог*, в значении которого содержатся смысловые элементы ‘всемогущий’, ‘способный сделать все в полной мере’, и *полу-*, обладающий семами ‘не вполне’, ‘не в полной мере’:

Он был героем, я – бродягой,
Он – полубог, я – полузверь,
Но с одинаковой отвагой
Стучим мы в замкнутую дверь.
[Гумилев, 1998, Т.1, с.202].

Семантическое противоречие оксюморона *полубог* заключается в том, что сигнификат анализируемой нами единицы включает в себя несовместимые смыслы ‘всемогущий’ и ‘неспособный что-либо делать в полной мере’, которые приводят к формированию семантического противоречия, основанного на категориальном противоречии: в процессе

смыслообразования оксюморона взаимодействие происходит между смысловыми элементами денотатов разных категорий – представления *о боге* как *о символе могущества* (абстрактная «категория») и представления *о неполноценности человека* (категория «человек»). Абстрактному объекту, символу всемогущества приписывается признак неполноценности, неполноты силы и других признаков могущества. Разрешается противоречие в результате перекатегоризации слова *бог*, которое начинает относиться к категории «человек». На семантическом уровне противоречие разрешается вследствие переосмысления слова *бог*, которое становится наименованием Геракла – человека, рожденного от бога, но не владеющего в полной мере божественными признаками и способностями.

Поэзия русской литературы первой половины XX века богата на оксюмороны-композиции – стилистические фигуры абсурда, являющиеся сложными, сложнопроизводными словами: «Звучал на похоронной тризне/
Печально-сладостный напев» [Гумилев, 1998, Т.1, с. 65]; «**Льются мрачно-веселые** толпы / Из каких-то божественных недр» [Мандельштам, 2020, Т.1, с. 86]; «О чудесном лесе буду песни складывать, / Расскажу про терем **сказку-правду** мудрую» [Брюсов, 1955, Т.1, с. 334]; «Поет душа, под осени *berceuse*, / Надежно ждет и **сладко-больно** верит» [Северянин, 1995, Т.1, с. 35]; «Взгляд карих глаз **сурово-кроткий**; / Наполеоновской бородкой / Рот беспокойный обрамлен» [Блок, 1999, Т.5, с. 31]. «И каждый мертвый лист **встречать / Восторгом радостно-безумным!**» [Бунин, 2006, с. 95].

Описывая оксюмороны, состоящие из двух и более слов, Ю.В. Массальская разделяет их на разночастные и равночастные [Массальская, 2012, с.12]. Первые состоят из компонентов, относящихся к разным частям речи, вторые – это те оксюмороны, которые состоят из слов-элементов одной части речи, например, построенные по схеме существительное + существительное: *отсутствие присутствия, радость страдания, сладость печали* [Массальская, 2012, с. 12]. И первый, и второй тип оксюморонов встречаются в поэтических текстах русской литературы

первой половины XX века гораздо чаще однословных оксюморонов. Например, в произведении М. Цветаевой «Иоанн» содержится оксюморон, состоящий из двух слов:

Люди спят и видят сны.

*Стынет **водная пустыня**.*

Все у Господа – сыны,

Человеку надо – сына.

[Цветаева, 1994, Т.1, с.358].

В приведенном выше примере в состав оксюморона входят разночастные компоненты: **водная** (полная форма прилагательного) и **пустыня** (существительное). В процессе смыслообразования данного оксюморона обостряются субкатегориальные противоречия: противопоставляются видовые категории глобальной категории «природа» – категории «вода» и «пустыня». Категориальное противоречие заключается в том, что пустыне приписываются признаки объекта другой категории – воды. На этом категориальном противоречии основывается семантическое противоречие оксюморона, которое заключается в том, что в сигнификате ЕЛНК присутствуют несовместимые смыслы: ‘засушливое пространство’ и ‘пространство, заполненное водой’. Разрешение этих противоречий происходит в результате перекатегоризации и семантического преобразования слова **пустыня**, которое в поэтическом мире М.И. Цветаевой становится наименованием обширного пространства, спокойствия и безлюдности. Такие семантические элементы значения данного слова, как ‘засушливое’, ‘со скудной растительностью’, ‘малым количеством влаги’ (пространство), перемещаются из ядра семемы лексической единицей, становясь потенциальными смысловыми элементами.

В стихотворении А.А. Ахматовой «Царскосельская статуя» содержатся несколько примеров разночастных оксюморонов:

*И как могла я ей простить
Восторг твоей хвалы влюбленной...
Смотри, ей весело грустить,
Такой нарядно обнаженной.*
[Ахматова, 1990, Т.1, с. 92].

Оксюмороны *весело грустить* и *нарядно обнаженной* построены по модели наречие + глагол и наречие + причастие. В семантической структуре ЕЛНК *весело грустить* можно обнаружить компоненты, объединение которых приводит к образованию субкатегориального противоречия: видовые категории «положительные эмоции» и «отрицательные эмоции» глобальной категории «человек» одновременно приписываются одному и тому же субъекту. В данном случае противоречие возникает между субкатегориями разных типов, принадлежащих к общей категории «эмоции». Семантическое противоречие отражено на сигнификативном уровне и представляет собой оппозицию несовместимых смыслов: ‘радость’ (*весело*) и ‘уныние’ (*грустить*). Преодолеваются категориальное и семантическое противоречия путем переосмысления слова *грустить*, которое утрачивает смысловые элементы, связывавшие его с категорией «отрицательные эмоции», а оксюморонное сочетание слов *весело грустить* приобретает значение ‘притворяться грустной, в действительности испытывая положительные эмоции’, которыми, по мнению А.А. Ахматовой, исполнена ставшая благодаря А.С. Пушкину бессмертной статуя из Царскосельского парка.

Структура ЕЛНК *нарядно обнаженной* включает в себя компоненты, принадлежащие к одной глобальной категории «человек». В процессе смыслообразования оксюморона противопоставляются такие субкатегории, как «одетый» и «раздетый» человек. Категориальное противоречие образуется вследствие того, что одному субъекту одновременно приписываются признаки быть одетым и раздетым. Семантическое

противоречие компонентов ЕЛНК заключается в том, что в структуре сигнификата происходит совмещение смыслов: 'красиво одет' и 'без одежды'. Преодоление категориальных и семантических противоречий происходит за счет переосмысления слова *нарядно*, из ядра семемы которого устраняются все исходные семы, кроме смыслового элемента 'красивый'. Это позволило оксюморонному словосочетанию стать элегантным описанием красоты тела статуи, которую лирическая героиня стихотворения иронично рассматривает как свою соперницу.

Не менее часто в поэтических текстах русской литературы первой половины XX века используются равночастные оксюмороны. Примером такого типа стилистических фигур может послужить оксюморон *пульс покойника*, использованный В.В. Маяковским в поэме «Облако в штанах»:

*Вошла ты,
резкая, как «нате!»,
муча перчатки зами,
сказала:
«Знаете –
я выхожу замуж».
Что ж, выходите.*

*Ничего.
Покреплюсь.
Видите – спокоен как!
Как **пульс**
Покойника.*

[Маяковский, Т.1, 1955, с. 178].

В составе ЕЛНК *пульс покойника* оба компонента по частеречной принадлежности являются существительными, что позволяет классифицировать обозначенную единицу как равночастный оксюморон.

Сочетание в стилистической фигуре слов с несовместимыми значениями приводит к формированию парадокса. Категориальное противоречие заключается в том, что объекту, относящемуся к одной субкатегории «живой человек» глобальной категории «человек», приписываются признаки другой субкатегории «мертвец»: покойник, наделенный свойствами живого человека – пульс как один из главных признаков жизни становится показателем мертвого человека. Нарушение логики приводит к следующему умозаключению: биение пульса как показатель смерти. На семантическом уровне данное противоречие проявляется в том, что в смысловой структуре оксюморона во взаимодействие вступают противоречивые семы: ‘наличие пульса’, ‘движение крови’, и ‘мертвый’, ‘отсутствие пульса’. В ходе смыслообразования оксюморона происходит перекатегоризация и семантические преобразования, приводящие к устранению категориального и семантического противоречия, а оксюморон приобретает значение ‘*очень спокоен*’.

Как показал анализ, в поэтических текстах русской литературы первой половины XX века используются и семантические оксюмороны, которые в лингвистических исследованиях разделяют на две группы: денотативные и коннотативные [Массальская, 2012, с. 13].

Денотативные оксюмороны отличаются тем, что в процессе их формирования в противоречие вступают денотативные семы языковых единиц, участвующих в формировании ЕЛНК. Так, в стихотворении В. Брюсова «Творчество» употребляется такой тип оксюморона:

Тень несозданных созданий

Колыхается во сне,

Словно лопасти латаний

На эмалевой стене.

[Брюсов, 1955, Т.1, с. 44].

В процессе смыслообразования оксюморона *несозданных созданий* в противоречие вступают денотативные смысловые элементы ‘существующие’ ‘сотворенное’ (*создание*) и ‘несотворенное’ (*несозданный*). Данное семантическое противоречие формируется на базе категориального противоречия: произведениям искусства приписываются признаки одновременного существования и материального отсутствия. Категориальное и семантическое противоречия разрешаются в ходе переосмысления значения слова *созданий*, которое начинает обозначать задуманное, но еще не приобретшее материального воплощения произведение искусства.

Коннотативные оксюмороны имеют символический смысл и отражают не столько сам предмет описания, сколько отношение к нему говорящего или пишущего, поскольку коннотация – это «восприятие слова субъектом, наделение его смыслами в зависимости от чувств и ассоциаций, которые испытывает по отношению к сообщению получатель информации» [Ахманова, 2004, с. 152]. Описывая семантические особенности такого типа оксюморонов, Н.В. Павлович указывает на тот факт, что в противоречие вступают маргинальные признаки объектов номинации. Такие признаки, по мнению ученого, противопоставляются центральным и вербализуются коннотативными смысловыми элементами [Павлович, 1981, с. 235]. В семантике коннотативных оксюморонов в противоречие вступают коннотативные семы – смысловые элементы, которые выражают дополнительные стилистические и содержательные значения: экспрессивные, эмоциональные, ассоциативные, оценочные. Например, в стихотворении О.Э. Мандельштама «Соломинка» в описании состояния лирического героя содержится коннотативный оксюморон:

*Когда, соломинка, не спишь в огромной спальне
И ждешь, бессонная, чтоб, важен и высок,
Спокойной тяжестью – что может быть печальней –
На веки чуткие спустился потолок.*

[Мандельштам, 2020, Т.1, с. 78].

В ходе смыслообразования оксюморона *спокойная тяжесть* в противоречие вступают смысловые элементы ‘не вызывающий напряжение’ (*спокойный*) и ‘вызывающий напряжение’ (*тяжесть*), которые не входят в ядро семемы компонентов ЕЛНК, являясь коннотативными семами. Данные семы не отражены в дефинициях слов *спокойный* и *тяжесть* (*спокойный* – ‘находящийся в состоянии покоя; тихий, без шума, движения’ [БАС, 1963, Т.14, с. 551-552]; *тяжесть* – ‘свойство тел притягиваться к земле и падать вниз; тяжелый вес, предмет, груз’ [БАС, 1963, Т.15, с. 1259-1260]). Семантическое противоречие анализируемого оксюморона основывается на субкатегориальном противоречии: объекту, относящемуся к категории «предмет», приписываются противоположные признаки субкатегорий. Преодоление противоречия осуществляется за счет перекатегоризации и переосмысления значения слова *тяжесть*.

В произведении И.А. Бунина «Джордано Бруно» в смыслообразовании оксюморона *мрачная вера* в противоречие вступают ядерные смыслы значения одного компонента оксюморона ‘беспросветный’, ‘гнетущий’ (*мрачный*) и ассоциативно-образными смыслами, содержащимися в семеме второго компонента ‘светлый’, ‘приносящий облегчение’ (*вера*)

*Вы все рабы. Царь вашей веры – Зверь:
Я свергну трон слепой и мрачной веры.
Вы в капище: я распахну вам дверь
На блеск и свет, в лазурь и бездну Сферы*
[Бунин, 2006, с. 192]

В стихотворении Игоря Северянина «В блёсткой тьме» оксюморон содержится в названии текста, а коннотативные единицы в содержании передают не только авторское отношение, но и идею стихотворения.

*Блесткая аудитория, блеском ты зло отуманена!
Скрыт от тебя, недостойная, будущего горизонт!*

*Тусклые ваши сиятельства! Во времена Северянина
Следует знать, что за Пушкиным были и Блок, и Бальмонт!*
[Северянин, 1995, Т.1, с. 360].

Коннотативным оксюмороном в приведенном выше примере можно считать ЕЛНК *тусклые сиятельства*, в структуре которой присутствует оценочное значение, передающее негативное отношение к высшему обществу. В процессе смыслообразования в структуре оксюморона вступают во взаимодействие противопоставленные глобальные категорий «Предмет» и «Человек», вследствие чего формируется категориальное противоречие: человеку приписываются несовместимые признаки предмета – способность излучать свет и отсутствие света. На данном противоречии формируется семантическое противоречие: в семеме оксюморона объединяются такие смыслы, как ‘мрачный’ (*тусклые*) ‘светлый’, ‘яркий’ (*Сиятельства*). Последние две семы являются ассоциативными, что позволяет назвать оксюморон *тусклые сиятельства* коннотативным. Противоречия устраняются в результате перекатегоризации и семантического преобразования слова *тусклые*, в ядре семемы которого не сохраняются семы, вступающие в противоречие с семами слова *Сиятельства*, на их месте формируются новые смысловые элементы, указывающие на невыразительность, глупость, необразованность титулованных представителей высшего света.

Особое место в ряду коннотативных оксюморонов в поэтических текстах русской литературы первой половины XX века занимают оксюморонные выражения, в семантике которых в противоречие вступают оценочные смысловые элементы. Данные оксюмороны К.И. Декатова, А.А.Водяха называют оценочными оксюморонами, состоящими из компонентов, сочетание которых кажется парадоксальным, поскольку их значения имеют противоречивые семы. «Однако выявить эти смыслы и рационализировать причину восприятия данных единиц как парадоксальных

– задача более сложная, чем анализ противоречивости других разновидностей оксюморона. Это объясняется своеобразием оценочного оксюморона, который позволяет номинировать объект, вскрывая не объективную его противоречивость и сложность, а противоречивость отношения к нему говорящего» [Декатова, 2013, с. 78]. Иллюстрацией оценочного оксюморона может послужить ЕЛНК в стихотворении В. Брюсова «Эней»:

К встающим башням Карфагена

Нептуна гневом приведен,

*Я в узах **сладостного плена***

Дни проводил, как дивный сон.

[Брюсов, 1955, Т.1, с. 253-254]

Смыслообразование оксюморона **сладостный плен** сопровождается обострением противоречивых смысловых элементов ‘доставляющий удовольствие’ (*сладостный*) и ‘вызывающий страдание, дискомфорт’ (*плен*). Первый смысловой элемент выражает положительную оценку, второй – отрицательную оценку. Такого рода семантическое противоречие и дает право отнести анализируемую ЕЛНК к оценочным оксюморонам. Противоречие в семантической структуре оксюморона обусловлено категориальным противоречием, которое заключается в том, что такому состоянию человека, как пленение, одновременно приписываются признаки противопоставленных категорий (состояния, которые имеют положительную оценку, и состояния, которые имеют отрицательную оценку). Переосмысление слова плен, приобретающего в контексте произведения значение ‘приятной, желаемой зависимости’, а также перекатегоризация данного слов – соотнесение его с категорией «состояния, которые имеют положительную оценку», позволяет преодолеть в смысловой структуре оксюморона ранее возникшие противоречия.

Когнитивно-семиологический анализ смыслообразования оксюморонов в поэтических текстах русской литературы первой половины XX века показал, что в процессе формирования смысловой структуры ЕЛНК этого типа могут обостряться как глобальные категориальные противоречия (*тусклые Сиятельства*), так и субкатегориальные противоречия (*пульс покойника, бесславная слава, нарядно обнаженная*). Глобальные категориальные противоречия приводят к глобальной перекатегоризации компонентов оксюморона, то есть к отнесению языковых единиц к другой глобальной категории. Такие преобразования приводят к значительным семантическим изменениям компонентов оксюморона. Так, в поэтическом произведении А.А. Ахматовой «Песня последней встречи» используется коннотативный оксюморон для описания восприятия окружающего мира героиней после последнего свидания с возлюбленным:

Это песня последней встречи.

Я взглянула на темный дом.

Только в спальне горели свечи

Равнодушно-желтым огнем.

[Ахматова, 1998, Т.1, с. 78].

Смыслообразование оксюморона ***равнодушно-желтый огонь*** сопровождается обострением глобального категориального противоречия, поскольку во взаимодействие вступают слова, соотносящиеся с разными глобальными категориями «человек» (*равнодушно*) и «природа» (*огонь*), что приводит к парадоксальному приписыванию природному явлению признака человека. На семантическом уровне несовместимыми оказываются денотативные и коннотативные семы слов *равнодушно* и *огонь*: противоречие обостряется между ассоциативными смысловыми элементами слова *огонь* ‘страстные чувства’, ‘любовь’ и смысловыми элементами слова *равнодушно* ‘безразличие’, ‘отсутствие чувств’, а также между ассоциативным смысловым элементом слова *равнодушно* ‘холодно’ и

смысловыми элементами слова *огонь* ‘жаркий’, ‘горячий’. Семантические и категориальное противоречия снимаются после перекатегоризации слова *равнодушно*, которое начинает называть свойство явления природы – ровный, неподвижный огонь, который не вызывает теплых чувств. Семантические преобразования в процессе смыслообразования оксюморона заключаются в переосмыслении слова *равнодушно*, в результате чего смысловые элементы ‘свойство человека’, ‘безразличие’, ‘отсутствие чувств’ перемещаются из ядра семемы на периферию, а на их месте образуются новые смыслы ‘свойство природного явления’, ‘ровный’, ‘неподвижный’. Важно подчеркнуть, что происходит замена архисемы (‘свойство человека’ на ‘свойство природного явления’) в семантике одного из компонентов оксюморона.

Оксюмороны, в процессе смыслообразования которых обостряются субкатегориальные противоречия, подвергаются субкатегориальной перекатегоризации. Этот когнитивный процесс сопровождается таким семантическим преобразованием компонентов ЕЛНК, которые не затрагивают архисемы компонентов оксюморона. Например, в стихотворении «Феодосия» О. Э. Мандельштам описывает картины городской жизни одного из древних городов Крыма:

Здесь девушки стареющие, в челках,

Обдумывают странные наряды,

И адмиралы в твердых треуголках

Припоминают сон Шехерезады.

[Мандельштам, 2020, Т.1, с. 91].

В смыслообразовании оксюморона *девушки стареющие* участвуют значения слов, относящихся к субкатегориям одной глобальной категории «человек» – субкатегории «человек молодой» и «человек старый». Категориальное противоречие обусловлено тем, что слово *стареющие* используется для характеристики молодых особ – девушек. Категориальное

противоречие в семантической структуре оксюморона проявляется в противопоставлении семных комплексов ‘обладающий признаками молодости’ (*девушки*) и ‘обладающий признаками старости’ (*стареющие*). Это семантическое противоречие разрешается вследствие перекатегоризации слова *девушки* и нивелировании смыслового элемента ‘обладающий признаками молодости’ в его семантике. Семантическое преобразование одного из компонентов оксюморона приводит к тому, что стилистическая фигура приобретает значение ‘не вышедшие замуж постаревшие женщины, старые девы’.

Следует отметить, что смыслообразование оксюморонов отличается формированием сложных семантических противоречий: объединение несовместимых сем, входящих в состав семем разных слов, является главным признаком данных стилистических фигур.

3.1.2. Смыслообразование катахрезы в русских поэтических текстах первой половины XX века

Говоря о фигурах алогизма, нельзя не отметить также особый статус катахрезы как фигуры, в состав которой входят противоречащие друг другу компоненты. Как отмечает В.П. Москвин, противоречие в структуре катахрезы «заключается между внутренними формами сочетающихся слов, например, «Он засыпал меня потоком слов» [Москвин, 2000, с.120]. Однако, по замечанию В.М. Жирмунского, «засыпать потоком нельзя», можно «залить потоком». Кроме того, В.П. Москвин указывает на противоречие между внутренней формой одного смысла и смыслом другого слова в таких словосочетаниях, как *ужасная красавица*, *страшно красив* [Москвин, 2000, с. 120].

М.Л. Гаспаров пишет о катахрезе как о понятии амбивалентном: «Катахреза <...> метафора, не ощущаемая как стилистический прием, т.е. или

слишком привычная (“ножка стола”, “красные чернила”), или непривычная, ощущаемая как недостаток» [Гаспаров, 1987, с. 152]. Пример такой катахрезы можно увидеть в стихотворении Б.Л. Пастернака «Февраль. Достать чернил и плакать!».

Февраль. Достать чернил и плакать!

*Писать о феврале **навзрыд**,*

Пока грохочущая слякоть

Весною чёрною горит.

[Пастернак, 2017, с.6].

В приведенном отрывке стихотворения поэт использует различные стилистические приемы для достижения выразительности и создания уникальных образов. Однако наиболее яркими являются катахрезы. Так, например, ЕЛНК *писать навзрыд* включает в себя компоненты разных субкатегорий глобальной категории «человек»: категории «физическое действие» (*писать*) и категории «эмоциональное состояние» (*навзрыд*). Противоречие происходит в результате первичного восприятия и мыслится как логическая ошибка, т.к. нарушена лексическая сочетаемость: навзрыд можно только плакать, но не писать. В процессе смыслообразования катахрезы происходит перекатегоризация и противоречие нивелируется: слово *навзрыд* становится характеристикой действия. Семантическое противоречие в значении катахрезы основывается на совмещении таких смыслов, как ‘молча’, ‘беззвучно’ (совершать действие, писать) и ‘громко’ (плакать). В результате преодоления противоречия происходит наполнение новыми компонентами, такими как ‘судорожно’, ‘испытывая сильные эмоции’. Используя катахрезу, поэт создает в стихотворении необычный образ.

В современной лингвистике описаны разные типологии катахрезы: выделяют различные виды катахрезы по генетическим и морфологическим характеристикам [Якутина, 2007]. В поэтических текстах русской литературы

первой половины XX века по генетическим характеристикам можно разделить катахрезы на фигуры алогизма метафорического происхождения, метонимического происхождения и катахрезу, восходящую к парадоксам. Примером катахрезы метафорического происхождения может послужить фигура алогизма в произведении О.Э. Мандельштама «Отравлен хлеб и воздух выпит»:

*Отравлен хлеб и **воздух выпит**.*

Как трудно раны врачевать!

Иосиф, проданный в Египет,

Не мог сильнее тосковать!

[Мандельштам, 2020, Т.1, с. 55]

В данном отрывке стихотворения катахреза **воздух выпит** имеет метафорическое происхождение, потому что формируется в результате переноса наименования по сходству – воздух сравнивается с живительной влагой, которую можно выпить. В процессе смыслообразования катахрезы формируется субкатегориальное противоречие, так как совмещаются признаки двух категорий глобальной категории «природа»: категорий «газообразное вещество» (воздух) и «жидкое вещество» (*выпить*). Противоречие проявляется в том, что действие, которое человек может совершить только с жидким веществом, совершается с газообразным веществом. На семантическом уровне это противоречие проявляется в столкновении смысловых элементов ‘газообразное вещество’ (*воздух*) и ‘жидкое вещество’ (*выпить*). Преодоление противоречий происходит за счет перекатегоризации и переосмысления слова *выпит*, вследствие чего стилистическая фигура становится образным выражением тяжелого состояния лирического героя, который оказался в безвоздушно-бездуховном пространстве.

Анализируя типы катахрезы в художественных текстах, А.П. Сковородников обратил внимание на такую разновидность катахрез

метафорического происхождения, как катахрезы-олицетворения [Сковородников, 2005, с. 72]. Примером этого вида катахрезы может выступить стилистическая фигура в произведении И. Северянина «Памяти Амбруаза Тома»:

*Слух пьет узор нюансов увертюры,
Крыла ажурной грацией амур
Колышет грудь кокетливой Филины.*
[Северянин, 1995, Т.1, с. 142].

В данном отрывке И. Северянин создает сложный троп, сочетая катахрезу *слух пьет* и метафору *узор нюансов увертюры*. Смысловая структура катахрезы формируется в процессе преодоления категориального противоречия: внешнему чувству человека – способности слышать – приписывается признак живого существа – способность пить. Такого рода противоречие находится в основе формирования семантики олицетворения. Разрешается противоречие в ходе переосмысления компонентов катахрезы, которая приобретает значение ‘внимательно, с упоением слушать, наполняясь звуками’.

В поэтическом произведении О.Э. Мандельштама «В хрустальном омуте какая крутизна!» содержится катахреза метонимического происхождения:

*Какая линия могла бы передать
Хрусталь высоких нот в эфире укрепленном,
И с христианских гор в пространстве изумленном,
Как Палестины песнь, нисходит благодать.*
[Мандельштам, 2020, Т.1, с. 90].

Во второй строке строфы, используя катахрезу *хрусталь высоких нот*, поэт создает необычный образ чистого звука. Данная катахреза является метонимической, потому что образ создается путем переноса наименования

всего предмета, сделанного из хрусталя, на его признак – гармонизирующий и нефальшивый звук хрусталя. Смыслообразование стилистической фигуры сопровождается обострением категориальных противоречий и семантических противоречий. На когнитивном уровне противоречие проявляется в том, что звукам приписываются признаки сделанного из стекла объекта, на семантическом – противопоставление смысловых элементов ‘тактильно и зрительно воспринимаемое’ (*хрусталь*) и ‘тактильно и зрительно не воспринимаемое’, ‘воспринимаемое на слух’ (*нота*). Противоречия преодолеваются в ходе переосмысления слова *хрусталь*, которое начинает обозначать такой признак звука, как его чистота, гармоничность, безупречность.

Описывая генетические типы катахрезы, О.Л. Якутина выделяет в отдельную группу катахрезы-парадоксы, «обладающие всеми признаками катахрестического словосочетания и не имеющие связи ни с метафорой, ни с метонимией» [Якутина, 2014, с. 210]. В поэтических текстах русской литературы первой половины XX века такие единицы встречаются крайне редко. Примером может послужить фигура абсурда, встречающаяся в стихотворении И. Северянина «Nocturno!»:

Пропитались все растенья соловьями

И гудели, замирая, как струна.

А в воде – в реке, в пруде, в озерах, в яме –

Фонарями разбросалась луна.

[Северянин, 1995, Т.1, с. 121].

Смыслообразование катахрезы ***пропитались растенья соловьями*** сопровождается формированием глобального категориального противоречия, обостряющегося между смысловыми элементами категорий «предмет» (*пропитаться*) и «природа» (*растения, соловьи*). Категориальное противоречие заключается в том, что живому, твердому объекту – соловьям – приписывается несвойственный им признак – способность быть тем, чем

может пропитаться другой объект. Семантическое противоречие образуется в результате столкновения сем и семантических комплексов ‘способный впитывать влагу’, ‘жидкий’ (*пропитаться*) и ‘твердый’, ‘неспособный впитываться’ (*соловьи*). Преодоление категориального и семантических противоречий происходит вследствие переосмысления слов *соловьи* и *пропитаться*: первое слово начинает обозначать ‘трели, звучание соловьев’, второе – ‘наполниться (звуками)’, что позволило поэту создать необычный образ переливчатого звучания соловьиных песен в гуще речных растений.

По морфологическим характеристикам катахрезы, встречающиеся в поэтических текстах русской литературы первой половины XX века, можно разделить на именные, глагольные и адъективные. Так, именная катахреза содержится в поэтическом тексте И. Северянина «В кленах раскидистых»:

Ты говоришь: я устала . . .

Ты умоляешь: «О, сжался!

Ласки меня истомляют, я от блаженства больна»...

*Разве же это возможно, если **зеленые вальсы***

В этих раскидистых кленах бурно бравурит Весна ?!

[Северянин, 1995, Т.1, с. 56]

В процессе смыслообразования именной катахрезы *зеленые вальсы* происходит столкновение смысловых элементов двух глобальных категорий «природа» (зеленый) и «человек» (вальс): зелени, листьям деревьев приписывается способность человека ритмически и пластично двигаться под музыку, то есть танцевать. В семеме катахрезы обостряются противоречия между смысловыми элементами ‘способность вызывать зрительные ощущения – цвет’, ‘окрас’ (*зелень*) и ‘неспособность обладать цветом’ (*вальсы*). Данные смысловые противоречия преодолеваются вследствие перекатегоризации слова *вальсы*, которое начинает соотноситься с глобальной категорией «природа», потому что претерпевает семантические изменения: ядерные семы этого слова изменяют свой статус, становясь

фоновыми, а на их месте появляются новые семы и слово приобретает значение ‘красиво, пластично, ритмично движущиеся листья деревьев’.

Примером глагольной катахрезы является стилистическая фигура в произведении Н. Гумилева «Зачарованный викинг, я шел по земле»:

*Изумрудным покрыло земные пути,
Зажигало лиловым морскую волну...
Я не смел подойти и не мог отойти
И не в силах был **словом порвать тишину**.*

[Гумилев, 1998, Т.1, с. 113].

Смыслообразование катахрезы *словом порвать тишину* сопровождается обострением категориального противоречия: абстрактным понятиям «слово» и «тишина» приписываются признаки материального объекта – способность быть разорванными, утратить целостность. В противоречие вступают смыслы двух глобальных категорий «предмет» (порвать) и «абстрактные понятия» (слово, тишина). Семантическое противоречие, основанное на категориальном противоречии, проявляется в противопоставлении в смысловой структуре катахрезы смысловых элементов ‘способный нарушить целостность материального объекта’ (порвать) и ‘неспособный нарушить целостность материального объекта’ (слово), ‘действие, направленное на материальный объект’ (порвать) и ‘абстрактное понятие, на которое не может быть направлено физическое действие’ (слово). Преодоление категориального и семантического противоречий происходит в результате перекатегоризации и переосмысления слова *порвать*, которое становится наименованием внезапного, резкого нарушения тишины.

Адъективные катахрезы содержатся в произведении И. Северянина «День на ферме»:

*Было кругом раздольно! было повсюду майно!
Как золотела зелень! **воздух лазурно-крылат!**
Бросилась я с плотины, – как-то совсем случайно,*

Будто была нагая, вниз головой, в водопад!

[Северянин, 1995, Т.1, с. 56]

В ходе смыслообразования адъективной катахрезы *воздух лазурно-крылат* происходит обострение субкатегориальных противоречий: в смысловой структуре стилистической фигуры совмещаются смысловые элементы субкатегории «газообразное вещество» (воздух) и «пернатые» (*крылат*) глобальной категории «природа». Противоречивым оказывается то, что воздуху приписываются признаки птицы – наличие крыльев. Кроме того, противоречивым оказывается и совмещение разнородных признаков – лазурно-крылат. Семантическое противоречие проявляется в столкновении сем и семных комплексов ‘газообразное’, ‘вещество’, ‘неживое’ (*воздух*) и ‘признак живого существа’, ‘наличие органа летания’ (*крылат*), а также объединении несочетаемых смысловых элементов ‘наличие органа летания’ (*крылат*) и ‘цвет’ (*лазурно*): наличие чего-то не может характеризоваться по цвету. Преодолеваются противоречия, образующиеся в ходе смыслообразования катахрезы, в результате переосмысления слова *крылат*, которое приобретает значение ‘легкий, движущийся, нестатичный’.

Когнитивно-семиологическое исследование смыслообразования катахрез в поэтических текстах русской литературы первой половины XX века позволило выявить такие процессы, как преобладание в смысловой структуре данных стилистических фигур глобальных категориальных противоречий, что делает анализируемые фигуры алогизма единицами с очень сложным и необычным образом. Семантические противоречия катахрез, как и семантические противоречия оксюморонов, всегда являются сложными: в семантике фигур алогизма объединяются взаимоисключающие смысловые элементы. Однако выявление противоречивых смыслов катахрезы оказывается более сложным процессом, поскольку нередко в ходе ее смыслообразования противоречие обостряется не между ядерными смыслами, а между потенциальными, скрытыми семами. Этим объясняется

тот факт, что сочетание в семантике катахрезы несовместимых сем не воспринимается как контрастное противоречие, а лишь ощущается как несогласованность, несочетаемость, нарушение логических норм.

3.2. Смыслообразование фигур неправдоподобия в русской лирике первой половины XX века

Среди фигур неправдоподобия наиболее часто в поэтическом тексте используются стилистические фигуры с градуальной семантикой – гиперболы и литоты. В результате исследования данных фигур были выявлены и описаны такие их разновидности, как нетропеические и тропеические гиперболы и литоты [Борисенко, 2023; Девкин, 1965; Власова 2023]. В поэтическом тексте авторы используют второй тип фигур неправдоподобия, поскольку наложение гиперболы и литоты на другие тропы и стилистические фигуры порождают яркие образы, разнообразные коннотации. В современной лингвистике изучению гипербол и литот в русской поэзии первой половины XX века посвящен ряд работ [Боровская, 2023; Ильин, 2021; Оганнисян, 2023; Печеникина, 2021; Тимофеев, 1941; Фаттахова, 2018 и др.]. Однако в фокусе внимания исследователей, как правило, находились функциональные и семантические особенности данных стилистических фигур в поэтических произведениях конкретных авторов. Процессу смыслообразования фигур неправдоподобия как единиц с логически несовместимыми компонентами в целом не было уделено достаточного внимания, поэтому существует необходимость в анализе механизмов обострения и разрешения противоречий в ходе формирования смысловой структуры гипербол и литот.

3.2.1. Смыслообразование гипербол в русских поэтических текстах первой половины XX века

В стилистическом словаре В.П. Москвина «Язык поэзии: приемы и стили» дается следующее толкование: «гипербола – это фигура речи, состоящая в преувеличении настолько неправдоподобном, что буквальное истолкование исключается» [Москвин, 2017, с.47]. Из вышеуказанного определения можно заключить, что гипербола является искаженным преувеличением. Однако, согласно мнению В.П. Москвина, следует различать гиперболу и преувеличение, поскольку гипербола является одним из видов преувеличения с тем отличием, что последнее может вызвать доверие, в то время как гиперболе не верят [Москвин, 2017, с. 154]. При этом ряд ученых подчеркивают, что необходимо различать гиперболическое преувеличение и усиление, выражаемое гиперболизирующими высказываниями [Крысин, 1984, с.98; Прокопова, 2022, с. 20]. Сравнивая эти явления, Л.П. Крысин отмечал, что при «усилении говорящий лишь эмоционально оценивает обобщающий факт, а при преувеличении, гиперболе он дает этому факту некоторую «количественную меру»: либо сравнивает его с другим фактом – и тогда возникает образная характеристика первого, либо указывает явно преувеличенные, неправдоподобные размеры предмета» [Крысин, 1984, с.98].

И преувеличение, и усиление нередко используются в поэтических произведениях, поскольку они являются яркими экспрессивами. Однако к ЕЛНК можно отнести только преувеличение, гиперболу, потому что только при образовании этих стилистических приемов возможно образование противоречия на когнитивном и семантическом уровнях. Так, сравним два фрагмента, содержащих средства выражения усиления (1) и преувеличения (2).

1. *Постепенно,*
практикуясь и тужась,

*я шею так завинтил,
что просто ужас,
**В том, что я сказал,
причина коренится,
почему не нужна мне никакая заграница.***

[Маяковский, 1957, Т.4, с. 109].

*2. Росла на верблюде дармоедов куча,
до самого неба горб навьюча.
Проснулся верблюд
от тяжести лишней,
и все посыпались, как гнилые вишни.
Растоптал и пошел работать верблюд.
Бери пример с верблюда,
рабочий люд!*

[Маяковский, 1957, Т.3, с. 76].

В поэме «Пятый Интернационал» В.В. Маяковский, повествуя о том, как лирический герой, решивший, что «Сущность ПОЭЗИИ в том, / чтоб шею сильнее завинтить винтом», использует для эмоциональной оценки стараний поэта прием усиления: *шею так завинтил, что просто ужас*. В данном стилистическом приеме нет компонентов с противоречивой, несовместимой семантикой, отсутствует и категориальное противоречие. Иное сочетание компонентов в гиперболе, использованной во фрагменте стихотворения В.В. Маяковского «Специально для сартов и киргизов будет эта сказка об одном верблюде». Компоненты гиперболы **до самого неба горб навьюча** включают в себя явное преувеличение количества сидящих на горбе верблюда. В ходе смыслообразования данной ЕЛНК обострялось категориальное противоречие: такой части животного, как горб, приписываются неправдоподобный количественный признак – величина до

самого неба. И таким образом число сидевших на горбе дармоедов явно преувеличивается. Категориальное противоречие проявляется и на семантическом уровне: семантическое противоречие заключается в том, что компоненты анализируемой нами ЕЛНК содержат противоречивые семные комплексы 'очень большой', 'достигающий неба' (по высоте) (*до самого неба*) и 'небольшой нарост' (*горб*). Используя данную гиперболу, поэт показывает свое отношение к тем, кто не работает, используя также эмоционально-оценочную лексику *дармоеды*.

Разграничивая усиление и преувеличение в «гиперболических высказываниях», М.В. Прокопова, Е.Н. Ермакова, отмечают, что «определить, преувеличение это или усиление, возможно только в контексте. Границу между этими явлениями зачастую провести нелегко» [Прокопова, 2022, с. 20]. Однако существуют формальные показатели преувеличения. Л.П. Крысин к таким показателям относит слова, указывающие на меру, степень проявленности признака. Ученый выделяет особую группу «кванторных слов», в которую входят такие единицы, как *весь, каждый, любой, никто, совсем* и т.п. Кроме того, в структуре преувеличения, гиперболы могут быть усилительно-модальные частицы: *буквально, просто, прямо, формально* [Крысин, 1984, с.102].

Примером гиперболы преувеличения с одним из формальных показателей может послужить ЕЛНК в стихотворении Б.Л. Пастернака «Зимняя ночь»:

Мело, мело по всей земле

Во все пределы.

Свеча горела на столе,

Свеча горела.

[Пастернак, 2017, с. 1240].

В образовании гиперболы *по всей земле во все пределы* участвуют «кванторные слова» *всей, все* и существительные, образующие значение

явного преувеличения. В процессе смыслообразования анализируемой ЕЛНК произошло обострение категориального противоречия, так как локально ограниченному природному явлению – метели – приписывается невероятный признак – способность проявляться везде на всей планете, всюду. Категориальное противоречие проявляется в семантическом противоречии, потому что в смысловой структуре гиперболы присутствуют вступающие во взаимодействие противоположные смыслы: потенциальные семы, семные комплексы ‘локальное явление’ (возможно там, где наступило холодное время года) (*мело*) и ‘полностью’, ‘локально не ограничено’ (*по всей земле*). Для преодоления противоречий происходит процесс перекатегоризации и семантического переосмысления слова *земля*, которое утрачивает противоречащие слову *по всей* смыслы и привносит в семантическую структуру гиперболы новые смысловые элементы ‘повсюду’, ‘везде’. Важно подчеркнуть, что гиперболическая семантика в такого рода стилистических приемах формируется на основе семантики «кванторных слов»: ср. *Возвести опять по всей земле, Что вся жизнь – день радости и счастья!* [Бунин, 2006, с. 77] и *Возвести опять по земле, Что вся жизнь – день радости и счастья!*; *Я каждый трепет, каждый вздох счастливый / Вместить стремился в стих* [Брюсов, 1955, Т. 1, с. 293] и *Я трепет, вздох счастливый / Вместить стремился в стих*; *Уселись навианы вокруг, / Совсем покрыв просторный луг* [Гумилев, 1999, Т. 3, с. 211] и *Уселись навианы вокруг, / покрыв просторный луг*.

На современном этапе изучения гиперболы существуют различные классификации данных фигур неправдоподобия: классификации гипербол по типу отклонения от нормы [Сковородников, 2007, Борисенко, 2009], по отношению художественного образа гиперболы к реальной действительности [Ильин, 1968], по структурно-грамматическим характеристикам гипербол [Тихомиров, 2006], по типам переноса наименования одного объекта на другой в процессе формирования гипербол [Поликарпова, 1990] и др.

В русской поэзии первой половины XX века в ходе исследования были выявлены различные типы гиперболы. Опираясь на описанные в трудах отечественных лингвистов типологии гипербола, мы проанализировали разные виды данных стилистических фигур.

Отличительной чертой поэтической речи является ее насыщенность абсолютными гиперболами при небольшом количестве относительных гипербола. Разделение гипербола на абсолютные и относительные основывается на степени выхода их семантики «за пределы шкалы нормативности» [Сковородников, 2007, с. 42]. Как пишет Л.П. Крысин: «<...> гипербола возможна благодаря тому, что в сознании говорящих имеется представление о некоей норме свойств, состояний, действий и т. п.» [Крысин, 1997, с.80]. Анализируя риторические приемы с операционным принципом «увеличения», А.П. Сковородников отмечает, что «гипербола манипулирует количественной нормой того или иного объекта в широком смысле, которая (норма) имеет скалярный характер и может быть осмыслена как шкала, в пространстве которой (между ее верхней и нижней границами) размещаются нормативные явления» [Сковородников, 2007, с. 42]. По мнению ученого, с центральной частью шкалы соотносятся номинации объектов с количественными характеристиками реального объекта, а номинации с количественными характеристиками, выходящими за верхнюю границу нормальности, относятся к гиперболам, за нижнюю границу – к мейозису [Сковородников, 2007, с. 42]. Среди выходящих за пределы шкалы нормальности гипербола существуют те, которые номинируют маловероятные в количественном отношении, но возможные явления, предметы. Именно такие фигуры неправдоподобия А.П. Сковородников, Ю.И. Борисенко рассматривают как относительные гипербола. Л. П. Крысин выделил несколько разновидностей подобных стилистических фигур. Поскольку Л.П. Крысин рассматривает литоту (мейозис) не как отдельный стилистический прием, а как разновидность гипербола, в следующем перечне значений фигур неправдоподобия содержатся как гипербола, так и

литоты: гиперболы со значением ‘наличие в избытке’ (например, *завались, уйма, навалом, пропасть, бездна, куча, вагон, сплошь* и др.), ‘очень долго’ (например, *целую вечность, сто лет, весь день* и др.), ‘повторяемость событий’ (например, *вечно, сто/тысячу раз, постоянно, бесконечно* и др.), литоты со значением ‘полное отсутствие’ (например, *ни крошки, ни капли, шаром покати, ни души*, и др.); гиперболы и литоты со значением ‘величина расстояний и размеров’ (например, *за тысячу верст, с гулькин нос*) [Крысин, 1997, с.80]. Примером использования в поэтическом тексте относительной гиперболы может послужить стилистическая фигура ***вечно таскает*** со значением ‘повторяемость событий’ в отрывке произведения В.В. Маяковского «Керзон»:

*Разглаженнейшие брючки
и изящнейший фрак;
духами душится, –
не помню имя, –
предпочел бы
бакинскими душиться,
нефтяными.*

*На ручках
перчатки
вечно таскает, –
общеизвестная манера
шулерская.*

[Маяковский, 1957, Т.5, с. 118].

Как отмечает А.П. Сковородников, относительные гиперболы часто употребляются в речи и превратились в клише, устойчивые обороты. [Сковородников, 2007, с. 42]. Этим можно объяснить отсутствие у данных стилистических фигур яркости образа, снижение степени их эмоционально-оценочного воздействия. По этой же причине относительные гиперболы

используются в поэтических текстах намного реже, чем абсолютные гиперболы. Последние являются экспрессивными, потому что становятся номинацией объекта или явления, не соответствующего объективной реальности, не имеют реального референта, обладающего неправдоподобным, ярким образом. Абсолютная гипербола, по мнению А.П. Сковородникова, соотносится с таким «фактом» (предметом, событием, явлением, который), который «обладает нулевой вероятностью, а литературное описание его есть симулякр» [Сковородников, 2007, с. 42]. Абсолютная гипербола, согласно мнению Ю.И. Борисенко, граничит с гротеском [Борисенко, 2009, с.57], поэтому такой вид гиперболы нередко используется поэтами в сатирических произведениях. Например, в «Авиачастушках» В.В. Маяковский использует абсолютную гиперболу для сатирического описания огромного масштаба бедствия, причиненного саранчой:

Саранча
посевы жрет,
полсела набила в рот.
Серой
эту
саранчу
с самолета
окачу.

[Маяковский, 1957, Т.5, с. 84].

Смыслообразование гиперболы *саранча полсела набила в рот* сопровождается обострением категориального противоречия: маленькому насекомому приписывается способность поглотить, взять в рот полсела. Во взаимодействие вступают смысловые элементы, соотносящиеся с количественными характеристиками предметов двух глобальных категорий – «природа» (*саранча*) и «предметы» (*полсела*). На семантическом уровне противоречие обостряется между потенциальными смысловыми элементами,

вербализирующими характеристики размера: ‘маленький размер’ (*рот саранчи*) и ‘большой размер’ (*полсела*). Преодоление категориальных и семантических противоречий происходит в результате перекатегоризации, приводящей к соотнесению слова с категорией «абстрактные понятия» (количественные характеристики), и переосмысления значения слова *полсела*, ядро которого теряет исходные архисему и дифференциальные семы, приобретая новые семы, семные комплексы ‘понятие’, ‘числовая характеристика’, ‘очень’, ‘много’.

Гротескным является и образ, создаваемый с помощью абсолютной гиперболы В.В. Маяковским в нижеследующем отрывке произведения «Облако в штанах»:

Нежные!

Вы любовь на скрипки ложите.

Любовь на литавры ложит грубый.

А себя, как я, вывернуть не можете,

*чтобы были **одни сплошные губы!***

[Маяковский, 1955, Т.1, с. 175].

Смыслообразование гиперболы *одни сплошные губы* сопровождается формированием субкатегориального противоречия: человеку приписываются признаки части тела. На семантическом уровне обостряются противоречия между количественными семами слов-компонентов гиперболы: ‘большого размера’ (*один сплошной*) и ‘небольшого размера’ (*губы*).

Анализируя роль гиперболы в поэтическом тексте, исследователь творчества В.В. Маяковского О.И. Ильин пишет, что поэзия «не может отказывать гиперболе в «уловлении» и «обдумывании» положительных и отрицательных явлений движущейся современности, в передаче каких-то внешне похожих, опознаваемых и вместе с тем существенно важных, перспективных черт изображаемых фактов» [Ильин, 1968, с. 355]. Ученый отмечает, что гипербола не является только чисто «количественным»

преувеличением, это не просто форма, а яркий способ выразить идейно-эстетическое видение мира поэта. О.И. Ильин по отношению художественного образа гиперболы к реальной действительности выделяет такие группы гипербол, как гиперболы «красоты» и «безобразия». Гиперболы «красоты» – стилистические фигуры, способные вызывать чувства восхищения, восторга, гордость и возвышенные переживания. Например, в произведении В.В. Маяковского «Ленинцы» восторг лирического героя выражается с помощью гиперболического образа влияния В.И. Ленина на умы и души людей во всем мире:

*Ленин с нами,
бессмертен и величав,
по всей вселенной
ширится шествие –
мыслей,
слов
и дел Ильича.*

[Маяковский, 1958, Т.10, с. 174].

Гиперболой «красоты» можно считать стилистический прием в произведении В.В. Маяковского «Владимир Ильич!», позволяющий герою выразить чувство гордости и восторга от масштаба распространения власти рабоче-крестьянской партии:

*Я
в Ленине
мира веру
славлю
и веру мою.
Поэтом не быть мне бы,
если б
не это пел –*

в звездах пятиконечных небо

безмерного свода РКП.

[Маяковский, 1958, Т.10, с. 174].

Гиперболы «красоты» можно встретить в большинстве сатирических стихотворений и гражданской лирике. Основная задача таких гипербол заключается том, что они должны побудить читателя к действиям, призвать к борьбе со злом [Ильин, 1968, с. 357]. С этой же целью нередко используются в русской поэзии первой половины XX века и гиперболы «безобразия», но данные стилистические фигуры нацелены на то, чтобы вызвать формирование чувства отвращения, брезгливости, неприятие описанных событий, фактов, явлений. Например, в стихотворении «Надоело» В.В. Маяковский описывает встречу уставшего от одиночества поэта, отправившегося в многолюдные общественные места, с безобразным проявлением мещанского благополучия. Поэт использует гиперболу для изображения не только физического, но и духовного уродства, думающих только о желудке «существ»:

Вижу,

вправо немножко,

неведомое ни на суше, ни в пучинах вод,

старательно работает над телячьей ножкой

загадочнейшее существо.

Глядишь и не знаешь: ест или не ест он.

Глядишь и не знаешь: дышит или не дышит он.

Два аршина безликого розоватого теста:

хоть бы метка была в уголочке вышита.

*Только колышутся **спадающие на плечи***

*мягкие складки лоснящихся **щек.***

[Маяковский, 1955, Т.1, с. 112-113].

Важным выводом О.И. Ильина в ходе анализа особенностей гипербола «красоты» и «безобразия» является мысль о том, что между выделенными типами существуют и сходства: «гипербола красоты и гипербола безобразия сходятся в одном. В центре схождения – категория Великого, Грандиозного, Чудовищного» [Ильин, 1968, с. 350].

Как показал анализ, наиболее часто гиперболы «красоты» и «безобразия» встречаются в произведениях В.В. Маяковского, который посредством данного средства художественной выразительности проявлял свое отношение к описываемым им явлениям. Можно выявить закономерность, что гиперболы «красоты» в основном встречаются в тех стихотворениях и отрывках, которые воспевают советскую власть, явно преувеличивая ее могущество. В то же время гиперболы «безобразия» можно обнаружить в описаниях жестокости старого режима, глупости буржуазии.

В русской поэзии первой половины XX века авторы используют разнообразные по структуре и грамматическим признакам гиперболы. Анализируя фигуры неправдоподобия со значением преувеличения, С.А.Тихомиров распределил данные стилистические фигуры по структурным особенностям на несколько групп: субстантивные гиперболы, гиперболы, выраженные именами прилагательными, глаголами, местоимениями и гиперболы, содержащие имена числительные [Тихомиров, 2006, с. 12-14].

К субстантивным гиперболам ученый относит те стилистические фигуры, в структуре которых присутствуют имена существительные, являющиеся носителями гиперболической семантики и имеющие количественное, временное, пространственное значение, а также выражающие признак объекта или его оценку [Тихомиров, 2006, с. 12]. Например, в произведении «Поэма горы» М.И. Цветаева, выражая мысль о большом времени жизни любви, использует субстантивную гиперболу:

Но под тяжестью тех фундаментов

Не забудет гора - игры.

Есть беспутные, нет беспамятных:

Горы времени - у горы!

[Цветаева, 1994, Т.3, с. 28].

В формировании гиперболы *горы времени* участвуют существительные, одно из которых – *горы* – обладает гиперболическим значением. В процессе смыслообразования данной гиперболы обостряются категориальные противоречия, так как во взаимодействие вступают несовместимые смысловые элементы глобальных категорий «природа» и «абстрактное понятие»: абстрактному понятию «время» приписываются признаки материального природного объекта – горы. Вступают в противоречие и семы значений слов-компонентов гиперболы *гора* – ‘значительная возвышенность, поднимающаяся над окружающей местностью или выделяющаяся среди других возвышенностей’ [БАС, 1954, Т. 3, с.263] и *время* – ‘длительность существования всего происходящего, всех явлений и предметов, измеряемая веками, годами, часами, минутами и т. п.’ [БАС, 1951, Т. 2, с.803]. Преодоление противоречий происходит в результате перекатегоризации слова *гора*, которое начинает соотноситься с категорией «абстрактное понятие». На семантическом уровне происходит такое переосмысление слова, вследствие которого ядро семемы утрачивает исходные архисему и дифференциальные семы, пополняясь новыми семами ‘очень’, ‘много’.

Гиперболы, выраженные именами прилагательными, как правило, номинируют преувеличенный признак объекта или явления. В русской поэзии первой половины XX века этот тип фигур неправдоподобия является одним из самых распространенных. Примером гипербол-прилагательных могут послужить стилистические фигуры в отрывках произведений М.И. Цветаевой «Книги в красном переплете», В.В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин»:

*Светлее солнца тронный зал,
Над стройным мальчиком – корона...*

*Вдруг – нищий! Боже! Он сказал:
«Позвольте, я наследник трона!»*
[Цветаева, 1994, Т.1, с. 45].

*Отсюда
Ленин
с горсточкой товарищей
встал над миром
и поднял над
мысли
ярче
всякого пожарища,
голос
громче
всех канонад.*

[Маяковский, 1957, Т.6, с. 271-272].

Фигуры неправдоподобия *светлее солнца тронный зал, мысли ярче всякого пожарища, голос громче всех канонад* содержат прилагательные, на значении которых основывается гиперболическая семантика данных стилистических фигур (*светлее, ярче, громче*). Все эти прилагательные имеют форму сравнительной степени (компаратива). Смыслообразование гипербола сопровождается возникновением категориальных противоречий: тронному залу приписывается количественный признак – степень способности светиться, – превышающий предельно возможное проявление этого признака, свойственного *солнцу*; голосу приписывается количественный признак – громкость, – превышающий возможное проявление этого признака, свойственного залпу всех орудий; мыслям приписывается несвойственные им качественные и количественные признаки – способность ослепительно сиять, – свойственные пожару. Важно отметить,

что (тронному) залу свойственен такой признак, как способность быть светлым, и голосу свойственен такой признак, как громкость, неправдоподобным оказывается только интенсивность проявления этих признаков. Этим можно объяснить отсутствие на семантическом уровне смысловой структуры гипербола *светлее солнца тронный зал, голос громче всех канонад* противоречия смысловых элементов их слов-компонентов. В рамках данных гипербола обостряется противоречие между довербальными смыслами и вербализированным количественным признаком, то есть обостряется простое семантическое противоречие. Преодолевается это противоречие таким переосмыслением слов *светлее, громче*, в результате которого происходит нивелирование смысловых элементов ‘более интенсивное проявление, чем’, устраняется сравнительное проявление признака, место которого занимает сема ‘очень’, ‘интенсивное проявление признака’, и слова приобретают значение ‘очень светлый’ (*светлее*), ‘очень громкий’ (*громче*). В процессе смыслообразования гипербола *мысли ярче всякого пожара* в противоречие вступают не только довербальные, но и вербальные смысловые элементы. На семантическом уровне формируется противоречие между семами, семными комплексами значений слов-компонентов гипербола ‘нематериальный объект’, ‘результат мышления’ (*мысли*) и ‘материальный признак’, ‘сияющий’, ‘излучающий свет’ (*яркий*). Преодоление этого противоречия происходит вследствие полного переосмысления слова *яркий*, в семеме которого помимо нивелирования смыслового элемента ‘более интенсивное проявление, чем’, происходит замена архисемы, дифференциальных сем, и гипербола приобретает значение ‘очень выразительные, впечатляющие, отличающиеся силой воздействия мысли’.

Достаточно часто в поэтических текстах первой половины XX века используются глагольные гипербола, главным компонентом которых является глагол с семантикой преувеличения. Например, в мистической поэме И. Северянина «Белая улыбка» лирический герой во время встречи с

кариатидами испытывает сильный страх, воспринимая все окружающее и даже свет солнца как нечто враждебное и злое:

Этот свет не греет, не покоит,

В нем бессильный любопытный гнев.

Я молчу... Мне страшно... Сердце ноет...

Каменеют щеки, побледнев...

[Северянин, 1995, Т.1, с. 251].

Гипербола ***каменеют щеки*** является глагольной, потому что в ее структуру входит глагол со значением преувеличения: страх лирического героя оказывается настолько сильным, что его щеки становятся холодными, твердыми, безжизненными, как камень. В процессе смыслообразования данной гиперболы происходит обострение противоречия между смысловыми элементами двух глобальных категорий «природа» (*каменеть*) и «человек» (*щеки*): части тела человека приписывается свойство объектов природы – становиться каменным. На семантическом уровне обостряются противоречия между семами и семными комплексами ‘часть тела’, ‘мягкий’, ‘живой’ (*щеки*) и приобретение свойств ‘природного объекта’, ‘твердого’, ‘неживого’ (*каменеть*). Преодоление категориального и семантического противоречия происходит за счет глобальной перекатегоризации и семантического преобразования слова *каменеть*, которое начинает соотноситься с категорией «человек» и приобретает значение ‘становиться неподвижным, твердым, холодным, утрачивать свойства живой ткани’.

Анализируя фигуры неправдоподобия в поэзии В.В. Маяковского, которые относятся к глагольным гиперболам, О.И. Ильин выявил еще один тип данной стилистической фигуры – гиперболу движения. Ученый описывал данный тип следующим образом: «С первых лет Октября Маяковский все чаще обращается к гиперболам движения. Художественная мысль поэта становится более динамичной. Теперь она не только фиксирует напряженное состояние мира и столь же напряженное состояние духа

лирического героя, но схватывает явления в их изменении, развитии, взаимопереходах» [Ильин, 1968, с. 353]. К гиперболам движения можно отнести такие гиперболы, в составе которых есть глаголы в императивной форме, а также глаголы движения. Примером гиперболы движения может послужить стилистическая фигура, с помощью которой В.В. Маяковский в поэме «Хорошо» описывает преувеличенно быстрое перемещение яхты:

Убрали весло.

*Мотор
заторкал.*

*Пошла
весело*

*к «Алмазу»
моторка.*

*Пулей
пролетела
штандартная яхта.*

[Маяковский, 1958, Т.8, с. 308].

Смыслообразование гиперболы движения *пулей пролетела яхта* сопровождается возникновением категориального противоречия: объекту, которому свойственно плавать, приписывается способ и скорость передвижения снаряда ручного огнестрельного оружия. На уровне семемы это противоречие проявляется в противопоставлении смысловых элементов, вербализирующих способ движения ‘способность перемещаться по воздуху’ (*лететь*) и ‘способность перемещаться по воде’ (*яхта*), а также вербализирующих представление о скорости движения пули и яхты. В результате перекатегоризации и изменения семантики противоречия преодолеваются, и сочетание слов *пулей пролетела* приобретает значение ‘очень быстро’.

Несмотря на то, что гиперболы, семантика которых основана на значении входящих в их состав имен числительных, более часто

используются в разговорной речи, в русской поэзии первой половины XX века содержится немало примеров такого рода фигур неправдоподобия. В составе таких *гипербол* ядром являются числительные или количественные слова, которые позволяют акцентировать внимание на преувеличении количества, меры или степени проявленности какого-либо признака. Например, в отрывке из поэмы А.А. Блока «Скифы» и произведения А.А. Ахматовой «Черная вилась дорога» гиперболическая семантика формируется на основе значения числительных:

Милльоны – вас. Нас – тьмы, и тьмы, и тьмы.

Попробуйте, сразитесь с нами!

Да, скифы – мы! Да, азиаты – мы,

С раскосыми и жадными очами!

[Блок, 1994, Т.1, с. 434].

*Плыл туман, как **фимиамы***

Тысячи кадил.

Спутник песенкой упрямо

Сердце бередил.

[Ахматова, 1998, Т. 1, с. 119].

В процессе смыслообразования гипербол *милльоны – вас, нас – тьмы, и тьмы, и тьмы; фимиамы тысячи кадил* объектам (представителям западной культуры, жителям России – «скифам», сосуду для курения фимиамов) приписывается количественный признак, который преувеличен, но при этом и не определен точно. На семантическом уровне смысловые элементы числительных *милльон, тысяча* и устаревшего числительного *тьма* – ‘в древнерусском счете – десять тысяч’ [БАС, 1963, Т. 15, с.1209] не вступают в противоречие с другими элементами гиперболы. В отличие от гипербол подобного рода многие гиперболические сложные слова, в образовании которых участвуют числительные, в ходе смыслообразования

проходят через этап обострения смысловых противоречий. Так, в произведении В.В. Маяковского «Революция. Поэтохроника» создается гиперболизированный образ французского революционера, символизирующий силу рабочих масс:

Еще!

О, еще!

О, ярче учи, краснаяязыкий оратор!

Зажми и солнца

и лун лучи

*мстящими пальцами **тысячерукого Марата!***

[Маяковский, 1955, Т. 1, с. 137].

В состав гиперболы ***тысячерукий Марат*** входит сложное слово *тысячерукий*, в образовании которого участвует числительное *тысяча*. В ходе смыслообразования данной фигуры неправдоподобия обостряется категориальное противоречие: человеку приписывается несвойственный ему признак – обладание тысячью рук. Категориальное противоречие проявляется на семантическом уровне в виде противоречия смысловых элементов компонентов гиперболы: ‘обладание двумя руками’ (потенциальный семный комплекс слова *Марат*) и ‘обладание тысячью рук’ (*тысячерукий*). Преодоление категориального и семантического противоречий происходит в результате перекатегоризации слова *тысячерукий*, которое перестает соотноситься с субкатегорией «части тела человека» и становится номинацией признаков субкатегории «физические способности человека» (обе категории являются субкатегориями глобальной категории «человек»). Перекатегоризация слова *тысячерукий* сопровождается его семантическим переосмыслением, в процессе которого слово приобретает значение ‘физически очень сильный’ (*человек*).

В русской поэзии первой половины XX века авторы используют и гиперболы, основанные на наречии. Например, в стихотворении «По грибы – по ягоды» И. Северянин в описании движения реки употребляет гиперболу:

*Погода стояла дивная,
Чуть перились облака,
А рядом, как ты, узывная,
Стремглавно неслась река.*

[Северянин 1995, Т.3, с. 82].

Особенностью смыслообразования гиперболы *стремглавно неслась река* является обострение семантических противоречий, возникновение которых обусловлено ограниченными возможностями семантической сочетаемости слова *стремглав(но)*, которое может сочетаться со словами, номинирующими живое существо. В этой связи в процессе формирования смысла гиперболы в противоречие вступают смысловые элементы ‘признак действия живого объекта’ (*стремглавно*) и ‘неживой’, ‘природный объект’ (*река*).

В русской поэзии первой половины XX века менее других используются гиперболы, в состав которых входят такие местоимения со значением преувеличения, как, например, местоимения *всякий*, *каждый*, *любой*: *У него глаза такие, // Что запомнить **каждый** должен* [Ахматова, 1998, Т.1, с. 167]; *От подобных оговорок // **Всякий** вспыхнет взор...* [Ахматова, 1998, Т.1, с. 17]; *Когда предвидишь вот **любой, любой** момент!* [Северянин, 1995, Т.1, с. 376].

Местоименные гиперболы не содержат в семантической структуре противоречий смысловых элементов и не обладают яркой образностью. Такие гиперболы относятся к нетропеическим фигурам неправдоподобия.

Исследуя особенности тропеических и нетропеических гипербол, Ю.И. Борисенко уточняет, что первый вид стилистических фигур отличается содержанием слов с переносным значением. В понимании исследователя,

гипербола является «синтагматически образуемым средством выразительности» [Борисенко, 2010, с. 113]. К тропеическим гиперболам относятся такие, в структуре которых можно выявить метонимический перенос или скрытое метафорическое сравнение. Пример такого вида гиперболы можно встретить в поэме М.И. Цветаевой «На красном коне»:

Пожарные! – Широкий крик!

Как зарево широкий – крик!

Пожарные! – Душа горит!

Не наш ли дом горит?!

[Цветаева, 1994, Т.3, с. 17].

В приведенном отрывке гипербола *как зарево широкий – крик* включает в свою структуру такой троп, как сравнение. Смыслообразование данной гиперболы сопровождается обострением категориального противоречия: звуку голоса, восклицанию приписывается несвойственный ему количественный признак протяженность в поперечнике, обширность в пространстве, свойственный распространяющемуся свету от пожара. В смыслообразовании ЕЛНК *как зарево широкий – крик* вступают во взаимодействие компоненты, принадлежащие к субкатегориям «природное явление» и «эмоции человека». Выделенные субкатегории относятся к разным глобальным категориям: «природа» и «человек». Обостряется также противоречие между компонентами разных смыслов на семантическом уровне: ‘способность быть протяженным в поперечнике’ (*широкий*, потенциальные смысловые элементы слова *зарево*) и ‘отсутствие способности быть протяженным в поперечнике’ (потенциальный семный комплекс слова *крик*). Данное противоречие преодолевается в ходе перекатегоризации и семантического переосмысления слова *широкий*, которое приобретает значение ‘распространяющийся, очень громкий’. М.И. Цветаева использует гиперболу для номинации преувеличенной силы крика лирического героя, сравнивая ее с заревом, разливающимся по небу.

В русской поэзии первой половины XX века авторы прибегают к тропеическим гиперболам с разным типом переноса – метафорическим и метонимическим. Данные типы фигур неправдоподобия были рассмотрены в научно-исследовательских работах Ю.И. Борисенко, Л.В. Зубовой, Е.В. Поликарповой, В.М. Хаимовой, А.Ж. Фаттахова и др. [Борисенко, 2010, 2011; Зубова, 2017; Поликарпова, 1990; Хаимова, 1998, 2015; Фаттахова, 2018].

Анализ русской поэзии первой половины XX века показал, что поэтические тексты содержат гиперболы с метафорическим переносом наименования одних объектов на другие следующих видов:

1. Метафорический перенос, в результате которого *свойства неживого предмета приписываются живому существу (человеку, животному)*. Например, в поэме В.В. Маяковского «Хорошо» гиперболически описывает особенности внешности костных обывателей:

*А потом
топырили
глаза-тарелины
в длинную
фамилий
и званий тропу.*

[Маяковский, 1958, Т.8, с. 302].

В данном фрагменте произведения В.В. Маяковского представленная гипербола *глаза-тарелины* используется для обозначения неправдоподобных размеров глаз: человеческому органу приписывается величина неживого объекта – тарелок большого размера. В процессе смыслообразования гиперболы возникают категориальное противоречие, которое является следствием того, что во взаимодействие вступают смысловые элементы разных глобальных категорий: «человек» и «предмет». На семантическом уровне противоречие в структуре данной гиперболы

представляет собой оппозицию несовместимых сем, семных комплексов ядра значения слов-компонентов гиперболы: 'живой', 'орган человека', 'находящийся на лице' (*глаза*) и 'неживой предмет', 'столовая посуда' (*тарелины*). Обостряется семантическое противоречие между семами, вербализирующими размер: 'небольшие' (потенциальная сема слова *глаза*) и 'очень', 'большие' (*тарелины*). Смысловое структурирование гиперболы сопровождается глобальной перекаатегоризацией слова *тарелка*, которое начинает соотноситься с глобальной категорией «абстрактное понятие», и ее субкатегорией «размер». Семантическое преобразование слова тарелины приводит к тому, что его значение утрачивает семы, вербализующие признаки предмета посуды, и слово приобретает значение 'очень большого размера'.

2. Метафорический перенос, в результате которого *свойства живого существа (человека, животного) приписываются неживому предмету*. Так, в стихотворении В.В. Маяковского «Сволочи» гиперболизировано описываются свойства технического предмета:

*«Хлеба!
Хлебушка!
Хлебца!»*
Радио ревет за все границы.
*И в ответ
за нелепицей нелепица
сыплется в газетные страницы.*
[Маяковский, 1957, Т. 4, с. 16].

В данном отрывке техническому предмету (*радио*) приписано свойство дикого животного (*ревет*), что является основой формирования категориального противоречия. Компоненты гиперболы принадлежат к разным глобальным категориям «предмет» и «природа», поэтому происходит обострение между смысловыми элементами субкатегорий данных

глобальных категорий «технический объект» и «свойства животного». В семантической структуре также возникают противоречивые семы, семные комплексы: ‘свойства технического устройства’, ‘сигнал’ (*радио*) и ‘свойства живого существа’, ‘животный звук’ (*ревет*). Обостряется и противоречие между смысловыми элементами, вербализирующими количественный признак: звучанию радио приписывается неправдоподобная громкость рева животного, который может быть услышан за пределами всех границ. В процессе переосмысления происходит перекатегоризация слов *ревет*, *за все границы*, в результате которой они начинают соотноситься с глобальными категориями «предмет» (*ревет*), «абстрактные понятия» (*за все границы*). Преодоление семантических противоречий происходит вследствие изменения значений данных слов: слово *ревет* приобретает значение ‘издает сигнал’, а *за все границы* начинает обозначать ‘очень, чрезмерно громко’.

3. Метафорический перенос, в результате которого *свойства природных явлений, объектов природы приписываются живым существам*. Например, в произведении «Париж» В. Я. Брюсов метафорически описывает, как вечерние улицы города заполняются большим количеством людей:

*Сверкали фонари, окутанные пряжей
Каштанов царственных; бросали свой призыв
Огни ночных реклам; летели экипажи,
И рос, и бурно рос глухой людской прилив.
И эти тысячи и тысячи прохожих
Я сознавал волной, текущей в новый век.
[Брюсов, 1955, Т.1, с. 162].*

Смыслообразование гиперболы *и рос, и бурно рос людской прилив* сопровождается формированием категориального противоречия: во взаимодействие вступают смысловые элементы глобальных категорий «человек» и «природа», в результате которого совокупности людей приписываются признаки такого природного явления, как прилив – подъем

уровня воды в океане или море. На семантическом уровне в противоречие вступают смысловые элементы 'живые существа', 'обладающие мышлением', 'способные говорить' (*людской*) и 'природное явление', 'подъем уровня воды' (*прилив*). В противоречие вступают и семы, вербализирующие размеры людской толпы и водного пространства (океана или моря). Категориальные и семантические противоречия преодолеваются в результате перекатегоризации и переосмысления значения компонента гиперболы *прилив*. Данное слово начинает соотноситься с категорией «человек» и приобретает значение 'прибытие большого количества людей'.

4. Метафорический перенос, в результате которого *свойства живых существ приписываются абстрактному понятию*. Так, в поэме-сказке «Молодец» М.И. Цветаевой абстрактное понятие о временном отрезке описывается как живое существо:

Час – тысячегруд,

Час – тысячеуст.

Все мороки дружб,

Все промахи чувств.

[Цветаева, 1994, Т. 3, с. 305].

В процессе смыслообразования гипербол *час – тысячегруд, час – тысячеуст* обостряется категориальное противоречие, так как во взаимодействие вступают смысловые элементы глобальных категорий «абстрактное понятие» и «человек», и абстрактному понятию о таком временном отрезке, как час, приписываются признаки живого существа – обладание грудью и устами. На семантическом уровне в противоречие вступают смысловые элементы 'абстрактное понятие', 'единица измерения', 'времени' (*час*) и 'живое существо', 'часть тела' (*тысячегруд, тысячеуст*). Неправдоподобным оказывается и количественная характеристика упомянутых частей тела. Категориальное и семантическое противоречия преодолеваются в результате переосмысления слов *тысячегруд, тысячеуст*,

утрачивающих семы, вербализирующих представления о частях тела, и точные количественные характеристики.

Или в произведении И. Северянина «Никчемная» используется гипербола, основанная на метафорическом переносе, вследствие которого абстрактному понятию приписываются признаки крупной змеи:

Ты меня совсем измучила, может быть, сама не ведая;

Может быть, вполне сознательно, может быть, перестрадав;

Вижусь я с тобой урывками: разве вместе пообедаю

*На глазах у всех и каждого, — и опять **тоска-удав**.*

[Северянин, 1995, Т.1, с. 376].

Смыслообразование гиперболы **тоска-удав** сопровождается возникновением категориального противоречия между смысловыми элементами двух глобальных категорий «абстрактное понятие» и «природа», и абстрактному понятию «тоска» приписываются признаки крупной хищной змеи, обитающей в тропических странах, пустынях и степях и обвивающей, душащей свою жертву во время охоты. На семантическом уровне в противоречие вступают смысловые элементы 'абстрактное понятие', 'чувство человека', 'гнетущее', 'тяжелое' (*тоска*) и 'живое существо', 'пресмыкающееся', 'удушающее' (*удав*). Гиперболическая семантика основывается на преувеличении интенсивности признака тяжести переживаний лирического героя, которого тоска чрезмерно гнетет и «душит», не позволяет дышать свободно. Категориальное и семантическое противоречия преодолеваются в результате переосмысления слова *удав*, утрачивающего архисему, дифференциальные семы и приобретающего значение 'очень сильная, не позволяющая свободно дышать' тоска.

5. Метафорический перенос, в результате которого *свойства неживых предметов приписываются абстрактному понятию*. Например, в произведении В.В. Маяковского «Про это» описывается удивительная скорость связи людей, использующих для общения телефон:

Дыры
сверля
в доме,
взмыв
Мясницкую
пашней,
рвя
кабель,
номер
пулей
летел
барышне.

[Маяковский, 1957, Т. 4, 142-143].

Смысловое структурирование гиперболы *номер пулей летел* сопровождается обострением категориального противоречия между смысловыми элементами глобальных категорий «абстрактное понятие» и «предмет»: абстрактному понятию «порядковое число» приписываются признаки материального объекта – признаки свинцового заряда для малого огнестрельного оружия. На семантическом уровне обостряются противоречия между семами, семными комплексами ‘абстрактное понятие’, ‘число’ (*номер*) и ‘материальный предмет’, ‘свинцовый’, ‘заряд’, ‘для оружия’, ‘способность перемещаться по воздуху’ (*пуля*). Разрешение категориальных и семантических противоречий происходит в результате перекатегоризации и семантического преобразования сочетания слов *пулей летел*, которое начинает соотноситься с глобальной категорией «абстрактное понятие» и его субкатегорией «скорость», приобретая значение ‘очень быстро передаваться, доноситься’.

6. Метафорический перенос, в результате которого *свойства природных явлений, объектов природы приписываются абстрактному*

понятию. Например, в произведении О. Э. Мандельштама «Рождение улыбки», описывая детскую улыбку, поэт связывает образ ребенка с чистотой, светом и бесконечностью:

*Когда заулыбается дитя
С развилкой и горечи, и сласти,
Концы его улыбки не шутя
Уходят в океанское безвластье.*
[Мандельштам, 2020, Т.1, с. 184).

Смыслообразование гиперболы *океанское безвластье* сопровождается обострением категориальных противоречий: отвлеченному понятию «безвластие» приписываются признаки природного объекта – огромного водного пространства, окружающего материки и острова. На семантическом уровне в противоречие вступают смысловые элементы ‘абстрактное понятие’, ‘отсутствие права’, ‘права управлять’ (кем-либо или чем-либо) (*безвластье*) и ‘природный объект’, ‘водный’, ‘омывающий материки’, ‘омывающий острова’, ‘большого размера’ (*океанский*). Противоречия на категориальном и семантическом уровнях разрешаются в результате перекатегоризации и семантического изменения слова *океанский*, которое начинает соотноситься с категорией «абстрактные понятия» и приобретает значение ‘полное, проявляющееся абсолютно’.

7. Метафорический перенос, в результате которого *свойства природных явлений, объектов природы приписываются неживому предмету.*

*Лишь строки-улицы в ночь рядятся,
маскированные **домами-горами**,
мы
клоним головы в штабах редакций
над фоно-теле-радио-граммами.*
[Маяковский, 1957, Т. 4, с. 58].

Смыслообразование гиперболы *домами-горами* сопровождается обострением категориальных противоречий: объекту глобальной категории «предмет» приписываются признаки природного объекта – значительной возвышенности, огромного холма. На семантическом уровне в противоречие вступают смысловые элементы ‘строение’, ‘многоэтажное’ (*дом*) и ‘природный объект’, ‘возвышенность’, ‘холм’ (*гора*). Изменения в смысловой структуре компонентов гиперболы, приводящее к разрешению противоречий, заключаются в перекатегоризации и семантическом переосмыслении слова *горы*. Данное слово начинает соотноситься с глобальной категорией «абстрактное понятие», субкатегорией «размер» и приобретает значение ‘очень большие, высокие’.

8. Метафорический перенос, в результате которого *свойства неживых предметов приписываются неживым предметам другой категории*. Например, в произведении «Во весь голос» В.В. Маяковский с помощью гиперболы высмеивает внешний вид тех ученых, которые будут изучать его творчество:

Профессор,

снимите очки-велосипед!

Я сам расскажу

о времени

и о себе.

[Маяковский, 1958, Т. 10, с. 279].

В процессе смыслообразования гиперболы *очки-велосипеды*: во взаимодействие вступают смысловые элементы субкатегорий «оптический прибор» и «средство передвижения» одной глобальной категории «предмет», в результате чего формируется субкатегориальное противоречие: очкам приписываются признаки средства передвижения с большими колесами, приводимого в движение ногами. Семантическое противоречие обостряется между смысловыми элементами ‘оптический прибор’, ‘с круглыми

стеклами’, ‘на дужке’ (*очки*) и ‘транспорт’, ‘двухколесный’, ‘приводимый в движение с помощью педалей’ (*велосипед*), а также в противоречие вступают количественные потенциальные семы ‘маленькие’ стекла (*очки*) и ‘большие’ колеса (*велосипед*). Категориальное и семантическое противоречия преодолеваются в результате перекатегоризации и семантического изменения слова *велосипед*, которое начинает соотноситься с субкатегорией глобальной категории «абстрактное понятие» – категорией «размер», и обозначать ‘очень большого размера’.

Как показал анализ русской поэзии первой половины XX века, гиперболы с метафорическим переносом используются гораздо чаще, чем гиперболы с метонимическим переносом – переносом названия одного объекта на другой по ассоциативной или реальной смежности, а также их взаимозависимости или связанности [Москвин, 2017, с. 204]. Примерами гипербол с такого рода переносом могут послужить фигуры неправдоподобия в нижеследующих фрагментах поэтических произведений:

*Огромные вопросыци,
огромней слоних,
страна
решает
миллионнолобая.*

[Маяковский, 1958, Т. 10, с. 138].

*Родина, выплакав слезы обильные,
Спит, и во сне, как рабыня бессильная,
Ждет неизведанных мук.*

[Мандельштам, 2020, Т. 1, с. 228].

Формирование смысла гипербол *миллионнолобая страна решает вопросыци, Родина, выплакав обильные слезы* основано на метонимическом переносе названия места, территории, где человек родился, живет, на

людей, которые живут на этой территории. Категориальное противоречие обостряется в связи с приписываемым объектам категории «территория» признаков категории «человек». На семантическом уровне в противоречие вступают смысловые элементы 'неживой объект', 'территория', 'место проживания' (*страна*) и 'обладающая частями тела человека', 'обладающая миллионом лбов', 'решающая вопросы, проблемы', 'очень трудные вопросы' (*миллионолобая <...> решает вопросы*); 'неживой объект', 'территория', 'место рождения', 'место проживания' (*Родина*) и 'действие живого существа', 'способность изливать слезы', 'большое количество слез' (*выплакав обильные слезы*). Противоречие преодолевается вследствие перекатегоризации слов *страна*, *Родина*, которые начинают соотноситься с категорией «человек», а также слова *миллионолобая*, которое начинает соотноситься с категорией «абстрактное понятие», субкатегорией «количество». Семантическое противоречие разрешается путем переосмысления слов *страна* – 'люди, живущие на определенной территории', *Родина* – 'люди, живущие на территории, на которой они родились', *миллионолобая* – 'очень большое количество', в противоречие вступают количественные потенциальные семы 'маленькие' стекла (*очки*) и 'большие' колеса, (*велосипед*).

Исследователи поэтики русской литературы XX века отмечают, что нередко в поэтических текстах происходит сочетание метафорического и метонимического переноса в рамках одного сложного стилистического приема [Гаспаров, 1995; Виноградова, 1995; Воронина, 2016; Ковтунова, 1995; Фаттахова, 2018 и др.]. В ходе анализа произведений русских поэтов первой половины XX века нами были выявлены гиперболы, значение которых формируется в процессе сочетания метафорического и метонимического переносов названия одного предмета на другой. Например, в произведении В.В. Маяковского «Сволочи» поэт создает обобщенный образ врагов молодой Советской республики, которые ввели санкции, обрекая тысячи людей на голодную смерть. Испытывая неприязнь к

иностранным правительствам, не жалеющим ни детей, ни стариков, В.В. Маяковский использует безжалостную гиперболу, призывая пролетариат разных стран расправиться с жирующими иностранцами-капиталистами:

*Выбрав
место, где более больно,
пусть
по Америке –
по Северной,
по Южной –
**гонят
брюх ваших
мячище футбольный!***

[Маяковский, 1957, Т.4, с. 8].

Формирование смысла гиперболы *гонят брюх мячище футбольный* основано на метонимическом переносе названия части тела на человека в целом и на метафорическом переносе, в результате которого части тела называются футбольным мячом. В процессе смыслообразования гиперболы образуется сложный комплекс категориальных противоречий: объектам категории «человек» приписываются признаки объекта субкатегории этой глобальной категории – «часть тела человека» (*брюха*), которому в свою очередь приписываются признаки объекта категории «предмет» (*мячище футбольный*). Семантическое противоречие обостряется между смысловыми элементами ‘живое существо’, ‘часть тела’, ‘содержащее внутренние органы’ (*брюхо*) и ‘неживой предмет’, ‘полый шар’, ‘круглый’, ‘используемый для игры в футбол’, ‘большого размера’ (*мячище футбольный*). Категориальное и семантическое противоречия преодолеваются вследствие перекатегоризации компонентов гиперболы, а также их семантического

переосмысления, в результате которого гипербола приобретает значение ‘люди с очень большими животами’.

Как показал анализ, в произведениях русских поэтов первой половины XX века гипербола является одним из часто используемых средств, позволяющих красочно, ярко, эмоционально выразить отношение автора к описываемым предметам, явлениям, событиям. Менее частотным, но не менее ярким и эмоциональным в русских поэтических текстах анализируемого периода являются фигуры неправдоподобия, состоящие в преуменьшении или смягчении признака объекта номинации, – литоты.

3.2.2. Смыслообразование литот в стихотворениях русских поэтов первой половины XX века

Как и гиперболы, литоты разделяют на относительные и абсолютные [Сковородников, 2007, с. 42; Крысин, 1997, с.80]. Оба типа литот встречаются в произведениях русских поэтов первой половины XX века. Например, в произведениях В.В. Маяковского «Мосельпром» и «Давиду Штеренбергу – Владимир Маяковский» содержатся разные по степени нарушения обыденных представлений о количественных признаках объектов:

Бросишься угощать,

*а в доме **ни крошки**.*

Хлеб высох,

масло поели кошки.

[Маяковский, 1957, Т.5, с. 306].

Собрание!

Митинг!

Речью сотой,

*призвав на помощь **крошки-руки**,*

*выхваливаете ком красоты
на невозможном волапюке.*

[Маяковский, 1957, Т.4, с. 80].

В первом отрывке литота (*в доме еды*) **ни крошки** номинирует маловероятное, но все-таки возможное количество объекта, поэтому данная фигура неправдоподобия является относительной литотой. Во втором фрагменте литота **крошки-руки** номинирует объект, количественный признак которого уменьшен до невероятных, неправдоподобных размеров, поэтому данную стилистическую фигуру можно отнести к абсолютным литотам.

Относительные литоты отличаются тем, что в их структуре содержатся разные средства выражения литотного значения. Наиболее часто таким средством выступают специальные слова, к которым относятся, например, слова *чуть-чуть* или *чуть*. Так, в стихотворении В.В. Маяковского «Что такое II Интернационал?..» представлена литота, выраженная специальными словами:

Что такое II Интернационал?

*Это **чуть-чуть** (на версту)*

правей коммунистов

*и **чуть-чуть** (на вершок)*

левее кадетов.

[Маяковской, 1957, Т. 3, с. 317].

В стихотворении М. И. Цветаевой «Девочка-смерть» с помощью литоты *чуть-чуть запылен* поэтесса создает образ смерти, акцентируя внимание читателя на детали: *запыленные башмаки*, что говорит о быстроте действия.

На тоненькой шее дрожит медальон,

Румянец струится вдоль щек,

*И видно бежала: **чуть-чуть запылен***

Ее голубой башмачок.

[Цветаева, 1994, Т.1, с.69].

Следует отметить, что проводником значения преуменьшения в произведениях русских поэтов первой половины XX века нередко выступают такие специальные слова, как **немного, мало, мало-мальски, мало-помалу, едва, маленький, небольшой**: *Ставленник японских капиталистических банд / Немного сил / потратьте на этого,/ один удар, – и нет его* [Маяковский, 1957, Т. 3, с. 794]; *И напроказничав в мечталенке, \ Взглянув кокетливо в трюмо, \ запрячется в конвертик маленький, \ В котором ты пошлешь письмо...* [Северянин, 1995, Т. 4, с. 48]; *Дальше – еще не припомню – и дальше как будто оборвано: /Пахнет **немного** смолою да, кажется, тухлою ворванью* [Мандельштам, 2020, Т. 1, с. 138]; *Мысль засеет и выжнем. Вперед! /Но этого **мало**. <...> /Новым чувством мысль будоражь! Но и этого **мало*** [Маяковский, 1957, Т. 5, с. 145]; *Ветер снежинками ранними веет / **Едва-едва*** [Ахматова, 1998, Т. 1, с. 48]; *И потом, **едва** заметная, / Тонкий полог подняла* [Блок, 1997, Т. 2, с. 66]. *И вот, –/ сначала **прошелся/ едва-едва**, потом забегал, / взволнованный, четкий* [Маяковский, 1955, Т. 1, с. 178].

Все вышеперечисленные слова, участвующие в выражении литотного значения, являются экспрессивами, которые не формируют необычного, невероятного образа. Литоты, образованные исключительно на основе этих слов, не являются ЕЛНК, так как не представляют собой сочетания слов с противоречивыми смысловыми элементами. Только если эти слова являются частью гиперболы, в которой содержатся другие переосмысленные компоненты со значением уменьшения. Например, в стихотворении «Горб» В.В. Маяковский описывает внешний вид извозчика с помощью литоты:

*Всё было как всегда,
и лишь
ушел **извозчик** в горб.*

*В чуть видный съежился комок,
умерен в вёрстах езд.*
[Маяковский, 1957, Т. 5, с. 138].

В данном контексте в состав литоты входят противоречащие друг другу компоненты: *извозчик* <...> *чуть видный съежился комок*. Слово *чуть* выступает не основным носителем литотного значения, а лишь подчеркивает, усиливает неправдоподобные количественные характеристики объекта номинации – уменьшение извозчика до размеров комка. В смыслообразовательном процессе литоты отмечается обострение противоречия между компонентами, принадлежащими разным категориям: «человек» и «предмет»: человеку приписывается способность уменьшаться до размера небольшого кома. В семантической структуре стилистической фигуры в противоречие вступают смысловые элементы: ‘живое существо’, ‘кучер’, ‘управляющий повозкой’ (*извозчик*) и ‘неживой предмет’, ‘кусочек’, ‘очень маленького размера’ (*чуть видный комок*). Преодолеваются категориальное и семантические противоречия за счет перекатегоризации и переосмысления сочетаний слов *чуть видный комок*, которое начинает соотноситься с глобальной категорией «абстрактные понятия», субкатегорией «размер» и элементы литоты *чуть видный съежился комок* приобретает значение ‘становиться очень маленьким’.

Крайне редко встречаются в русской поэзии первой половины XX века литоты, основанные на двойном отрицании. Примером такого вида литоты могут послужить фрагменты произведения В.В. Маяковского:

*Дело ясное –
оно не без сглазу.*
*Ты
вокруг коровы пегой
возьми*

и на ножке одной

побегай.

[Маяковской, 1957, Т. 5, с. 206].

Нам

необходим

не безголовый рекордист

нужен

массу поднимающий

спортсмен.

[Маяковской, 1958, Т. 9, с. 177].

В первом фрагменте стихотворения В.В. Маяковского «Ни знахарство, ни благодать бога в болезни не подмога» литотой является фигура с двойным отрицанием *оно не без сглазу*, в произведении «Товарищи, поспорьте о красном спорте» – ***не безголовый рекордист***. Обе стилистические фигуры строятся на отрицании отрицательного признака, что приводит к выражению положительного признака. Важно отметить, что только вторую литоту можно отнести к ЕЛНК, так как в ее составе содержатся логически несовместимые компоненты *безголовый рекордист* и в процессе смыслообразования этой фигуры обостряются категориально-семантические противоречия, которые разрешаются и за счет двойного отрицания, и за счет переосмысления слова *безголовый*.

Описывая способы образования литот, исследователи данных стилистических фигур выделяют структурный способ, предполагающий образование языковых единиц со значением преуменьшения с помощью ряда суффиксов и приставок [Клюшина, 2022, с. 3190; Харченко, 2019, с. 274-276 и др.]. К морфемам, участвующим в формировании литот, относят уменьшительно-ласкательные суффиксы (*-ик-*, *-чик-*, *-оват-*, *-еват-*, *-евит-*, *-еньк-*, *-оньк-*, *-ушк-*, *-юшк-*, *-ок-*, *-к-*, *-оч-*, и др.) и приставки со значением неполноты действия (*при-*, *под-*), которые присоединяются к глаголам,

причастиям и деепричастиям. Такого рода литоты нередко используются русскими поэтами первой половины XX века: *Чего/ в ползках, /в шажочках увяз,/чуть движешь/ пятипудовики у́шины?* [Маяковский, 1957, Т. 5, с. 150]. *Как щелочка, чернеет переулочек. /Садятся воробьи на провода* [Ахматова, 1998, Т. 1, с. 494]. *Стали ночи теплее, подтаивал снег, /Вышла я поглядеть на луну* [Ахматова, 1998, Т. 1, с. 281]. *Сажусь в курьерский – и домой./ Бурлюк с Володей тоже что-то / Ворчат по поводу помой / И горе-купчиков* [Северянин, 1995, Т. 3, с. 263]. *Глаза его –/ божьего/ глаза / ярче,/ и в каждом /вместо зрачка – доллárчик* [Маяковский, 1957, Т. 5, с. 263]. *И снова / вода / присмирела / сквозная, /и нет / никаких сомнений ни в ком* [Маяковский, 1957, Т. 7, с. 19]. *Негр / посопел подбитым носом, / поднял щётку, / держась за скулу* [Маяковский, 1957, Т. 7, с. 37]. *Когда могильщик бьет лопатой / По глыбам глины желтоватой* [Блок, 1999, Т. 5, с. 55].

Анализ литот, образованных с помощью вышеперечисленных морфем, показал, что не все стилистические фигуры такого рода можно отнести к ЕЛНК. Например, литоты *подбитым носом, подтаивал снег, глины желтоватой* не являются ЕЛНК, потому что не содержат компоненты с взаимоисключающими смысловыми элементами и в ходе их смыслообразования не формируются категориально-семантические противоречия. Литоты *в шажочках увяз, горе-купчиков, вместо зрачка – доллárчик, вода присмирела* образуются из слов, в значении которых содержатся несовместимые смысловые элементы, и для смыслообразования таких единиц свойственны категориальное и семантические противоречия. Например, в произведении «Издевательство летчика» В.В. Маяковский использует литоту *в шажочках увяз* и с помощью уменьшительно-ласкательного суффикса -очк- создает образ, вызывающий пренебрежение. Литота является ЕЛНК, так как содержит слова, объединение в стилистической структуре которых приводит к возникновению категориальных и семантических противоречий: человеку одновременно приписывается способность делать движения ногами, идти и неспособность

передвигаться, делать движения ногами, застряв в чем-то вязком, липком. На семантическом уровне в противоречие вступают смысловые элементы ‘способность двигаться’, ‘движение ногами’ (*шажочки*) и ‘отсутствие двигательной способности’, ‘застрял’, ‘статичное положение ног’ (*увяз*). Субкатегориальное и семантическое противоречия преодолеваются в ходе переосмысления слова *увяз*, которое начинает соотноситься с категорией «движение человека» и приобретает значение ‘двигаться медленно, хаотично, мелкими шагами’.

Еще одним способом образования литот, отмеченных в научно-исследовательской литературе, является употребление устойчивых выражений со значением преуменьшения [Харченко, 2019, с. 275]. Примерами таких литот могут служить следующие высказывания: *попробовать хоть на один зубок* – ‘осуждать кого-либо/что-либо, делая это объектом насмешки’ [Баранов, 2020, с. 253], *остаются считанные минуты* – ‘очень недолго; короткий промежуток времени’ [Баранов, 2020, с. 436], *до этого места рукой подать* – ‘очень близко, совсем рядом’ [Баранов, 2020, с. 579], *счастье не за горами* – ‘указание на то, что некоторое важное событие – положительное или отрицательное – скоро состоится’ [Баранов, 2020, с.141]. Устойчивую единицу по праву можно называть литотой, если она содержит хотя бы один из элементов преуменьшения.

Литоты-фразеологизмы, как и гиперболы-фразеологизмы, не очень часто, но все же встречаются в произведениях русских поэтов первой половины XX века: *Без гроша /В кармане Липа, пореша / Спасти родителей от смерти, / Истратив бывшее в конверте* [Северянин, 1995, Т. 3, с. 346]. *Сколько стоят пустые стихи – / На твой взгляд эта пестрая ложь? / Ничего или ломаный грош...* [Северянин, 1995, Т. 2, с. 430]. – *Голубка, в доме – ни гроша! / – Зато пшеница хороша:/Ее продавай, / Меня выдавай!* (Цветаева, 1994, Т. 2, с. 403). *Труд ручной – / возня мышинная. / К социализму / доедем машиною* [Маяковский, 1957, Т. 6, с. 183].

Фигуры неправдоподобия, семантика которых основана на значении фразеологизированных литот или гипербол, не относятся к ЕЛНК, так как их значение является результатом переосмысления в процессе фразеологизации и выражает обобщенное представление о количественных признаках предметов и явлений: *без гроша в кармане* – ‘совсем, совершенно без денег’ [Федоров, 2008, с. 159], *гроша ломаного* – ‘никаких денег’ [Федоров, 2008, с. 160], *ни гроша* – ‘совсем нет денег’ [Федоров, 2008, с. 160], *возня мышиная* – ‘мелочные, пустые хлопоты, заботы’ [Федоров, 2008, с. 86]. Особым случаем являются фразеологические единицы, которые в поэтическом тексте модифицируются. Например, в произведении В.Я. Брюсова «Гребень волны» используется фразеологическая единица, значение которой подвергается буквализации:

*Я – капля в море! Назад отринут,
Кружусь в просторе, – но не исчез.
И буду бурей снова вскинут
Под вечным куполом небес!*
[Брюсов, 1955, Т. 1, с. 411].

Компоненты фразеологизма *капля в море* – ‘ничтожно мало чего-либо в сравнении с чем-либо’ [Федоров, 2008, с. 286] – в контексте стихотворения перестают быть десемантизированными элементами и приобретают свое первичное значение: *капля* – ‘маленькая частица какой-либо жидкости, принявшая округлую форму’ [БАС, 1956, Т. 5, с.783], *море* – ‘часть океана – большое водное пространство, более или менее окруженное сушей’ [БАС, 1957, Т. 6, с.1259]. Поэтому в процессе смыслообразования литоты *я – капля в море* обостряется категориальное противоречие, так как человеку (лирическому герою) приписываются свойства и размер маленькой частички моря.

Гораздо чаще, чем остальные стилистические фигуры со значением преуменьшения, в произведениях русских поэтов первой половины XX века

используются литоты-ЕЛНК, образуемые путём метафорического переноса наименования одного объекта на другой. Так, в произведении В.В. Маяковского «Рассказ про то, как узнал Фадей закон, защищающий рабочих людей» используется литота для наименования капиталистов, считавших себя хозяевами жизни:

Где хозяйская спесь?

Присмирел, как зайчик,

*под рукой рабочих **волк-хозяйчик**.*

[Маяковской, 1957, Т. 5, с. 338].

Литота **волк-хозяйчик** формируется вследствие метафорического переноса наименования животного на человека. В процессе смыслообразования данной стилистической фигуры обостряется глобальное категориальное противоречие, так как во взаимодействие вступают смысловые элементы категорий «природа» и «человек»: человеку приписываются признаки животного. На семантическом уровне в противоречие вступают семы и семные комплексы ‘человек’, ‘собственник’, ‘владелец хозяйства’ (*хозяйчик*) и ‘животное’, ‘хищное’, ‘семейства псовых’ (*волк*). Важно подчеркнуть, что значение слова *хозяйчик* содержит выраженную суффиксом сему ‘маленький’, и коннотативные семы, выражающие положительную оценку и хорошие эмоции. Эти смысловые элементы вступают в противоречие с потенциальной семой слова *волк* ‘большое животное’ и коннотативными семами, выражающими отрицательную оценку и негативные эмоции. Категориальные и семантические противоречия преодолеваются путем перекатегоризации и семантического переосмысления слова *волк*, которое становится номинацией субъекта категории «человек» и приобретает значение ‘суровый, жестокий, недружелюбный человек’.

Как показал анализ, литоты-ЕЛНК могут образовываться путём метафорического переноса на основе преуменьшения качественного или количественного признака. Примером первого типа переноса может послужить стилистическая фигура со значением преуменьшения в произведении О.Э Мандельштама «Полночь в Москве»:

*Уж до чего шероховато **время**,
А все-таки люблю за хвост его ловить:
Ведь в беге собственном оно не виновато
Да, кажется, **чуть-чуть жуликовато**.*

[Мандельштам, 2020, Т.1, с. 140].

Смысловое структурирование литоты ***время чуть-чуть жуликовато*** сопровождается обострением категориального противоречия между смысловыми элементами глобальных категорий «абстрактное понятие» и «человек»: времени приписываются признаки человека – способность мошенничать, свершать преступные деяния. Обостряется противоречие и на семантическом уровне, потому что во взаимодействие вступают семы, семные комплексы ‘абстрактное понятие’, ‘мера длительности’, ‘последовательная смена минут, часов и т.п.’ (*время*) и ‘признак действия человека’, ‘мошенника’, ‘признак преступления’ (*жуликовато*). Категориальное и семантическое противоречия преодолеваются потому, что слово *жуликовато* подвергается перекатегоризации, начиная соотноситься с категорией «признак абстрактного понятия», и семантического переосмысления, в результате которого все смысловые элементы, вербализирующие признаки человека, имплицитуются, и на их месте формируются смысловые элементы, характеризующие время: ‘незаметно протекает’, ‘вводит в заблуждение’.

Примером литот, образованных вследствие переноса на основе преуменьшения количественного признака, может послужить стилистическая фигура в стихотворении В.В. Маяковского «О том, как некоторые втирают

очки товарищам, имеющим циковские значки», в котором поэт создает метафорический образ очереди, намеренно преуменьшая количество стоящих людей, сравнивая длину очереди с длиной воробьиного носа:

*И рта закрыть не успели,
а слева
несет резолюцию
какая-то дева...
Очередь?
Где?
Какая очередь?
**Очередь –
воробьиного носа короче.***

[Маяковский, 1957, Т. 7, с. 491].

В словообразовании ЕЛНК *очередь – воробьиного носа короче* участвуют компоненты, принадлежащие к разным субкатегориям: «люди» и «птица», относящимся к глобальным категориям «человек» и «природа». Категориальное противоречие заключается в несопоставимости количества людей с размером птичьего клюва. На семантическом уровне противоречие обостряется между потенциальными смысловыми элементами, вербализирующими представление о размере объектов: ‘большого размера’, ‘длинная’ (*очередь*) и ‘маленького размера’ (*воробьиный нос*). В процессе перекатегоризации и семантического переосмысления сочетания слов *воробьиного носа короче* происходит разрешение категориальных и семантических противоречий, и данная часть литоты приобретает значение ‘очень, чрезмерно маленькая’, соотносясь с глобальной категорией «абстрактные понятия».

Описывая семантические группы фразеологизмов, основанных на литоте, М.В. Прокопова и Е.Н. Ермакова разработали типологию [Прокопова, 2022], которая с дополнениями может быть применена и для

описания разных типов свободносинтаксических литот. В русских поэтических произведениях первой половины XX века поэты нередко прибегают к использованию литот, которые в результате метафорического переноса приобретают следующие значения:

1. Литоты со значением ‘малое количество’ или ‘полное отсутствие чего-либо’. Например, в стихотворении И. Северянина «Пушкин – мне» используется литота с первым значением, а в произведении «Поэза лесной опушки» во втором значении:

Не так уж сладко было нам

Переносить вражду и срам

*И **получать** за песни **крохи**.*

[Северянин, 1995, Т. 4, с. 572].

Ты бродила на опушке леса, –

Девушка без крови и без веса...

[Северянин, 1995, Т. 2, с. 235].

В первом отрывке смыслообразование литоты ***получать крохи*** сопровождается обострением категориального противоречия, потому что такому объекту, как деньги, приписываются признаки мельчайших кусочков какого-либо вещества. Данное противоречие преодолевается вследствие перекатегоризации слова *кроха*, которое начинает соотноситься с абстрактной категорией «количество». На семантическом уровне обостряется простое противоречие между довербальными смысловыми элементами представления о денежных знаках и семами значения слова *крохи*. Это противоречие преодолевается в процессе переосмысления данного слова и приобретения им значения ‘небольшого количества денег’.

Во втором фрагменте формирование смысловой структуры литоты ***девушка без крови и без веса*** сопровождается образованием категориального противоречия: Абстрактному понятию «поэза» приписываются признаки

девушки, но при этом лишённого таких сущностных признаков живого существа, как наличие крови и веса. На семантическом уровне обостряется противоречие между смысловыми элементами 'наличие крови', 'наличие веса' (*девушка*) и 'отсутствие крови' (*без крови*), 'отсутствие тяжести, веса', (*без веса*). Данные противоречия разрешаются вследствие перекатегоризации и переосмысления слова *девушка*, которое приобретает значение 'стихотворение'.

2. Литоты со значением 'непродолжительное время'. Например, в стихотворении «Первые коммунары», сравнивая способность держать удар французских и советских коммунаров, В.В. Маяковский использует литоту для описания кратковременного пребывания у власти первых:

*Они продержались
горсточку дней –
мы
будем
держаться столетья.*

[Маяковский, 1957, Т. 8, с. 110].

Литота *горсточку дней* в данном контексте указывает на малое количество времени. В смыслообразовании данной ЕЛНК можно выделить противоречие на категориальном и семантическом уровнях. Категориальное противоречие обостряется, потому что во взаимодействие вступают смысловые элементы разных глобальных категорий «человек» и «абстрактное понятие», субкатегорий «часть тела» и «время», вследствие чего абстрактному понятию «время суток» приписываются признаки такой части тела человека, как ладонь, сложенная таким образом, что ею можно что-то зачерпнуть, захватить. На семантическом уровне несовместимость таких сем, как 'живое существо', 'часть тела', 'жменя' (*горсточка*) и 'абстрактное понятие' 'время суток' 'от утра', 'до вечера' приводит к возникновению логического противоречия. Однако в процессе

смыслообразования литоты происходит перекатегоризация и семантическое изменение слова *горсточка*, оно начинает соотноситься с абстрактным понятием «время» и обозначать ‘мало, недостаточно, очень непродолжительное время’.

3. Литоты со значением ‘малый размер’. Например, в стихотворении А.А. Блока видим, как поэт с помощью явного преуменьшения размеров и без того маленького карлика создает образ смерти, явившегося после гибели ребенка:

*В голубой далекой спаленке
Твой ребенок опочил.
Тихо вылез **карлик маленький**
И часы остановил.*
[Блок, 1960, Т. 2, с. 83].

В процессе смыслообразования литоты **карлик маленький** категориальное противоречие проявляется в том, что абстрактному понятию «смерть» приписываются признаки живого существа – карлика. Довербальные смыслы понятия «смерть» противопоставляются вербализованным смысловым элементам ‘человек’, ‘маленький’, ‘ненормального роста’. Особенность семантической структуры данной литоты заключается в тавтологическом повторе, так как и в значении слова *карлик*, и в значении слова *маленький* содержится смысловой элемент ‘небольшого роста’, остальные семы значений данных слов в противоречие не вступают. В связи с этим анализируемую литоту отнести к единицам с простым семантическим противоречием.

Несколько иначе протекает процесс смыслообразования в стихотворении Б.Л. Пастернака «Венеция», в котором поэт с помощью литоты создает образ Венеции:

*Я был разбужен спозаранку
Щелчком оконного стекла.*

Размокшей каменной баранкой

В воде Венеция плыла.

[Пастернак, 2017, Т.1, с.11].

В смыслообразовании литоты *баранкой Венеция плыла* итальянский город сопоставляется с небольшим продуктом питания, что становится основанием возникновения категориального противоречия между компонентами таких категорий, как «продукт» и «город», относящихся к одной глобальной категории «предмет», включающей все неживые материальные объекты. В данном контексте литотота вступает во взаимодействие с метафорой, создавая уникальный образ. Категориальное противоречие проявляется в том, что населенному пункту приписываются признаки булочного изделия в виде кольца. Как видим, несопоставимые, на первый взгляд, компоненты создают непонимание, граничащее с нарушением логики, однако последующая перекатегоризация способствует нивелированию противоречия. Семантический уровень анализируемой ЕЛНК также содержит несовместимые семы и семные комплексы: ‘продукт питания’, ‘хлебец’, ‘круглый’ (*баранкой*) и ‘населенный пункт’, ‘провинция’, ‘итальянская’ (*Венеция*). Важно обратить внимание и на то, что на семантическом уровне обостряется противоречие и между потенциальными семами, вербализирующими размер: ‘маленький’ (*баранкой*) и ‘большой’ (*Венеция*). В ходе смыслообразования данной литоты образуется сложное семантическое противоречие, которое разрешается переосмыслением слова *баранкой*, приобретающего значение ‘маленький круглый объект’.

4. Литоты со значением ‘маленькая скорость действия’. К литотам данного типа можно отнести те стилистические фигуры, в которых присутствуют глаголы движения. Пример подобного рода литоту можно найти в произведении И.Северянина «Поэт маковых полей»:

Как серебряные черепахи,

В полднелень проползают серпы...

*Сколько бодрости мягкой во взмахе
Струнно-млеющей девьей стопы!*
[Северянин, 1995, Т. 2, с. 204].

Литота *проползают серпы* номинирует очень медленную работу в поле в полдень. Смыслообразование данной фигуры неправдоподобия сопровождается возникновением категориального противоречия: неживым объектам – серпам – приписывается способность самостоятельно передвигаться, перемещаться. В противоречие на семантическом уровне вступают смысловые элементы ‘неживой предмет’, ‘сельхозорудие’, ‘ручное’, ‘для срезания хлебных злаков’ (*серпы*) и ‘свойство живого объекта’, ‘перемещаться’, ‘касаясь телом земли’, ‘медленно’ (*проползают*). Перекатегоризацией и семантическим переосмыслением слова *проползают* обусловлено преодоление категориально-семантических противоречий. После данных процессов слово *проползают* начинает соотноситься с категорией «свойство неживого объекта» и приобретает значение ‘очень медленно срезать под корень растения’.

5. Литоты со значением ‘преуменьшение силы’. Например, в произведении «По твердому гребню сугроба» А.А. Ахматова использует такого типа фигуру неправдоподобия:

*И слаще всех песен пропетых
Мне этот исполненный сон,
Качание веток задетых
И шпор твоих легонький звон.*
[Ахматова, 1998, Т. 1, с. 296].

В процессе смыслообразования литоты *легонький звон* возникает категориальное противоречие: такому физическому явлению, как звук, приписывается способность материального объекта – обладать весом. Несмотря на многозначность прилагательного *легкий*, в анализируемом

контексте оно используется в значении ‘небольшой вес’. На семантическом уровне в противоречие вступают смысловые элементы ‘физическое явление’, ‘звук’, ‘издаваемый при ударе объектов’, (звон) и ‘свойство материального объекта’, ‘тяжесть объекта’, ‘очень маленькая’ (*легонький*). Категориально-семантические противоречия преодолеваются вследствие того, что слово *легонький* изменяет категориальную принадлежность и переосмысливается: слово *легонький* начинает соотноситься с абстрактной категорией «сила звука» и приобретает значение ‘маленькая сила звука’.

В ходе исследования было отмечено, что ЕЛНК с литотным значением может использоваться как для выражения отрицательной оценки явления, объекта номинации, так и вербализации положительной оценки. Например, в стихотворении В.В. Маяковского «Марксизм – оружие, огнестрельный метод. Применяй умеючи метод этот!» с помощью литоты поэт выражает свое отрицательное отношение к тем, кто штык использовал не по назначению:

*Штыками
двух столетий стык
закрепляет
рабочая рать.
А некоторые
употребляют **штык**,
**чтоб им
в зубах ковырять.***

[Маяковский, 1957, Т.7, с. 200].

В стихотворении В.В. Маяковского «Не юбилейте!» создан образ представителей народа, к которым поэт, несмотря на использование номинации со значением уменьшения – *пылинки*, – относится с уважением, а литота выражает положительную оценку объекта наименования:

*Не горюй, товарищ,
что бой измельчал:
— Глаз на мелочь! —
приказ Ильича.*

*Надо
в каждой пылинке
будить уметь
большевистского пафоса медь.
[Маяковский, 1957, Т. 7, с. 468].*

Когнитивно-семиологический анализ смыслообразования гипербол и литот в русской поэзии первой половины XX показал, что в ходе образования смысловой структуры фигур неправдоподобия могут обостряться глобальные категориальные противоречия (*саранча полсела набила в рот, горы времени, каменеют щеки, глаза-тарелины, крошки-руки, волк-хозяйчик* и др.) и субкатегориальные противоречия (*очки-велосипед*). Следует отметить, что стилистических фигур первого типа противоречий встретилось в проанализированных текстах намного больше. Обостряющиеся глобальные категориальные противоречия и нередко субкатегориальные противоречия разрешаются глобальной перекатегоризацией компонентов фигур неправдоподобия, то есть отнесением языковых единиц к другой глобальной категории. В ходе исследования этого процесса была выявлена следующая закономерность: при метафорическом или метонимическом переносе на основе количественного признака перекатегоризация слова с литотным или гиперболическим значением завершается соотносением данного слова с категорией «абстрактные понятия» и ее субкатегориями «мера», «размер», «скорость», «расстояние», «время», «количество» и др. количественные категории. Эти когнитивные изменения в смысловой структуре слов, участвующих в формировании гипербол и литот, являются причиной значительного их семантического преобразования: в значении данных слов

имплицитируются семы, вербализирующие признаки конкретного предмета, явления, и эксплицитируются семы, вербализирующие количественные признаки.

Важно отметить, что при смыслообразовании гиперболических и литот возможно формирование простых и сложных семантических противоречий. Первый тип противоречий, как правило, образуется у однословных гиперболических и литот. Сложные семантические противоречия обостряются в том случае, если в состав фигур неправдоподобия входят слова с несовместимыми значениями. В особую группу стилистических приемов со сложными семантическими противоречиями можно отнести стилистические фигуры, совмещающие признаки фигур алогизма и неправдоподобия. В процессе исследования текстов русской поэзии первой половины XX были выявлены такие конвергентные стилистические приемы, как оксюморон, основанный на объединении языковых единиц, которые имеют гиперболическое или литотное значения, катахрезу, сочетающуюся с фигурами неправдоподобия. Например, в произведении О. Э. Мандельштам «В игольчатых чумных бокалах» описывается восприятие лирическим героем мироздания и его познание универсальных законов, регулирующих жизненные процессы, с использованием сложного стилистического приема:

*И там, где сцетились бирюльки,
Ребенок молчанье хранит –
Большая вселенная в люльке
У маленькой вечности спит.*

[Мандельштам, 2020, Т. 1, с. 163].

В данном отрывке стихотворения происходит наложение стилистической фигуры неправдоподобия и фигуры алогизма: слово *вечность*, являющееся носителем гиперболического значения ‘вечно живущая, никогда не умирающая чистая душа ребенка’, сочетается со словом *маленькая*, образуя оксюморон. В смысловой структуре этого комплексного

стилистического приема обостряется сложное семантическое противоречие: противоречие возникает между довербальными смысловыми элементами представления о чистоте души ребенка и семами значения слова *вечность* – ‘бесконечное существование во времени как одна из основных форм бытия материи’ [БАС, 1951, Т. 2, с.131]; в противоречивые отношения вступают такие взаимоисключающие семы слов *малая* и *вечность*, как ‘небольшого размера’, ‘незначительная’ (*малая*) и ‘бесконечная’, ‘огромная’ (*вселенная*).

В стихотворении В.Я. Брюсова «Балтика» создается картина морского пейзажа с использованием сложного стилистического приема:

*Малых лодок реет стая,
Белым роем дали нежит.
В белой пене тихо тая,
Вал за валом отмель режет.*
[Брюсов, 1955, Т. 1, с. 107].

Фрагмент данного произведения содержит слово *стая*, приобретающее гиперболическое значение и вступающее во взаимодействие с лексически несочетающимися словами: *стая лодок* и *стая реет*. В ходе смыслообразования сложного стилистического приема *малых лодок реет стая* образуется сложное семантическое противоречие: смысловые элементы значения слова *стая* вступают в противоречие с довербальными смыслами абстрактного понятия «большое количество», а на семантическом уровне противоречие обостряется между семными комплексами ‘живые существа’ (*стая*) и ‘неживые предметы’ (*лодки*); ‘живые существа’ (*стая*) и ‘движение неживого предмета’ (*реет*).

В произведении В.В. Маяковского «Шумики, шумы и шумищи» среди различных городских звуков описываются голоса девушек с помощью сложного стилистического приема:

*Пронесят девоньки крохотные шумики.
Ящички гула пронесет грузовоз.*
[Маяковский, 1955, Т.1, с. 54].

В данном фрагменте поэтического произведения объединяются стилистическая фигура неправдоподобия – литота – и такие фигуры алогизма, как оксюморон и катахреза. Сочетание слов *крохотные шумики* имеет литотное значение ‘чрезмерное преуменьшение силы звуков, издаваемых девушками’. При этом данное сочетание слов образует оксюморон, потому что содержит элементы с взаимоисключающими количественными смысловыми элементами, содержащимися в значении слова *крохотный* – ‘совсем маленький, крошечный’ [БАС, 1956, Т.5, с.1707], уменьшительно-ласкательного суффикса -ик- и в значении, выраженного корнем слова *шум(ики)* – потенциальными семами ‘громкий’, ‘интенсивный’ звук. Объединение слов *крохотный* и *шумики* в рамках стилистического приема приводит к образованию катахрезы, так как внутренняя форма слова *крохотные* – количественный признак маленьких кусочков чего-либо – несовместима со смысловыми элементами слова *шум* – физического явления, которое нельзя измерить как материальный предмет, обладающий весом, длиной, шириной.

Все вышеописанные сложные семантические противоречия разрешаются переосмыслением элементов стилистических приемов (*вечности, крохотный, стая*) и их семантическим преобразованием.

Таким образом, смыслообразование фигур неправдоподобия как единиц ЕЛНК представляет собой сложный когнитивно-семиологический процесс, важными этапами которого является обострение и разрешение категориальных и семантических противоречий. Важно отметить, что в отличие от фигур алогизма, все разновидности которых относятся к ЕЛНК, среди фигур неправдоподобия являются ЕЛНК только тропеические литоты и гиперболы.

ВЫВОДЫ ПО ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЕ

Сложное, противоречивое, неоднозначное мироощущение русских поэтов первой половины XX века нередко воплощалось в содержащих противоречивые смыслы образных средствах языка, среди которых значительную часть составляют ЕЛНК. Преобладание оксюморонов, катахрез, гипербол, литот в поэтических текстах данного периода создает их уникальность и своеобразие.

Анализ фигур алогизма в произведениях русских поэтов первой половины XX века позволил выявить и описать их неоднородный состав.

В поэтических текстах содержатся следующие виды оксюморона:

1) явные, то есть включающие в свой состав антонимы, и неявные (размытые, косвенные) оксюмороны, содержащие слова, противопоставленные не значениями, а подчеркивающие несоответствие значения стилистической фигуры нашему представлению о положении вещей пресуппозицией;

2) однословные и состоящие из двух и более слов оксюмороны, многословные оксюмороны разграничиваются на разночастные, то есть состоящие из слов-компонентов разных частей речи, и равночастные оксюмороны – стилистические фигуры, которые состоят из слов-элементов одной части речи;

3) денотативные оксюмороны, которые отличаются противоречием денотативных сем языковых единиц, участвующих в формировании ЕЛНК, и коннотативные оксюмороны с противоречивыми коннотативными семами, имеющие символический смысл и отражающие не столько сам предмет описания, сколько отношение к нему.

В поэтических произведениях используются такие виды катахрезы, как 1) фигуры алогизма метафорического происхождения, метонимического происхождения и катахрезы, восходящей к парадоксам, 2) разные по морфологическим характеристикам катахрезы: именные, глагольные и адъективные.

Русская поэзия первой половины XX века богата фигурами неправдоподобия. В текстах русских поэтов этого периода содержатся следующие виды гипербола:

1) относительные, номинирующие маловероятные в количественном отношении, но возможные явления, предметы, и абсолютные гипербола, которые номинируют невероятные, невозможные количественные характеристики событий, явлений, предметов;

2) гипербола «красоты», способные вызывать чувства восхищения, восторга, гордость и возвышенные переживания, и гипербола «безобразия», усиливающие безобразные черты и комизм и вызывающие отвращение к номинируемым явлениям и предметам;

3) субстантивные гипербола, гипербола, выраженные именами прилагательными, глаголами, местоимениями и гипербола, содержащие имена числительные;

4) тропеические гипербола с метонимическим переносом и с метафорическим переносом наименования одних объектов на другие, а также гипербола, объединяющие эти виды переноса; гипербола с метафорическим переносом можно разделить на следующие виды: стилистические фигуры с метафорическим переносом, в результате которого а) свойства неживого предмета приписываются живому существу (человеку, животному), б) свойства живого существа (человека, животного) приписываются неживому предмету, в) свойства природных явлений, объектов природы приписываются живым существам, г) свойства живых существ приписываются абстрактному понятию, д) свойства неживых предметов приписываются абстрактному понятию, е) свойства природных явлений, объектов природы приписываются абстрактному понятию, ж) свойства природных явлений, объектов природы приписываются неживому предмету, з) свойства неживых предметов приписываются неживым предметам другой категории.

Как показал анализ, в произведениях русских поэтов первой половины XX века гипербола является одним из часто используемых изобразительно-выразительных средств. Менее частотным, но не менее ярким и эмоциональным в русских поэтических текстах анализируемого периода являются литоты. В поэтических текстах были выявлены и описаны литоты разного вида:

- 1) относительные и абсолютные литоты;
- 2) литоты, образованные в результате метонимического и метафорического переноса наименования одних объектов на другие;
- 3) литоты, образованные с помощью уменьшительно-ласкательных суффиксов и приставок со значением неполноты действия, а также двойного отрицания;
- 4) литоты со значением 'малое количество', 'полное отсутствие чего-либо', 'непродолжительное время', 'малый размер', 'маленькая скорость действия', 'преуменьшение силы'.

Важно отметить, что не все выявленные фигуры абсурда могут быть отнесены к ЕЛНК: как показал анализ, не обладают признаками ЕЛНК 1) фразеологизированные фигуры алогизма и неправдоподобия, так как во фразеологическом значении отсутствуют семантические противоречия, 2) относительные гиперболы и литоты, 3) местоименные гиперболы, 4) образованные при помощи уменьшительно-ласкательных суффиксов и приставок со значением неполноты действия литоты, если в значении слов-компонентов стилистической фигуры не содержится семантического противоречия, 5) нетропеические литоты, образованные на основе двойного отрицания.

В ходе исследования текстов русской поэзии первой половины XX были выявлены такие конвергентные стилистические приемы, как оксюморон, основанный на объединении языковых единиц, которые имеют гиперболическое или литотное значения, катахрезу, сочетающуюся с фигурами неправдоподобия.

Когнитивно-семиологическое исследование смыслообразования фигур алогизма и неправдоподобия позволило прийти к выводу, что в процессе их смыслового структурирования обостряются как глобальные категориальные, так и субкатегориальные противоречия. Если образование оксюморона в равной мере сопровождается возникновением глобальных и субкатегориальных противоречий, то для катахрезы, гиперболы и литоты характерно преобладание глобальных категориальных противоречий. Обострение глобальных категориальных противоречий разрешается глобальной перекатегоризацией компонентов ЕЛНК, то есть отнесением компонентов стилистической фигуры к другой глобальной категории, что приводит к значительным изменениям их семного состава. Особенность перекатегоризации фигур неправдоподобия заключается в том, что нередко слова-компоненты гиперболы и литоты, изначально не номинирующие количественные признаки, начинают соотноситься с количественными категориями глобальной категории «абстрактные понятия».

Когнитивно-семиологический анализ формирования смысловой структуры ЕЛНК в произведениях русских поэтов первой половины XX века показал следующие особенности образования семемы фигур абсурда: 1) в процессе смыслообразования оксюморона и катахрезы образуется сложное семантическое противоречие, а также объединяются несовместимые семы, входящие в состав семем его слов-компонентов, однако противоречие сем в семантике катахрезы менее явное, потому что нередко в ходе ее смыслообразования противоречие обостряется не между ядерными смыслами, а между потенциальными, скрытыми семами; 2) в процессе смыслообразования гиперболы и литоты может возникать как сложное, так и простое семантическое противоречие, которое нередко разрешается вследствие полного переосмысления значения одного из компонента фигуры неправдоподобия: импликации сем, вербализующих признаки конкретного предмета, явления, и экспликации сем, вербализующих количественные признаки.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование разных видов фигур абсурда в поэтическом тексте позволило выявить группу стилистических фигур, относящихся к единицам с логически несовместимыми компонентами. Данные фигуры обладают рядом отличительных признаков: в их составе содержатся слова-компоненты, вербализующие логически несовместимые понятия, что обуславливает наличие в их смысловой структуре противоречивых смысловых элементов.

С целью проанализировать механизмы смыслообразования ЕЛНК в диссертационном исследовании была рассмотрена смысловая структура стилистических фигур и определены следующие особенности ее макрокомпонентов: денотативный макрокомпонент имеет сложное строение, потому что образуется из актуального денотата, который генетически связан с денотатами слов-компонентов ЕЛНК, сигнификативный макрокомпонент в процессе формирования содержит несовместимые или взаимоисключающие семы.

Как показало исследование, процесс смыслообразования ЕЛНК сопровождается формированием когнитивно-семиологического парадокса, который проявляется в образовании категориальных и семантических противоречий. Изучение процессов формирования и разрешения данных противоречий осуществлялось с использованием когнитивно-семиологического подхода, предполагающего анализ причин обострения противоречий на когнитивном (в процессе категоризации) и семантическом уровнях, а также выявление способов преодоления этих противоречий в результате перекатегоризации и семантического преобразования компонентов ЕЛНК.

На материале текстов русской поэзии первой половины XX века с использованием когнитивно-семиологического подхода были

проанализированы особенности смыслообразования ЕЛНК, построенных по принципам алогизма и неправдоподобия. Первую группу ЕЛНК составили такие стилистические фигуры, как оксюморон и катахреза, вторую – гиперболы и литоты.

В результате анализа было выявлено, что в поэтических текстах русской литературы первой половины XX века используются разные по структуре и семантике оксюмороны: по смысловому соотношению компонентов в поэтических произведениях анализируемого периода употребляются явные и неявные оксюмороны; по структурно-грамматическим особенностям – однословные и неословные оксюмороны, которые могут быть разночастными, то есть состоящими из компонентов, относящихся к разным частям речи, и равночастными – оксюморонами, состоящими из слов одной части речи; по типу противоречия смысловых элементов в семантике стилистической фигуры – денотативные и коннотативные оксюмороны.

В текстах русской поэзии первой половины XX века неоднородным является и состав катахрезы, который включает разные по генетическим и морфологическим характеристикам стилистические фигуры. В поэтических произведениях употребляются катахрезы, различающиеся генетически, то есть катахрезы метафорического, метонимического происхождения и катахрезы, восходящие к парадоксам. По морфологическим характеристикам катахрезы в поэтической речи анализируемого периода можно разделить на именные, глагольные и адъективные.

Анализ состава фигур неправдоподобия в русской поэзии первой половины XX показал, что поэтических текстах содержатся разные по структурно-семантическим характеристикам гиперболы и литоты. Фигуры неправдоподобия с гиперболическим значением можно разделить на гиперболы «красоты» и «безобразия»; по структурным особенностям – на такие группы, как субстантивные гиперболы, гиперболы, выраженные именами прилагательными, глаголами, местоимениями, и гиперболы,

содержащие имена числительные; по типу переноса – на метафорические и метонимические гиперболы. Фигуры неправдоподобия с литотным значением различаются по типу выражения оценки: литоты используются как для выражения отрицательной оценки явления, объекта номинации, так и для вербализации положительной оценки, по способу метафорического переноса на основе преуменьшения качественного или количественного признака; по типу выражаемого значения преуменьшения – стилистические фигуры, обозначающие преуменьшение количества, размера, времени, скорости, силы.

Как показал анализ, не все фигуры абсурда могут быть отнесены к ЕЛНК: не обладают признаками ЕЛНК 1) фразеологизированные фигуры алогизма и неправдоподобия, 2) относительные гиперболы и литоты, то есть стилистические приемы, номинирующие маловероятные в количественном отношении, но возможные явления, предметы, 3) местоименные гиперболы, 4) образованные при помощи уменьшительно-ласкательных суффиксов и приставок со значением неполноты действия литоты, если в значении слов-компонентов стилистической фигуры не содержится семантического противоречия, 5) нетропеические литоты, образованные на основе двойного отрицания.

Когнитивно-семиологический анализ смыслообразования ЕЛНК помог выявить следующие особенности: 1. Процесс формирования смысловой структуры фигур алогизма и неправдоподобия сопровождается обострением глобальных категориальных и реже субкатегориальных противоречий, которые разрешаются глобальной и субкатегориальной перекатегоризацией компонентов ЕЛНК. Своеобразием перекатегоризации фигур неправдоподобия является тот факт, что нередко слова-компоненты гиперболы и литоты, изначально не номинирующие количественные признаки, начинают соотноситься с количественными категориями. 2. В процессе смыслообразования ЕЛНК образуются и семантические противоречия, которые преодолеваются путем переосмысления компонентов

стилистических фигур и нейтрализации противоречивых смысловых элементов. Смыслообразование фигур неправдоподобия отличается тем, что в их смысловой структуре обостряются как простые, так и сложные семантические противоречия, в то время как смыслообразование фигур алогизма всегда сопровождается обострением сложных семантических противоречий. В процессе смыслового структурирования ЕЛНК могут обостряться противоречия как между ядерными смыслами, так и между потенциальными, скрытыми семами. Последний тип семантических противоречий характерен для катахрезы, коннотативного оксюморона и многих гипербола и литот.

Результаты исследования смыслообразования ЕЛНК в поэтическом тексте с использованием когнитивно-семиологического подхода позволили расширить понимание специфики формирования смысловой структуры таких стилистических фигур, как оксюморон, катахреза, гипербола, литота. Перспектива исследования видится в дальнейшем анализе когнитивных и семантических процессов, протекающих в ходе смыслового структурирования разных типов фигур алогизма и неправдоподобия в художественном тексте.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агамурдова, Р. Ш. О противопоставлении как парадигматическом принципе построения стилистических фигур. – Текст : непосредственный // Известия ДГПУ. Общественные и гуманитарные науки. – 2008. – № 1. – С. 44–52.
2. Акимова, Г. Н. Новое в синтаксисе современного русского языка / Г. Н. Акимова. – Москва : Высшая школа. – 1990. – 168 с. – Текст : непосредственный.
3. Александров, Д. Н. Риторика : учебное пособие для вузов / Д. Н. Александров. – Москва : ЮнитиДана, 2000. – 543 с. – Текст : непосредственный.
4. Алефиренко, Н. Ф. Когнитивно-семиологическая теория слова. – Текст : непосредственный // Вестник СамГУ. – 2006а. – № 5/1 (45). – С. 102–110.
5. Алефиренко, Н. Ф. Спорные проблемы семантики : монография / Н. Ф. Алефиренко. – Москва : Гнозис, 2005. – 326 с. – Текст : непосредственный.
6. Алефиренко, Н. Ф. Проблемы когнитивно-семиологического исследования языка / Н. Ф. Алефиренко. – Текст : непосредственный // Слово – сознание – культура : сборник научных трудов / составитель Л. Г. Золотых. – Москва : Флинта : Наука, 2006б. – С. 31–41.
7. Алефиренко, Н. Ф. Фразеология в системе современного русского языка / Н. Ф. Алефиренко. – Волгоград : Перемена, 1993. – 149 с. – Текст : непосредственный.
8. Алефиренко, Н. Ф. Современные проблемы науки о языке / Н. Ф. Алефиренко. – Москва : Флинта : Наука, 2005. – 412 с. – Текст : непосредственный.
9. Андреева, Г. В. Языковое выражение контраста и его

стилистические функции в художественной прозе: на материале английского языка : специальность 10.02.04 «Германские языки» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Г. В. Андреева. – Ленинград, 1984. – 185 с. – Текст : непосредственный.

10. Апресян, Ю. Д. Языковые аномалии: типы и функции / Ю. Д. Апресян. – Текст : непосредственный // *Res Philologica: Филологические исследования. Памяти академика Георгия Владимировича Степанова (1919–1986)* / под редакцией Д. С. Лихачева. – Москва : Ленинград : Наука, 1990. – С. 50–71.

11. Аристотель. Риторика. – Текст : непосредственный // *Античные риторики* / под редакцией А. А. Тахо-Годи. – Москва : Издательство Московского университета, 1978. – С. 15–164.

12. Арутюнова, Н. Д. Аномалии и язык: (К проблеме языковой «картины мира») / Н. Д. Арутюнова. – Текст : непосредственный // *Вопросы языкознания*. – 1987. – № 3. – С. 3–19.

13. Атаева, Е. А. Лингвистическая природа и стилистические функции оксюморона: на материале английского языка : специальность 10.02.04 «Германские языки» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Е. А. Атаева. – Москва, 1975. – 145 с. – Текст : непосредственный.

14. Афанасьева, А. Л. Гиперболизация как средство отображения советской действительности: На материалах центральной прессы второй половины 50-х – начала 80-х гг. : специальность 10.01.10 «Журналистика. Политические науки» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Москва, 2000. – 24 с. – Текст : непосредственный.

15. Балашов-Ескин, К. М. Катахреза в поэтическом стиле В. А. Сосноры / К. М. Балашов-Ескин. – Текст : непосредственный // *Русская речь*. – 2020. – № 3. – С. 65–76.

16. Балли, Ш. Французская стилистика / Ш. Балли ; перевод с

французского К. А. Долинина. – Москва : Издательство иностранной литературы, 1961. – 392 с. – Текст : непосредственный.

17. Барковская, Н. В. Поэзия «серебряного века» / Н. В. Барковская. – Екатеринбург : Уральский ГПИ, 2010. – 194 с. – Текст : непосредственный.

18. Барсукова, С. С. Основы лексического диссонанса / С. С. Барсукова // Язык: мультидисциплинарность научного знания: научный альманах / Алтайская государственная педагогическая академия, Лингвистический институт ; под редакцией О. В. Труновой. Выпуск 4. – Барнаул : Алтайская государственная педагогическая академия, 2013. – С. 14–20. – Текст : непосредственный.

19. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – Москва : Искусство, 1979. – 423 с. – Текст : непосредственный.

20. Береговская, Э. М. Хиазм / Э. М. Береговская. – Текст : непосредственный // Синтаксические фигуры как система / Министерство образования и науки РФ ; Смоленский государственный университет. – Смоленск : Издательство СмолГУ, 2007. – С. 19–74.

21. Беседина, Н. А. Методологические аспекты современных когнитивных исследований в лингвистике / Н. А. Беседина. – Текст : непосредственный // Научные ведомости. Серия: Философия. Социология. Право. – 2010. – № 20 (91). – Вып. 14. – С. 31–37.

22. Бобровская, Г. В. Алогизмы в газетных публицистических текстах / Г. В. Бобровская. – Текст : непосредственный // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2009. – № 7 (41). – С. 27–31.

23. Боженкова, Н. А. Стилистические фигуры и типологические аспекты исследования специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Москва, 1998. – 17 с. – Текст : непосредственный.

24. Болдырев, Н. Н. Языковые категории как формат знания / Н. Н. Болдырев. – Текст : непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – № 2. – С. 5–22.

25. Болдырев, Н. Н. Когнитивная семантика: (Курс лекций по английской филологии) : учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Зарубежная филология» / Н. Н. Болдырев ; Министерство образования Российской Федерации [и др.]. – Тамбов : Издательство ТГУ, 2000. – 123 с. – Текст : непосредственный.

26. Бондарко, А. В. Грамматическое значение и смысл / А. В. Бондарко. – Ленинград : Наука. Ленинградское отделение, 1978. – 175 с. – Текст : непосредственный.

27. Боров, Ю. Б. Эстетика / Ю. Б. Боров. – Москва : Политиздат, 1988. – 496 с.

28. Борисенко, Ю. И. Гипербола / Ю. И. Борисенко. – Текст : непосредственный // Эффективное речевое общение (базовые компетенции) : словарь-справочник. Электронное издание / Сибирский федеральный университет ; под редакцией А. П. Сковородникова. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – Красноярск : Сибирский федеральный университет, 2014. – С. 96–97.

29. Борисенко, Ю. И. Гипербола и гротеск: проблема соотношения понятий / Ю. И. Борисенко. – Текст : непосредственный // Мир науки, культуры, образования. – 2009. – № 5 (17). – С. 56–58.

30. Борисенко, Ю. И. Механизм образования гиперболы в русской речи / Ю. И. Борисенко. – Текст : непосредственный // Мир науки, культуры, образования. – 2011. – № 1 (26). – С. 67–69.

31. Борисенко, Ю. И. О лингвистическом статусе гиперболы и механизме ее образования / Ю. И. Борисенко. – Текст : непосредственный // Гуманитарные и социальные науки. – 2010. – № 5. – С. 110–116.

32. Боровская, А. А. Жанр послания в лирике В. Маяковского / А. А. Боровская. – Текст : непосредственный // В. В. Маяковский: русская и

национальные литературы : материалы 20-й юбилейной международной научно-практической конференции, 28–30 сентября 2023 г. / Ереванский государственный университет. – Ереван : КОПИ ПРИНТ, 2023 – С. 29–43.

33. Бочина, Т. Г. Антитеза и оксюморон в русской паремике / Т. Г. Бочина. – Текст : непосредственный // Фразеологические чтения памяти профессора Валентины Андреевны Лебединской, Курган, 02–03 марта 2005 года / ответственный редактор Н. Б. Усачева. Выпуск 2. – Курган : Курганский государственный университет, 2005. – С. 27–30.

34. Бочина, Т. Г. Контраст как лингвокогнитивный принцип русской пословицы : специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Т. Г. Бочина. – Казань, 2003. – 50 с. – Текст : непосредственный.

35. Бочина, Т. Г. Лингвистические средства создания антитезы в языке фольклора: Деривационный аспект : специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Т. Г. Бочина. – Казань, 1992. – 16 с. – Текст : непосредственный.

36. Бочина, Т. Г. Стилистика контраста: очерки по языку русских пословиц / Т. Г. Бочина. – Казань : Издательство Казанского университета, 2002. – 195 с. – Текст : непосредственный.

37. Булыгина, Т. В. Аномалии в тексте: Проблемы интерпретации / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. – Текст : непосредственный // Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста. – Москва : Наука, 1990. – С. 94–106.

38. В. В. Маяковский: русская и национальные литературы : материалы 20-й юбилейной международной научно-практической конференции, 28–30 сентября 2023 г. / Ереван : КОПИ ПРИНТ, 2023 – С. 286–293. – Текст : непосредственный.

39. Введенская, Л. А. Стилистические фигуры, основанные на антонимах / Л. А. Введенская. – Текст : непосредственный // Учебные

записки Курского и Белгородского педагогических институтов. Краткие очерки по русскому языку. Том XXV. Выпуск 2. – Курск, 1966. – С. 128–135.

40. Вергилий, Марон Публий. Энеида / Марон Публий Вергилий ; перевод с латинского С. Ошерова ; с комментариями Сервия. – Москва : Лабиринт, 2001. – 285 с. – Текст : непосредственный.

41. Веселовский, А. Н. Мерлин и Соломон : избранные работы / А. Н. Веселовский – Москва : Санкт-Петербург : ЭКСМО-Пресс, 2001 – 858 с. – Текст : непосредственный.

42. Виноградов, В. В. О поэзии Анны Ахматовой (Стилистические наброски) / В. В. Виноградов. – Текст : непосредственный // Избранные труды. Поэтика русской литературы / В. В. Виноградов. – Москва : Наука, 1976. – С. 367–459.

43. Виноградова, В. Н. Игорь Северянин / В. Н. Виноградова. – Текст: непосредственный // Очерки истории языка русской поэзии XX века: опыты описания идиостилей Российская академия наук, Институт русского языка. – Москва : Наследие, 1995. – С. 100–131.

44. Власова, Е. В. Гипербола и сравнение в речи персонажей современной британской художественной литературы (на материале романа И. Найт «Радость и утешение») / Е. В. Власова. – Текст : непосредственный // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2021. – № 1 (154). – С. 194–198.

45. Власова, Е. В. Гиперболизация в современных английских художественных текстах / Е. В. Власова. – Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2023. – Т. 16, № 10. – С. 3372–3378.

46. Вольф, О. А. Механизмы образования стилистических фигур алогизма с помощью намеренного нарушения закона достаточного основания / О. А. Вольф. – Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 4-2 (82). – С. 323–327.

47. Вольф, О. А. Фигуры, построенные по принципу алогизма: к проблеме номенклатурного описания / О. А. Вольф. – Текст : непосредственный // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. – 2017. – № 21. – С. 37–41.

48. Воркачев, С. Г. Лингвоконцептология и межкультурная коммуникация: истоки и цели / С. Г. Воркачев. – Текст : непосредственный // Филологические науки. – 2005. – № 4. – С. 76–82.

49. Воркачев, С. Г. Концепт как «зонтиковый» термин / С. Г. Воркачев. – Текст : непосредственный // Язык, сознание, коммуникация. Выпуск 24. – Москва : МАКС Пресс, 2003. – С. 5–12.

50. Воронина, Т. М. Взаимодействие метафоры и метонимии в поэзии Б. Пастернака (идеографический аспект) / Т. М. Воронина. – Текст : непосредственный // Уральский филологический вестник. – 2016. – № 2. – С. 64–74.

51. Гак, В. Г. Лексическое значение слова / В. Г. Гак. – Текст : непосредственный // Лингвистический энциклопедический словарь. – Москва, 1990. – 743 с.

52. Гак, В. Г. Повторная номинация и ее стилистическое использование / В. Г. Гак. – Текст : непосредственный // Вопросы французской филологии. – Москва : МГПИ им. Ленина, 1972. – 218 с.

53. Гальперин, И. Р. К проблеме необычных сочетаний слов / И. Р. Гальперин. – Текст : непосредственный // Проблемы общего и германского языкознания. – Москва : Издательство Московского университета, 1978. – С. 61–70.

54. Гальперин, И. Р. Очерки по стилистике английского языка / И. Р. Гальперин. – Москва : Издательство литературы на иностранных языках, 1958. – 459 с. – Текст : непосредственный.

55. Ганеев, Т. Б. Противоречия в языке и речи : монография / Т. Б. Ганеев. – Уфа : Издательство БГПУ, 2004. – 472 с. – Текст : непосредственный.

56. Гаспаров, М. Л. Античная риторика как система / М. Л. Гаспаров. – Текст : непосредственный // Античная поэтика. Риторическая теория и литературная практика. – Москва : Наука, 1991. – С. 27–60.
57. Гаспаров, М. Л. Владимир Маяковский / М. Л. Гаспаров. – Текст : непосредственный // Очерки истории языка русской поэзии XX века: опыты описания идиостилей Российская академия наук, Институт русского языка. – Москва : Наследие, 1995. – С. 363–395.
58. Гаспаров, М. Л. Фигуры стилистические / М. Л. Гаспаров. – Текст : непосредственный // Литературный энциклопедический словарь. – Москва, 1987. – С. 466.
59. Гаспаров, М. Л. Катахреза / М. Л. Гаспаров. – Текст : непосредственный // Литературный энциклопедический словарь / под общей редакцией В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. – Москва : Советская энциклопедия, 1987. – С. 152.
60. Гегель, Г. В. Наука логики / Г. В. Гель. – Санкт-Петербург : Академический проект, 2021. – 559 с. – Текст : непосредственный.
61. Голуб, И. Б. Стилистика русского языка / И. Б. Голуб. – 3-е издание, исправленное. – Москва : Рольф, 2001. – 448 с. – Текст : непосредственный.
62. Горшков, А. И. Русская словесность. От слова к словесности : учебное пособие для учащихся 10–11 классов общеобразовательных учреждений / А. И. Горшков. – Москва : Просвещение, 1996. – 336 с. – Текст : непосредственный.
63. Гофман, В. Язык символистов / В. Гофман. – Текст : непосредственный // Литературное наследство. – 1937. – № 27–28. – С. 54–105.
64. Граудина, Л. К. Русская риторика / Л. К. Граудина, Г. И. Кочеткова. – Текст : непосредственный // Русская речь. – 2001. – С. 18–20.

65. Гриценко, Е. С. Стилистика английского языка : учебное пособие для студентов отделения заочного обучения / Е. С. Гриценко. – Нижний Новгород : ФГБОУ ВПО «НГЛУ», 2016. – 165 с. – Текст : непосредственный.

66. Грищева, Е. С. Алогизм: проблема статуса и классификации / Е. С. Грищева. – Текст : непосредственный // Язык, культура, коммуникация: аспекты взаимодействия: научно-методический бюллетень. Выпуск 6 / под редакцией И. В. Пекарской. – Абакан : Издательство ГОУ ВПО Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, 2010. – С. 56–59.

67. Гужова, Т. А. Гиперболический способ выражения в современном немецком языке : специальность 10.02.04 «Германские языки» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Москва, 2013. – 20 с. – Текст : непосредственный.

68. Декатова, К. И. Когнитивная динамика смысловой дистрибуции слова в процессе русского фразеоморфизма: На материале фразеологизированных стилистических фигур : специальность 10.02.01 «Русский язык» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / К. И. Декатова. – Волгоград, 2001. – 181 с. – Текст : непосредственный.

69. Декатова, К. И. Когнитивно-семиологический подход к исследованию смыслообразования языковых единиц в художественном тексте / К. И. Декатова. – Текст : непосредственный // Сибирский филологический журнал. – 2020. – № 2. – С. 277–289.

70. Декатова, К. И. Смыслообразование фразеологизированных фигур количества / К. И. Декатова. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы современного языкознания и методики преподавания языка : материалы Международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора В. Г. Головина, Елец, 21–22 ноября 2023 года. – Елец : Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, 2023. – С. 23–26.

71. Декатова, К. И. Структурно-семантические особенности оценочного оксюморона / К. И. Декатова, А. А. Водяха. – Текст :

непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 6-2 (24). – С. 78–80.

72. Декатова, К. И. Когнитивно-семиологическое моделирование смысловой структуры языковых знаков : монография / К. И. Декатова. – Волгоград : Научное издательство ВГСПУ «Перемена», 2018. – 173 с. – Текст : непосредственный.

73. Декатова, К. И. Политическая фразеология: структурно-семантические, когнитивные и функциональные исследования : монография / К. И. Декатова. – Волгоград : Научное издательство ВГСПУ «Перемена», 2023. – 213 с. – Текст : непосредственный.

74. Декатова, К. И. Семиологический подход к анализу смысловой организации повторной номинации / К. И. Декатова, М. А. Курдыбайло. – Текст : непосредственный // *Lingua mobilis*. – 2014. – № 4 (50). – С. 21–27.

75. Декатова, К. И. Смыслообразование знаков косвенно-производной номинации русского языка. Когнитивно-семиологический аспект исследования : монография / К. И. Декатова. – Волгоград : Научное издательство ВГСПУ «Перемена», 2009. – 260 с. – Текст : непосредственный.

76. Денн, М. Логика творческого акта в философии Густава Шпета / М. Денн. – Текст : непосредственный // Шпет и современная философия гуманитарного знания. – Москва : Языки славянских культур, 2006. – С. 236–251.

77. Десятская, С. В. Категория интенсивности как средство выразительности в современном английском художественном тексте: на материале семантического анализа имен прилагательных : специальность 10.02.04 «Германские языки» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / С. В. Десятская. – Москва, 2018. – 168 с. – Текст : непосредственный.

78. Дмитриева, Е. Г. Функционально-семантический аспект изучения эмотивной глагольной лексики / Е. Г. Дмитриева. – Текст : непосредственный // Научное наследие Б. Н. Головина и актуальные

проблемы современной лингвистики : сборник статей по материалам международной научной конференции, посвященной 90-летию профессора Б. Н. Головина, Нижний Новгород, 23–25 мая 2006 года / Ответственный редактор: Л. В. Рацибурская. – Нижний Новгород: Лобачевского, 2006. – С. 143-144.

79. Дмитриева, Е. Г. Осмысление эмоциональных переживаний человека и их отражение в семантике глагольного слова / Е. Г. Дмитриева. – Текст : непосредственный // Человек в современных философских концепциях : Материалы Четвертой международной конференции: в 4 томах, Волгоград, 28–31 мая 2007 года. Том 4. – Волгоград: Волгоградский государственный университет, 2007. – С. 42-46.

80. Дмитриева, Е. Г. Стыд в русской лингвокультуре: структурно-семантический и психолингвистический аспекты / Е. Г. Дмитриева, Е. В. Хиленко. – Текст : непосредственный // Вопросы межкультурной коммуникации и зарубежной литературы в свете современных исследований : сборник научных статей XXXIII Международной научно-практической конференции, Чебоксары, 20–21 октября 2022 года. – Чебоксары: Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, 2022. – С. 103-108.

81. Дорогова, Т. А. Функция гиперболы в немецкоязычной рекламе / Т. А. Дорогова. – Текст : непосредственный // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – 2011. – Т. 17, № 3. – С. 136–140.

82. Дроняева, Т. С. Стилистика современного русского языка : практикум / Т. С. Дроняева, И. Н. Клушина. – Москва : Флинта, 2001. – 184 с. – Текст : непосредственный.

83. Дубина, В. А. Оксюморон, антитеза или катахреза? (Художественные приемы в рассказе Ю. Яковлева «Рыцарь Вася») / В. А. Дубина. – Текст : непосредственный // Электронный научный журнал. – 2020. – № 5 (34). – С. 41–43.

84. Дюбуа, Ж. Общая риторика / Ж. Дюбуа. – Москва : Прогресс, 1986. – 386 с. – Текст : непосредственный.

85. Евсина, М. В. Двойное отрицание в простом предложении: На материале английского языка : специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / М. В. Евсина. – Воронеж, 2006. – 18 с. – Текст : непосредственный.

86. Егорченко, О. Н. Стилистические фигуры контраста в современном русском литературном языке: семантико-структурно-функциональная характеристика : специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / О. Н. Егорченко. – Абакан, 2006. – 24 с. – Текст : непосредственный.

87. Ермакович, Е. Е. Алогизм / Е. Е. Ермакович. – Текст : непосредственный // Эффективное речевое общение (базовые компетенции) : словарь-справочник. Электронное издание / Сибирский федеральный университет ; под редакцией А. П. Сковородникова. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – Красноярск : Сибирский федеральный университет, 2014. – С. 34–35.

88. Желтухина, М. Р. Тропологическая суггестивность масс-медиального дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ / М. Р. Желтухина. – Москва : ИЯ РАН ; Волгоград : Издательство ВФ МУПК, 2003. – 654 с. – Текст : непосредственный.

89. Зарецкая, Е. Н. Риторика: Теория и практика речевой коммуникации / Е. Н. Зарецкая. – Москва : Дело, 2002. – 480 с. – Текст : непосредственный.

90. Заяц, А. А. Дискурсивный аспект метафорического алогизма (на материале русского и английского языков : специальность 10.02.01 «Русский язык» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / А. А. Заяц. – Иркутск, 2006. – 154 с. – Текст : непосредственный.

91. Звегинцев, В. А. Смысл и значение / В. А. Звегинцев. – Текст : непосредственный // Теоретические и экспериментальные исследования в области структурной и прикладной лингвистики. – Москва : Издательство Московского университета, 1973. – С. 92–97.

92. Зверева, М. И. Эвфемизмы в современной публицистике как индикаторы состояния языковой среды : специальность 10.02.01 «Русский язык» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / М. И. Зверева. – Санкт-Петербург, 2023. – 318 с. – Текст : непосредственный.

93. Зубова, Л. В. Поэтический язык Марины Цветаевой / Л. В. Зубова. – Санкт-Петербург : Геликон Плюс, 2017. – 544 с. – Текст : непосредственный.

94. Ильин, О. И. Гиперболы Маяковского / О. И. Ильин. – Текст : непосредственный // Известия Саратовского университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2021. – Т. 21, № 3. – С. 347–362.

95. Карасик, В. И. Оксюморон в языковом сознании и коммуникативной практике / В. И. Карасик. – Текст : непосредственный // Социальные и гуманитарные знания. – 2022. – Т. 8, № 1. – С. 114–123.

96. Карданова, А. А. Оксюморонность как проявление контаминации в языке / А. А. Карданова. – Текст : непосредственный // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – 2009. – Т. 15, № 2. – С. 53–58.

97. Категоризация / Е. С. Кубрякова. – Текст : непосредственный // Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина ; под общей редакцией Е. С. Кубряковой. – Москва : Филологический факультет МГУ, 1996. – С. 42–45.

98. Каторова, А. М. Гипербола / А. М. Каторова, И. И. Шеянова. – Текст : непосредственный // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. – 2022. – № 1 (61). – С. 188–190.

99. Каторова, А. М. Катахреза / А. М. Каторова. – Текст :

непосредственный // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. – 2023. – Т. 15, № 3 (67). – С. 219–220.

100. Кашина, И. В. Мир в зеркале оксюморона / И. В. Кашина. – Текст : непосредственный // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманит. науки. – 2013. – № 5. – С. 206–212.

101. Кащеева, А. В. Перекатегоризация в семантике слов английского языка как результат смены социо-культурной доминанты: диахронический аспект : специальность 10.02.04 «Германские языки» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / А. В. Кащеева. – Москва, 2008. – 24 с. – Текст : непосредственный.

102. Ключина, А. М. Стилистические средства выражения семантики крайности в русском языке: теоретический обзор / А. М. Ключина. – Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022. – Т. 15, № 10. – С. 3187–3193.

103. Кобозева, И. М. Прагмасемантическая аномальность высказывания и семантика модальных частиц / И. М. Кобозева. – Текст : непосредственный // Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста. – Москва : Наука, 1990. – С. 194–203.

104. Ковалев, В. П. Языковые выразительные средства русской художественной прозы / В. П. Ковалев. – Киев : Вища школа, 1981. – 184 с. – Текст : непосредственный.

105. Ковтунова, И. И. О поэтических образах Бориса Пастернака / И. И. Ковтунова. – Текст : непосредственный // Очерки истории языка русской поэзии XX века: опыты описания идиостилей Российская академия наук / Институт русского языка. – Москва : Наследие, 1995. – С. 132–208.

106. Козинец, С. Б. Оксюморон как языковое явление / С. Б. Козинец. – Текст : непосредственный // Русский язык в школе. – 2015. – № 4. – С. 56–60.

107. Комарова, З. И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике / З. И. Комарова. – Екатеринбург, 2012. – 818 с. – Текст : непосредственный.

108. Корнеева, Т. А. Оксюморонные композиты в поэтическом языке / Т. А. Корнеева. – Текст : непосредственный // Русский язык: функционирование и развитие. – Казань : Казанский университет, 2012. – Т. 2. – С. 33–36.

109. Корнилова, Л. А. Структурно-функциональная классификация антитезы в англоязычной литературе и фольклоре / Л. А. Корнилова. – Текст : непосредственный // Ученые записки Казанского государственного университета // Гуманитарные науки – № 6. – Казань, 2008. – С. 260–265.

110. Кравец, А. С. Абсурд как нарушение смысла / А. С. Кравец. – Текст : непосредственный // Вестник ВГУ. Серия: Гуманитарные науки. – 2002. – № 2. – С.133–176.

111. Крысин, Л. П. Гипербола / Л. П. Крысин. – Текст : непосредственный // Русский язык : энциклопедия / Институт русского языка им. В. В. Виноградова Российской академии наук. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – Москва : Большая российская энциклопедия : Издательский дом «Дрофа», 1997. – С. 80–81.

112. Крысин, Л. П. Гипербола в художественном тексте и в обыденной речи / Л. П. Крысин. – Текст : непосредственный // Язык художественной литературы. Литературный язык: сборник статей к 80-летию Мары Борисовны Борисовой / Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского. – Саратов : Научная книга, 2006. – С. 112–120.

113. Крысин, Л. П. Гипербола в русской разговорной речи / Л. П. Крысин. – Текст : непосредственный // Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – С. 244–261.

114. Кубрякова, Е. С. Начальные этапы становления когнитивизма. Лингвистика – психология – когнитивная наука / Е. С. Кубрякова. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – Москва, 1994. – № 4. – С. 34–37.

115. Кубрякова, Е. С. К проблеме ментальных репрезентаций /

Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков. – Текст : непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. – Москва : Институт языкознания ; Тамбов : Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, 2007. – № 4. – С. 8–16.

116. Курахтанова, И. С. Языковая природа и функциональная характеристика стилистического приема гиперболы: на материале английского языка : специальность 10.02.04 «Германские языки» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / И. С. Курахтанова. – Москва, 1978. – 210 с. – Текст : непосредственный.

117. Курахтанова, И. С. Языковая природа и функциональная характеристика стилистического приема гиперболы: (На материале английского языка) : специальность 10.02.04 «Германские языки» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / И. С. Курахтанова. – Москва, 1978. – 24 с. – Текст : непосредственный.

118. Курегян Г. Г. Аналитические единицы оксюморонного типа как факт вторичной номинации / Г. Г. Курегян. – Текст : непосредственный // Университетские чтения – 2006 : материалы научно-методических чтений ПГЛУ. Часть VI. – Пятигорск : ПГЛУ, 2006. – С. 111–115.

119. Курегян, Г. Г. Лингвопрагматический статус оксюморона: на материале русского языка : специальность 10.02.01 «Русский язык» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Г. Г. Курегян. – Пятигорск, 2007. – 155 с. – Текст : непосредственный.

120. Лескина, С. В. Языковая специфика гиперболизации публицистических текстов на русском и английском языках / С. В. Лескина, В. Б. Шаронова. – Текст : непосредственный // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. – 2017. – Т. 14, № 1. – С. 31–35.

121. Ломако (Маркова), М. С. К вопросу о типах алогизмов в поэзии обэриутов / М. С. Ломако (Маркова). – Текст : непосредственный // Лексикология и грамматика русского языка и стилистика художественного

текста : материалы Всероссийской конференции студентов, посвященной 140-летию со дня рождения Л. В. Щербы, Москва, 18 декабря 2020 года. – Москва : Московский государственный областной университет, 2021. – С. 196–201.

122. Лосев, А. Ф. Платон. Собрание сочинений в 4-х т. / А. Ф. Лосев. – Москва : Мысль, 1994. – Т. 2. – 654 с. – Текст : непосредственный.

123. Лотман, Ю. М. Об искусстве / Ю. М. Лотман. – Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 2005. – 704 с. – Текст : непосредственный.

124. Лыков, А. В. Тропы В. В. Маяковского, включающие числовые обозначения / А. В. Лыков, Л. И. Шуляк. – Текст : непосредственный // Вестник Таганрогского государственного педагогического института. – 2009. – № 2. – С. 53–58.

125. Максимова, Н. А. Противоречие как конструктивно-семантический приём в языке поэзии Игоря Северянина : специальность 10.02.01 «Русский язык» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Р. А. Максимова. – Москва, 2006. – 158 с. – Текст : непосредственный.

126. Массальская, Ю. В. Аллофония в языке и речи: на материале немецкой литературы : специальность 10.02.19 «Теория языка» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Ю. В. Массальская. – Уфа, 2012. – 22 с. – Текст : непосредственный.

127. Матвеевская, Л. А. Стилистическое использование антонимов : специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Л. А. Матвеевская. – Москва, 1978. – 26 с. – Текст : непосредственный.

128. Меновщикова, Ю. В. Оксюморон, антитеза, катахреза как средства реализации гротеска в семантическом пространстве текстов сказок Л. Кэрлла / Ю. В. Меновщикова. – Текст : непосредственный // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – № 17 (271). – С. 94–96.

129. Монахова, Е. В. Интерпретация литоты с позиций современной лингвистики / Е. В. Монахова, О. Н. Павленкова. – Текст : непосредственный // Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. – 2019. – № 4 (44). – С. 17–33.

130. Монахова, Е. В. Лингвистические средства и когнитивные основания выражения контраста / Е. В. Монахова. – Текст : непосредственный // Таврический научный обозреватель. – 2015. – № 2–2. – С. 64–67.

131. Морен, М. К. Стилистика современного французского языка / М. К. Морен. – Москва : Издательство литературы на иностранных языках, 1960. – 303 с. – Текст : непосредственный.

132. Москвин, В. П. Антитеза или оксюморон? / В. П. Москвин. – Текст : непосредственный // Русский язык в школе. – 2000. – № 2. – С. 92–93.

133. Москвин, В. П. Стилистика русского языка: Приемы и средства выразительной и образной речи (общая классификация) : пособие для студентов / В. П. Москвин. – Волгоград : Учитель, 2000. – 197 с. – Текст : непосредственный.

134. Москвин, В. П. О двух разновидностях катахрезы / В. П. Москвин. – Текст : непосредственный // Языковая личность: система, нормы, стиль : тезисы докладов научной конференции, Волгоград, 05–06 февраля 1998 года / Волгоградский государственный педагогический университет, Научно-исследовательская лаборатория «Язык и личность». – Волгоград : Издательство ВГПУ «Перемена», 1998. – С. 74.

135. Москвин, В. П. Риторика и теория аргументации : учебник для вузов / В. П. Москвин. – 3-е издание, переработанное и дополненное. – Москва : Юрайт, 2019. – 725 с. – Текст : непосредственный.

136. Москвин, В. П. Стилистика русского языка / В. П. Москвин. – Москва : ФЛИНТА, 2016. – 630 с. – Текст : непосредственный.

137. Москвин, В. П. Риторика и теория коммуникации: Виды, стили и тактики речевого общения. Книга 2: Выразительные средства языка: тропы и

фигуры (технология усиления речи) / В. П. Москвин. – 2-е издание, переработанное и существенно дополненное. – Москва : Ленанд, 2024. – 368 с. – Текст : непосредственный.

138. Никитин, М. В. Курс лингвистической семантики : учебное пособие по направлению «Филологическое образование» / М. В. Никитин ; Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. – Санкт-Петербург : Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2007. – 819 с. – Текст : непосредственный.

139. Никитин, М. В. Курс лингвистической семантики / М. В. Никитин. – Санкт-Петербург : Принт, 1996. – 574 с. – Текст : непосредственный.

140. Новиков, Л. А. Семантика русского языка / Л. А. Новиков. – Москва : Высшая школа, 1982. – 272 с. – Текст : непосредственный.

141. Новиков, Л. А. Логическая противоположность и лексическая антонимия / Л. А. Новиков. – Текст : непосредственный // Русский язык в школе. – 1966. – № 4. – С. 79–88.

142. Новиков, Л. А. Эстетические аспекты языка / Л. А. Новиков. – Москва : Издательство РУДН, 2001. – 842 с. – Текст : непосредственный.

143. Новикова, В. Ю. Языковой абсурд, его семантика и таксономические характеристики : специальность 10.02.19 «Теория языка» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / В. Ю. Новикова. – Краснодар, 2001. – 17 с. – Текст : непосредственный.

144. Новикова, В. Ю. Языковой абсурд, его семантика и таксономические характеристики : специальность 10.02.19 «Теория языка» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / В. Ю. Новикова. – Краснодар, 2001. – 174 с. – Текст : непосредственный.

145. Новикова, Л. П. Алогизмы на уровне высказывания в русской устной публичной речи / Л. П. Новикова. – Текст : непосредственный // Вестник Белорусского государственного педагогического университета.

Серия 1: Педагогика. Психология. Филология. – 2018. – № 2 (96). – С. 71–75.

146. Оганнисян, А. Г. Новаторство поэзии В. В. Маяковского / А. Г. Оганнисян. – Текст : непосредственный // Материалы 20-й Юбилейной международной научно-практической конференции 28–30 сентября 2023. – 2023. – С. 285–292.

147. Олешков, М. Ю. Современный образовательный процесс: основные понятия и термины. Краткий терминологический словарь / Ю. М. Олешков, В. М. Уваров. – Москва : Компания Спутник, 2006. – 189 с. – Текст : непосредственный.

148. Очерки истории языка русской поэзии XX века: опыты описания идиостилей / В. В. Виноградова, М. Л. Гаспаров, И. И. Ковтунова [и др.] ; Российская академия наук, Институт русского языка. – Москва : Наследие, 1995. – 557 с. – Текст : непосредственный.

149. Павленкова, О. Н. Литота как средство семантического дефокусирования в стилистическом приеме антитезы / О. Н. Павленкова. – Текст : непосредственный // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2015. – № 19 (730). – С. 239–244.

150. Павленкова, О. Н. Историческая перспектива термина «литота» в английском языке / О. Н. Павленкова. – Текст : непосредственный // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2012. – № 650. – С. 140–144.

151. Павлович, Н. В. Семантика оксюморона / Н. В. Павлович. – Текст : непосредственный // Лингвистика и поэтика. – Москва : Наука, 1979. – С. 238–247.

152. Павлович, Н. В. Сила и сложность семантического противоречия в оксюморе / Н. В. Павлович. – Текст : непосредственный // Проблемы структурной лингвистики. – Москва : Наука, 1981. – С. 231–243.

153. Павлович, Н. В. Язык образов: парадигмы образов в русском поэтическом языке / Н. В. Павлович. – [2-е издание, исправленное и

дополненное]. – Москва : Азбуковник, 2004. – 527 с. – Текст : непосредственный.

154. Пекарская, И. В. Конструкции синтаксической контаминации как экспрессивное средство современного русского языка (на материале художественных и публицистических текстов) : специальность 10.02.01 «Русский язык» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / И. В. Пекарская. – Красноярск, 1995. – 210 с. – Текст : непосредственный.

155. Пекарская, И. В. Контаминация в контексте проблемы системности стилистических фигур русского языка : специальность 10.02.01 «Русский язык» : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / И. В. Пекарская. – Абакан, 2001. – 483 с. – Текст : непосредственный.

156. Пекарская, И. В. Контаминация в контексте проблемы системности стилистических ресурсов русского языка. В 2 частях. Часть 2 / И. В. Пекарская. – Абакан : Издательство ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2000. – 344 с. – Текст : непосредственный.

157. Пекарская, И. В. Лингвистический статус сравнения: принцип или элокутив? / И. В. Пекарская. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы изучения языка, литературы и журналистики: история и современность : материалы X Международной научно-практической конференции, Абакан, 24–26 ноября 2015 года / научный редактор И. В. Пекарская; ответственный редактор В. П. Антонов. – Абакан : Издательство ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», 2015. – С. 29–33.

158. Пекарская, И. В. О существующих типологиях стилистических фигур (аналитический обзор) / И. В. Пекарская. – Текст : непосредственный // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. – 2017. – № 21. – С. 83–95.

159. Пекарская, И. В. Риторика XXI века: аналитический очерк /

И. В. Пекарская. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы изучения языка и литературы: языковая политика в межкультурной среде : материалы I Международной научно-практической конференции, Абакан, 19–21 октября 2006 года / Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова. – Абакан : Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, 2006. – С. 106–107.

160. Пекарская, И. В. Специфика функционирования феномена художественного сравнения в контексте контаминации и конвергенции элокутивов (на материале произведения «тропа бабьих слез» сибирского писателя Владимира Топилина) / И. В. Пекарская, В. Е. Лютенко. – Текст : непосредственный // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2020. – № 2 (27). – С. 101–105.

161. Пекарская, И. В. Стилистические фигуры принципа алогизма: к проблеме дефиниции и типологии / И. В. Пекарская. – Текст : непосредственный // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. – 2014. – № 7. – С. 72–80.

162. Пекарская, И. В. Эффективная контаминация: элокутивное воздействие речи / И. В. Пекарская. – Абакан : Издательство ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», 2014. – 300 с. – Текст : непосредственный.

163. Печеникина, А. А. Гипербола как прием создания комических эффектов в художественном тексте / А. А. Печеникина. – Текст : непосредственный // Modern Science. – 2021. – № 4–3. – С. 425–427.

164. Плотникова, М. В. Стилистические фигуры контраста как единство противоположностей / М. В. Плотникова. – Текст : непосредственный // Сопоставительная лингвистика. – 2014. – № 4. – С. 56–62.

165. Поликарпова, Е. В. Гипербола в современном немецком языке (лексикологический аспект) : специальность 10.02.04 «Германские языки» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата

филологических наук / Е. В. Поликарпова. – Москва, 1990. – 19 с. – Текст : непосредственный.

166. Полторацкий, А. И. Риторические алогизмы: перенесение эпитета в англоязычной художественной речи / А. И. Полторацкий. – Текст : непосредственный // Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность речи / ответственный редактор Н. Д. Арутюнова. – Москва, 1990. – С. 139–147.

167. Поляков, М. Я. Вопросы поэтики и художественной семантики / М. Я. Поляков. – Москва : Советский писатель, 1978. – 446 с. – Текст : непосредственный.

168. Потебня, А. А. Мысль и знак / А. А. Потебня. – Москва : Лабиринт, 1999. – 440 с. – Текст : непосредственный.

169. Потебня, А. А. Теоретическая поэтика / А. А. Потебня. – Москва : Высшая школа, 1990. – 344 с. – Текст : непосредственный.

170. Прокопова, М. В. Гипербола и литота как способ смысловой метаморфозы в сфере фразообразования / М. В. Прокопова, Е. Н. Ермакова. – Текст : непосредственный // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2022. – Т. 44, № 7. – С. 19–26.

171. Радбиль, Т. Б. Язык и мир. Парадоксы взаимоотражения / Т. Б. Радбиль. – Москва : ЯСК, 2017. – 591 с. – Текст : непосредственный.

172. Рогалева, Е. И. Интерпретационные приемы словарного описания фразеологизмов, построенных на катахрезе / Е. И. Рогалева. – Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 10–2 (52). – С. 135–137.

173. Садовников, С. А. Алогизм речи как художественный прием в творчестве А. П. Платонова : специальность 10.02.01 «Русский язык» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / С. А. Садовников. – Нижний Новгород, 2014. – 179 с. – Текст : непосредственный.

174. Сазонова, В. А. Антонимы как средство выражения контраста в

языке и художественной речи: на материале прозы А. П. Чехова : специальность 10.02.01 «Русский язык» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / В. А. Сазонова. – Красноярск, 2011. – 165 с. – Текст : непосредственный.

175. Сатыбалдиева, Г. А. Теоретические основы изучения гиперболы как стилистической фигуры в языке / Г. А. Сатыбалдиева. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы современной науки. – 2006. – № 2 (28). – С. 49–51.

176. Селиверстова, О. Н. Труды по семантике / О. Н. Селиверстова. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – 960 с. – Текст : непосредственный.

177. Селеменова, О. А. Топонимический континуум поэзии И. А. Бунина: лингвистический аспект / О. А. Селеменова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2025. – Т. 30, № 2. – С. 67-76.

178. Селеменова, О. А. Экспликация аксиологических оппозиций в поэтических текстах И. А. Бунина (на материале мифонимов) / О. А. Селеменова – Текст : непосредственный // Вестник Ивановского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. – 2023. – Вып. 2. – С. 61–69.

179. Селеменова, О. А. Структурные типы мифонимов в поэзии И. А. Бунина / О. А. Селеменова, Н. А. Бородина. – Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2021. – Т. 14, № 5. – С. 1486-1490.

180. Селеменова, О. А. Мифонимикон Бунина-поэта: коннотативный аспект / О. А. Селеменова. – Текст : непосредственный // Русистика. – 2021. – Т. 19, № 3. – С. 285-297.

181. Скляревская, Г. Н. Языковая метафора в словаре. Опыт системного описания / Г. Н. Скляревская. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – 1987. – № 2. – С. 58–65.

182. Сковородников, А. П. Экспрессивные синтаксические

конструкции современного русского литературного языка / А. П. Сковородников. – Томск : Издательство Томского университета, 1981. – 256 с. – Текст : непосредственный.

183. Сковородников, А. П. Алогизм как риторический прием / А. П. Сковородников. – Текст : непосредственный // Русская речь. – 2004. – № 1. – С. 39–45.

184. Сковородников, А. П. О катахрезе / А. П. Сковородников. – Текст : непосредственный // Русская речь. – 2005. – № 3. – С. 68–73.

185. Сковородников, А. П. Стилистическая фигура / А. П. Сковородников. – Текст : непосредственный // Эффективное речевое общение (базовые компетенции) : словарь-справочник. Электронное издание / Сибирский федеральный университет ; под редакцией А. П. Сковородникова. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – Красноярск : Сибирский федеральный университет, 2014. – С. 646–647.

186. Скребнев, Ю. М. Фигуры речи / Ю. М. Скребнев. – Текст : непосредственный // Русский язык : энциклопедия / Институт русского языка им. В. В. Виноградова Российской академии наук ; главный редактор, [автор предисловия] Ю. Н. Караулов. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – Москва : Большая российская энциклопедия : Издательский дом «Дрофа», 1997. – С. 590–592.

187. Скребнев, Ю. М. Очерк теории стилистики : учебное пособие для студентов и аспирантов филологических специальностей / Ю. М. Скребнев ; Министерство просвещения РСФСР, Горьковский государственный педагогический институт иностранных языков им. Н. А. Добролюбова. – Горький, 1975. – 174 с. – Текст : непосредственный.

188. Скребцова, Т. Г. Когнитивная лингвистика: классические теории, новые подходы – М.: Издательский Дом ЯСК, 2018. – 391 с. – Текст : непосредственный.

189. Соссюр, Ф. де. Общий курс лингвистики / Ф. де Соссюр ; редакторы Ш. Балли и А. Сеше ; перевод с французского А. Сухотина. –

Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 1999. – 432 с. – Текст : непосредственный.

190. Степанова, Н. Ю. Контраст как средство создания комического эффекта: лингвостилистический аспект : специальность 10.02.04 «Германские языки» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Н. Ю. Степанова. – Коломна, 2009. – 213 с. – Текст : непосредственный.

191. Степанова, Н. Ю. Литота в Художественном тексте как способ выражения категории недосказанности / Н. Ю. Степанова. – Текст : непосредственный // Язык: категории, функции, речевое действие : материалы XIII международной научной конференции, в 2-х частях, Москва – Коломна, 16–17 апреля 2020 года. Выпуск 13. Часть I. – Москва–Коломна : Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Государственный социально-гуманитарный университет», 2020. – С. 102–106.

192. Супряга, С. В. Оксюморон в творчестве поэтов конца XIX – начала XX века / С. В. Супряга. – Текст : непосредственный // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2023. – № 3 (50). – С. 247–258.

193. Тимофеев, Л. И. Поэтика Маяковского / Л. И. Тимофеев. – Москва : Советский писатель, 1941. – 108 с. – Текст : непосредственный.

194. Теория текста / Н. В. Панченко, И. Ю. Качесова, Л. М. Комиссарова. – Москва : Флинта : Наука, 2010. – 132 с. – Текст : непосредственный.

195. Тихомиров, С. А. Гипербола в градуальном аспекте : специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / С. А. Тихомиров. – Москва, 2006. – 21 с. – Текст : непосредственный.

196. Тихомиров, С. А. Гипербола в градуальном аспекте : специальность 10.02.01 «Русский язык» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / С. А. Тихомиров. – Москва, 2006. –

241 с. – Текст : непосредственный.

197. Токарев, Г. В. Два аспекта категоризации знаний / Г. В. Токарев. – Текст : непосредственный // Русистика: проблемы, достижения, перспективы : сборник научных статей. – Тула : Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, 2003. – С. 8-11.

198. Токарев, Г. В. О некоторых стилистических особенностях стихотворений Вяч. Иванова / Г. В. Токарев. – Текст : непосредственный // Язык. Культура. Коммуникация: изучение и обучение : Сборник научных трудов V Международной научно-практической конференции, Орел, 14–15 октября 2021 года. – Орел: Общество с ограниченной ответственностью полиграфическая фирма «Картуш», 2021. – С. 401-405.

199. Токарев, Г. В. Поэтические инновации в когнитивном аспекте / Г. В. Токарев. – Текст : непосредственный // Человек и язык в коммуникативном пространстве: сборник научных статей. – 2018. – Т. 9, № 9. – С. 156-159.

200. Токарев, Г. В. Вопросы категоризации знаний / Г. В. Токарев. – Текст : непосредственный // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2014. – Т. 20, № 6. – С. 174-177.

201. Томашевский, Б. В. Стилистика: учебное пособие / Б. В. Томашевский. – 2-е издание, исправленное и дополненное. – Ленинград : Издательство ЛГУ, 1983. – 288 с. – Текст : непосредственный.

202. Тынянов, Ю. Н. Проблема стихотворного языка / Ю. Н. Тынянов. – Ленинград : Академия, 1924. – 120 с. – Текст : непосредственный.

203. Фаттахова, А. Ж. Гипербола в творчестве В. В. Маяковского: способы образования и особенности лингвоэстетического употребления : специальность 10.02.01 «Русский язык» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / А. Ж. Фаттахова. – Ижевск, 2018. – 228 с. – Текст : непосредственный.

204. Федорова, Л. Л. Территория абсурда / Л. Л. Федорова. – Текст : непосредственный // Абсурд в языке и коммуникации : сборник статей. –

Москва : Российский государственный гуманитарный университет, 2020. – С. 5–21.

205. Фреге, Г. О смысле и значении / Г. О. Фреге. – Текст : непосредственный // Логика и логическая семантика : сборник трудов / перевод с немецкого Б. В. Бирюкова ; под редакцией З. А. Кузичевой. – Москва : АспектПресс, 2000. – С. 230–247.

206. Хазагеров, Т. Г. Риторика / Т. Г. Хазагеров, И. Б. Лобанов. – 3-е издание. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2008. – 379 с. – Текст : непосредственный.

207. Хазагеров, Т. Г. Общая риторика: курс лекций и словарь риторических фигур / Т. Г. Хазагеров; Л. С. Ширина. – Ростов-на-Дону : РГУ, 1994. – 192 с. – Текст : непосредственный.

208. Хаимова, В. М. В. Маяковский и М. Цветаева: Жанр лирической поэмы : специальность 10.02.01 «Русский язык» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / В. М. Хаимова. – Москва, 1998. – 221 с. – Текст : непосредственный.

209. Хаимова, В. М. Гипербола в поэтическом языке В. Маяковского и М. Цветаевой (на материале лирических поэм) / В. М. Хаимова. – Текст : непосредственный // Вестник Московского института лингвистики. – 2015. – № 1. – С. 56–59.

210. Халиков, М. М. Лексико-семантическая характеристика антонимических контекстов: на материале современного немецкого языка : специальность 10.02.04 «Германские языки» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / М. М. Халиков. – Ленинград, 1983. – 156 с. – Текст : непосредственный.

211. Харченко, В. К. Литота в речевом жанре бытового разговора / В. К. Харченко. – Текст : непосредственный // Жанры речи. – 2019. – № 4 (24). – С. 273–280.

212. Цицерон, Марк Туллий. Три трактата об ораторском искусстве / Марк Туллий Цицерон ; под редакцией М. Л. Гаспарова. – Москва : Наука,

1972. – 471 с. – Текст : непосредственный.

213. Чиняева, В. В. Значение и смысл. Соотношение понятий (на материале пьес У. Шекспира) / В. В. Чиняева. – Текст : непосредственный // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2015. – № 39. – С. 75–83.

214. Чистякова, И. Ю. Общая риторика : учебное пособие / И. Ю. Чистякова, А. Д. Курилова ; Астраханский государственный педагогический университет. – Астрахань : Издательство Астраханского педагогического университета, 1996. – 198 с. – Текст : непосредственный.

215. Шестакова, Э. Г. Оксюморон как категория поэтики (на материале русской поэзии XIX – первой трети XX веков) / Э. Г. Шестакова. – Донецк : НОРД-ПРЕСС, 2009. – 209 с. – Текст : непосредственный.

216. Шилихина, К. М. Абсурд в ироническом дискурсе / К. М. Шилихина. – Текст : непосредственный // Абсурд в языке и коммуникации : сборник статей. – Москва : Российский государственный гуманитарный университет, 2020. – С. 44–55.

217. Шкловский, В. Б. О теории прозы / В. Б. Шкловский. – Москва : Федерация, 1929. – 265 с. – Текст : непосредственный.

218. Шувалов, В. И. Метафора в лексической системе немецкого языка : специальность 10.02.04 «Германские языки» : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / В. И. Шувалов. – Москва, 2006. – 392 с. – Текст : непосредственный.

219. Щербаков, А. В. Антитеза / А. В. Щербаков. – Текст : непосредственный // Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / под редакцией А. П. Сковородникова. – Москва : Флинта : Наука, 2005. – С. 46–49.

220. Якутина, О. Л. Катахреза (катакреза) / О. Л. Якутина. – Текст : непосредственный // Эффективное речевое общение (базовые компетенции) : словарь-справочник. Электронное издание / Сибирский федеральный

университет ; под редакцией А. П. Сковородникова. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – Красноярск : Сибирский федеральный университет, 2014. – С. 210–211.

221. Якутина, О. Л. Лингвистическая природа и стилистический потенциал катахрезы (на материале французской поэзии XIX-XXI вв.) : специальность 10.02.05 «Романские языки» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / О. Л. Якутина. – Москва, 2007. – 19 с. – Текст : непосредственный.

222. Ярунова, Э. С. Гипербола как прием создания комических эффектов в художественном тексте / Э. С. Ярунова, Н. Ю. Шугаева. – Текст : непосредственный // Актуальные вопросы филологии в свете современных исследований : сборник научных статей по материалам XXXII Международной научно-практической конференции, Чебоксары, 21–22 апреля 2022 года. – Чебоксары : Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева, 2022. – С. 385–390.

223. Ярышева, Н. В. Гипербола в поэтических произведениях М. Ю. Лермонтова: Лингвистический аспект : специальность 10.02.01 «Русский язык» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Н. В. Ярышева. – Москва, 1995. – 214 с. – Текст : непосредственный.

224. Яшина, Е. А. Оксюморон как средство создания алогизма в художественном тексте / Е. А. Яшина. – Текст : непосредственный // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2010. – Т. 12, № 5–3. – С. 826–831.

225. Barcelona, A. Introduction. The cognitive theory of metaphor and metonymy / A. Barcelona. – Text : direct // Topics in English Linguistics. – 2000. – № 30. – P. 1–30.

226. Bullinger, D. D. Figures of speech used in the Bible explained and illustrated / D. D. Bullinger. – London–New York, 1898. – 1105 p. – Text : direct.

227. Francisco, J. R. De. M. I. On linguistic evidence of cognitive

processes: the case of hyperbole and irony as conceptual mappings / J. R. De. M. I. Francisco. – Текст : непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2016. – № 26. – С. 52–56.

228. La Pietra, M. Oxymorons: a preliminary corpus investigation / M. La Pietra, F. Masini. – Text : direct // Proceedings of the Second Workshop on Figurative Language Processing. – 2020. – July 9. – P. 176–185.

229. Lakoff, G. The Neural Theory of metaphor / G. Lakoff. – Text : direct // The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought / editor R.W. Gibbs. – Cambridge : Cambridge University Press, 2008. – P. 17–38.

230. McCutcheon, E. Denying the contrary: More's use of litotes in the Utopia/Essential articles for the study of Thomas More / E. McCutcheon ; editors R. S. Sylvester and G. P. Marc'hadour. – Hamden, Connecticut : Archon Books, 1977 – P. 263–271. – Text : direct.

231. Mustafina, A. N. The usage of hyperbole in creolized advertising texts / A. N. Mustafina. – Текст : непосредственный // Филология и новое знание : сборник материалов I Российской научной конференции с международным участием 11–12 ноября 2021 года. – Белгород, 2021. – С. 50–53.

232. Shen, Y. On the structure & understanding of poetic oxymoron / Y. Shen. – Text : direct // Poetics today. – 1987. – Vol. 8, № 1. – P. 109–110.

233. Widdowson, H. G. Practical Stylistics / H. G. Widdowson. – Oxford : Oxford University Press, 1992. – 248 p. – Text : direct.

СЛОВАРИ И СПРАВОЧНИКИ

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – 2-е издание, стереотипное. – Москва : Советская энциклопедия, 1969. – 607 с. – Текст : непосредственный.

2. БАС – Словарь современного русского литературного языка: в 17 томах. – Москва–Ленинград : Издательство АН СССР, 1950–1965. – Текст : непосредственный.

3. Горте, М. А. Фигуры речи: терминологический словарь / М. А. Горте. – Москва : ЭНАС, 2007. – 208 с. – Текст : непосредственный.
4. Козинец, С. Б. Словарь оксюморонов русского языка. – Саратов : Саратовский источник, 2014. – 126 с. – Текст : непосредственный.
5. Кондаков, Н. И. Логический словарь-справочник. – Москва : Наука, 1975. – 721 с. – Текст : непосредственный.
6. КС – Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина ; под общей редакцией Е. С. Кубряковой. – Москва : Филологический факультет МГУ, 1996. – 245 с. – Текст : непосредственный.
7. Литературная энциклопедия. В 11 томах. – [Москва], 1929–1939. – URL: <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclop/> (дата обращения: 11.06.2023). – Текст : электронный.
8. Матвеева, Т. В. Полный словарь лингвистических терминов / Т. В. Матвеева. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2010. – 562. – Текст : непосредственный.
9. Москвин, В. П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Общая и частная классификации. Терминологический словарь. – 2-е издание, существенно переработанное и дополненное / В. П. Москвин. – Москва : Ленанд, 2006. – 373 с. – Текст : непосредственный.
10. Москвин, В. П. Язык поэзии. Приемы и стили : терминологический словарь / В. П. Москвин. – Москва : ФЛИНТА : Наука, 2017. – 464 с. – Текст : непосредственный.
11. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова ; Российская АН, Российский фонд культуры. – 2-е издание, исправленное и дополненное. – Москва : АЗЪ, 1995 – 928 с. – Текст : непосредственный.
12. Остолопов, Н. Ф. Словарь древней и новой поэзии, составленный Николаем Остолоповым, действительным и почетным членом разных ученых обществ: в 3 частях / Н. Ф. Остолопов. – Санкт-Петербург : Типография

Императорской Российской Академии, 1821. – 546 с. – Текст : непосредственный.

13. Поэтика : словарь актуальных терминов и понятий / [главный научный редактор Н. Д. Тamarченко]. – Москва : Издательство Кулагиной – Intrada, 2008. – 357 с. – Текст : непосредственный.

14. Сурков, А. А. Краткая литературная энциклопедия / А. А. Сурков. – Москва : Советская энциклопедия, 1964. – Т. 2. – 1056 с. – Текст : непосредственный.

15. СЭСР – Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под редакцией М. Н. Кожинной ; члены редколлегии: Е. А. Баженова, М. П. Котюрова, А. П. Сковородников. – 2-е издание, стереотипное. – Москва : Флинта : Наука, 2011. – 696 с. – Текст : непосредственный.

16. Федоров, А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка: около 13 000 фразеологических единиц /А. И. Федоров. – 3-е издание, исправленное. – Москва : Астрель : АСТ, 2008. – 878 с. – Текст : непосредственный.

17. Хазагеров, Г. Г. Риторический словарь / Г. Г. Хазагеров. – 2-е издание, стереотипное. – Москва : ФЛИНТА, 2011. – 432 с. – Текст : непосредственный.

18. ЭРО – Эффективное речевое общение (базовые компетенции) : словарь-справочник / под редакцией А. П. Сковородникова, члены редколлегии: Г. А. Копнина и др. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – Красноярск : Сибирский федеральный университет, 2014. – 852 с. – Текст : непосредственный.

19. ЭСКСВ – Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений: Более 4000 статей / автор-составитель В. Серов. – Москва : ЛокидПресс, 2005. – 880 с. – Текст : непосредственный.

20. ЯБС – Языкознание. Большой энциклопедический словарь / главный редактор В. Н. Ярцева. – 2-е издание. – Москва : Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с. – Текст : непосредственный.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ЯЗЫКОВОГО МАТЕРИАЛА

1. Андрей Белый. Собрание стихотворений 2014 / издание подготовил А. В. Лавров ; [Российская академия наук]. – Москва : Наука, 1997. – 466 с. – Текст : непосредственный.
2. Ахматова, А. А. Собрание сочинений: в 6 томах / А. Ахматова ; составление, подготовка текста, комментарии, статья Н. В. Королевой. – Москва : Эллис Лак, 1998. – Т. 1. – 966 с. – Текст : непосредственный.
3. Блок, А. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 томах / А. А. Блок ; Российская академия наук, Институт мировой литературы им. А. М. Горького, Институт русской литературы (Пушкинский Дом). – Москва : Наука, 1997. – Т. 1. – 638 с. – Текст : непосредственный.
4. Блок, А. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 томах / А. А. Блок ; Российская академия наук, Институт мировой литературы им. А. М. Горького, Институт русской литературы (Пушкинский Дом). – Москва : Наука, 1997. – Т. 2. – 894 с. – Текст : непосредственный.
5. Блок, А. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 томах / А. А. Блок ; Российская академия наук, Институт мировой литературы им. А. М. Горького, Институт русской литературы (Пушкинский Дом). – Москва : Наука, 1997. – Т. 3. – 989 с. – Текст : непосредственный.
6. Блок, А. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 томах / А. А. Блок ; Российская академия наук, Институт мировой литературы им. А. М. Горького, Институт русской литературы (Пушкинский Дом). – Москва : Наука, 1999. – Т. 4. – 563 с. – Текст : непосредственный.
7. Брюсов, В. Я. Избранные сочинения: в 2 томах / В. Я. Брюсов. – Москва : Гослитиздат, 1955. – Т. 1. – 751 с. – Текст : непосредственный.
8. Бунин, И. А. Полное собрание сочинений в 13 томах. Стихотворения (1888-1911); Рассказы (1892-1901). – Москва : Воскресенье, 2006. – Т. 1. – 576 с. – Текст : непосредственный.

9. Введенский, А. Суд ушел / А. Введенский. – Текст : непосредственный // «...Сборище друзей, оставленных судьбою»: А. Введенский, Л. Липавский, Я. Друскин, Д. Хармс, Н. Олейников : «Чинари» в текстах, документах и исследованиях: в 2 томах. Том1: Александр Введенский, Леонид Лепавский, Яков Друскин. – Москва, 1998. – С.414-417.
10. Гумилев, Н. С. Полное собрание сочинений: в 10 томах / Н. С. Гумилев. – Москва : Воскресенье, 1998. – Т. 1. – 501 с. – Текст : непосредственный.
11. Гумилев, Н. С. Полное собрание сочинений: в 10 / Н. С. Гумилев. – Москва : Воскресенье, 1999. – Т. 3. – 465 с. – Текст : непосредственный.
12. Есенин, С. А. Полное собрание сочинений: в 7 томах / С. А. Есенин ; главный редактор Ю. Л. Прокушев ; Российская академия наук, Институт мировой литературы им. А. М. Горького. – Москва : Наука : Голос, 1995–2002. – Текст : непосредственный.
13. Мандельштам, О. Э. Полное собрание сочинений и писем: в 3 томах / О. Э. Мандельштам. – 3-е издание, исправленное и дополненное. – Санкт-Петербург : Интернет-издание, 2020. – Т. 1. – 700 с. – Текст : непосредственный.
14. Маяковский, В. В. Полное собрание сочинений: в 13 томах / В. В. Маяковский ; Академия наук СССР, Институт мировой литературы им. А. М. Горького. – Москва : Гослитиздат, 1955-1961. – Текст : непосредственный.
15. Пастернак, Б. Л. Полное собрание поэзии и прозы в одном томе / Б. Л. Пастернак. – Москва : Издательство АЛЬФА-КНИГА, 2017. – 1279 с. – Текст : непосредственный.
16. Сапгир, Г. В. Избранные стихи / Г. В. Сапгир. – Москва–Париж, 1993. – 252 с. – Текст : непосредственный.
17. Северянин, И. Сочинения. В 5 томах / И. Северянин ; составление, вступительная статья, комментарии В. А. Кошелева и

В. А. Сапогова. – Санкт-Петербург : Logos, 1995-1996. – Текст : непосредственный.

18. Сологуб, Ф. К. Полное собрание стихотворений и поэм : в 3 т. / Федор Сологуб. – Санкт-Петербург : Наука, 2012-2020. – Текст : непосредственный.

19. Солоух, С. Клуб одиноких сердец унтера Пришибеева / С. Солоух. – Москва : О.Г.И., 2002. – 318 с. – Текст : непосредственный.

20. Цветаева, М. И. Собрание сочинений: в 7 томах / М. И. Цветаева. – Москва : Эллис Лак, 1994-1995. – Текст : непосредственный.

21. Комсомольская правда. – 2014. – 19 сент. – URL: <https://www.kp.ru/daily/23002/3160847/> (дата обращения: 17.04. 2023). – Текст: электронный.